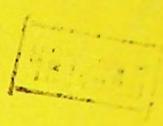

Суданская вилка

ISSN 0131-2812

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 3/93

Дальний Восток России и
страны АТР

*

Экономические потенциалы
России и Китая

*

Я. Накасонэ вручен диплом
почетного доктора ИДВ РАН

*

Из переписки академика
Н.И. Конрада

*

Перл Бак в Китае

*

1993 203

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА

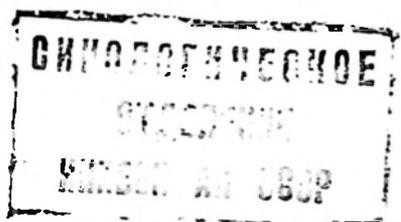
3/93

Учредители: Российская академия наук,
Институт Дальнего Востока РАН

Научный и общественно-политический
журнал, выходит шесть раз в год на
русском и английском языках

Издается с марта 1972 г.

РЕГИОН

А.Иванчиков. Интеграция Дальнего Востока России со странами АТР.....	3
И.Титов. Российско-японские экономические отношения: состояние оптимистического ожидания	18
А.Семенов. КНР-Япония: компромиссы ради экономического сотрудничества.....	27

ОБЩЕСТВО

Я.Бергер. Права человека в Китае: всеобщность и специфика.....	32
--	----

ОПЫТ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ

В.Шабалин, В.Портыков. О сопоставлении динамики роста экономических потенциалов России и Китая.....	42
Л.Аносова. Экономическая реформа во Вьетнаме.....	51
П.Мознас. Эволюция политики "территориальной открытости" в КНР.....	64
Э.Кикабидзе. Япония: бизнес укрепляет связи с наукой.....	74

НАШИ РЕФЕРАТЫ

Алан С.Блайндер. Смотреть ли бывшим соцстранам на Запад или Восток? (Комментарий В.Кашина).....	82
--	----

1 ссб
ЭКЗ

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Я.Накасонэ. Взгляд на обстановку в мире после эпохи
"холодной войны".....98

БИЗНЕС-КЛУБ

В.Титков. Базы данных персоналий специалистов высоких
технологий Японии - NAMES..... 102

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

А.Григорьев. Борьба в ВКП(б) и Коминтерне по вопросам политики
в Китае (окончание)..... 109

В.Усов. КНР: усиление внимания к изучению истории..... 129

Г.Саркисова. В.Ф.Братищев и его миссия в Пекине в 1757 г..... 135

ДОКУМЕНТЫ, АРХИВЫ

Р.Вяткин. Из переписки академика Н.И.Конрада..... 148

КЛУБ КОНФУЦИЯ

А.Кобзев, А.Юркевич. Словарь китайской философии и
культуры (дао, дэ, цзи)..... 153

ПРОФИЛИ

Б.Гиленсон. Китайские годы Перл Бак..... 165

КУЛЬТУРА

Е.Кириллова, В.Слободчиков. Архив В.Перелешина будет
передан в Россию..... 181

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

Б.В.Поспелову - 70 лет..... 192

Редакционная коллегия:

А.М.Григорьев (главный редактор), Я.М.Бергер (зам.главного редактора),
Ю.М.Гарушняц, В.И.Глунин, Л.М.Гудошников, П.М.Иванов, В.Н.Кашин,
В.В.Малявин, С.А.Манежев, П.А.Минакер, В.С.Мясников, Л.С.Переломов,
Д.В.Петров, А.А.Писарев, В.Я.Портяков, Б.Л.Рифтин, Б.Н.Славинский
(зам.главного редактора), Н.Н.Соловьев, В.Ф.Сорокин, Ю.С.Столяров,
Г.Д.Сухарчук, М.Л.Титаренко, Н.С.Тихонов (отв. секретарь), В.П.Ткаченко

© Российская академия наук,
Институт Дальнего Востока РАН

Москва, 117218, ул. Красикова, 27, тел. 124-09-04

ИНТЕГРАЦИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ СО СТРАНАМИ АТР (НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ)

(С) 1993

А.Иванчиков (г.Хабаровск)

Уже многие годы ведутся дискуссии о необходимости усиления роли России (прежде - СССР) в экономическом сотрудничестве в Азиатско-тихоокеанском регионе (АТР), где наблюдается процесс возникновения новых зон экономического роста. Немало места в этих дискуссиях отводится и российскому Дальнему Востоку, экономический и природный потенциал которого используется недостаточно активно для достижения цели интеграции с внешними рынками. При этом справедливо указывается на важность проведения специальной политики, направленной на содействие торгово-экономическим и инвестиционным связям между дальневосточной экономикой и соседними странами. Однако до сих пор не было предпринято никаких конкретных шагов в этом направлении; если не считать скромных попыток создания на рубеже 80-90-х годов более преференциального по сравнению с остальной территорией страны налогового режима для иностранных инвесторов, которые впрочем не достигли эффекта в условиях неблагоприятного в целом инвестиционного климата. Между тем даже при отсутствии государственной поддержки на Дальнем Востоке в последнее время появились новые тенденции, свидетельствующие о начале более радикальных попыток его интеграции с тихоокеанскими странами, особенно экономиками Северо-Восточной Азии (СВА). Они стали возможными благодаря рыночным реформам, которые заставили Дальний Восток по-новому отнестись к использованию своих сравнительных преимуществ. В то же время этот процесс сопровождается появлением серьезных проблем, заметно снижающих потенциальные выгоды региона от участия в международном экономическом сотрудничестве.

Предлагаемая ниже статья посвящена анализу новых тенденций во внешнеэкономических связях региона и подготовлена на основе исследований, проведенных Центром международных исследований и консультаций ИЭИ ДВО в сотрудничестве с Администрациями дальневосточных территорий.

Иванчиков Александр Георгиевич, кандидат экономических наук, директор Центра международных исследований и консультаций Института экономических исследований Дальневосточного отделения РАН.

Изменение географической структуры межрегионального обмена

В течение длительного периода времени поддержание внешней ориентации экономики Дальнего Востока было основано на централизованных капиталовложениях в экстенсивное развитие его сырьевых отраслей. Благодаря государственному финансированию капиталовложений, осуществлявшемуся по каналам союзных и республиканских министерств и ведомств динамика регионального экспорта вплоть до конца 80-х годов имела постоянную тенденцию роста. В период 1970-1990 гг. сбыт продукции на внешних рынках увеличился в 3,5 раза, достигнув 1,3 млрд. рублей в текущих ценах, причем с начала 80-х годов экспорт стал опережать среднегодовые темпы прироста промышленного производства. Тем не менее воздействие внешнего фактора на экономическое развитие Дальнего Востока до недавнего времени было слабо заметным. В 1990 г. регион экспортировал только 4,9% своей промышленной продукции, тогда как в целом по стране этот показатель составлял 7,2%. На экспорт к концу 80-х годов приходилось примерно 1/3 всего объема вывозимой по межрегиональному обмену продукции, большая часть которой предназначалась для потребителей во внутренних регионах бывшего СССР. При этом экономика в целом развивалась, как отмечалось в недавно подготовленном Институтом экономических исследований докладе по экономической реформе на Дальнем Востоке, в большей степени "с опорой на собственные силы". Доля ввозимых товаров в потреблении региона и доля вывозимых товаров в его производстве уступали средним показателям по стране.

В начале 90-х годов в экономике Дальнего Востока появились новые свидетельства, указывающие на частичную персориентацию межрегионального обмена в сторону более эффективных внешних рынков. В 1990-1992 гг. доля экспорта в промышленном производстве возросла более чем в 1,5 раза, достигнув 8,5% (см. таб. 1). Характерно, что эта тенденция является в большей степени относительной, поскольку обусловлена в первую очередь уменьшением объема ввоза-вывоза товаров в экономическом обмене между Дальним Востоком и внутренним рынком России и СНГ, а также падением промышленного производства при сохранении в целом на прежнем уровне объемов экспорта. Действительно, при использовании внешнеторговых (или мировых) цен применительно к натуральным показателям экспортных поставок, а также принимая во внимание деятельность совместных предприятий, обнаруживается, что в стоимостном выражении экспорт в 1991-1992 гг. практически остался на уровне предыдущего периода. Заметное падение имело место в Республике Саха (Якутия), тогда как остальные территории зафиксировали рост экспорта. Эта ситуация резко отличается от положения в общероссийском экспорте, который за период 1990-1992 гг. уменьшился почти в 2 раза. Не случайно, удельный вес Дальнего Востока в

экспорте России в 1992 г. достиг 4%, что вдвое выше аналогичного показателя в конце 80-х годов. Другое важное отличие ситуации на Дальнем Востоке от общероссийской состоит в том, что в первом случае происходило опережающее падение промышленного производства, а во втором, наоборот, темпы падения экспорта были более глубокими, чем снижение производства. В результате экономика страны стала более закрытой. Отмеченный выше рост доли экспорта в промышленном производстве на Дальнем Востоке подтверждает наличие здесь другой тенденции.

Таблица 1

Доля экспорта в промышленном производстве Дальнего Востока
(в процентах)

1970	1975	1980	1985	1990	1992
3,2	3,0	3,2	3,6	4,9	8,5

Источник: Составлено на основе данных Статистических управлений и Администраций территорий Дальнего Востока

Хотя Россия во второй половине 80-х-начале 90-х годов столкнулась с проблемой сокращения экспорта и внешней торговли, ее торгово-экономическое сотрудничество со странами АТР динамично развивается. Их доля во внешней торговле России только в 1991-1992 гг. увеличилась с 12 до 20%. Расширение торговли со странами АТР, как видно из таблицы 2, тесно связано с освоением прежде нетрадиционных рынков - Южной Кореи, Таиланда, Сингапура, Гонконга, Тайваня, а также КНР и других стран, которые начинают конкурировать с традиционными партнерами России в этом регионе, прежде всего с Японией.

Частичная переориентация торговых связей на тихоокеанские страны имеет непосредственное отношение к экономическому развитию Дальнего Востока, через территорию которого осуществляется основная часть экспортно-импортных операций России со странами АТР. Доля собственно дальневосточных предприятий и внешнеторговых организаций, включая предприятия с иностранными инвестициями (ПИИ), в этой торговле, по нашим расчетам, составляет около 20%. Таким образом, с точки зрения интеграции России в АТР природные и экономические ресурсы Дальнего Востока, хотя и имеют важное значение, остаются менее заметными по сравнению с его транспортно-транзитной ролью. Более того, его транспортная инфраструктура, особенно связанная с железнодорожными и морскими перевозками, все в большей степени начинает обслуживать внешнюю торговлю России и Дальнего Востока за счет уменьшения грузооборота по

линии межрегиональных связей между регионом, с одной стороны, и внутренним рынком России и СНГ в целом, - с другой. В результате, как видно из таблицы 3, доля экспортно-импортных грузов в грузообороте основных портов, за исключением порта Восточного, стабильно возрастает, а доля остальных грузов уменьшается.

Таблица 2

Удельный вес отдельных стран и регионов АТР во внешней торговле СССР и России (в процентах)

	Япония	Континентальный Китай	Республика Корея	Сингапур	Таиланд	Тайвань
СССР						
1985 г.	33,0	16,5	0,0	0,9	0,7	0,0
1991 г.	26,3	30,1	2,6	1,9	1,6	0,6
Россия						
1991 г.	4,2	3,2	0,5	0,3	0,2	0,1
1992 г.	4,1	5,3	1,3	1,0	0,7	0,3

Источник: Составлено на основе данных Госкомстата и Министерства внешнеэкономических связей Российской Федерации

Таблица 3

Доля экспортно-импортных грузов в общем грузообороте транзитных портов Дальнего Востока (в процентах)

Порт	1985	1990	1991	1992
Владивостокский	48,6	41,3	75,9	86,5
Находкинский	74,1	85,7	85,5	90,7
"Восточный"	96,2	90,1	84,2	80,2
Ванинский	19,6	20,5	17,5	25,0

Источник: Составлено на основе данных представленных портов

Рост значимости внешних рынков в межрегиональном обмене обусловлен рыночными реформами, особенно повышением железнодорожных тарифов, ведущим к снижению конкурентоспособности товаров Дальнего

Востока на внутренних рынках России и СНГ. Ранее не принимавшиеся во внимание фактор экономического расстояния и принцип экономической выгоды ныне являются для предприятий главными при определении потенциальных партнеров. Следует отметить, что с точки зрения перспективы интеграции региона со странами АТР относительный характер переориентации экономических связей является более важным и отражающим долгосрочные перемены фактором, чем просто увеличение объема экспорта за счет роста централизованных капиталовложений в сырьевые отрасли, лежавшее в основе прежней внешнеэкономической политики.

Изменение структуры внешней торговли

В то время как в общем объеме межрегионального обмена ввоз товаров на Дальний Восток традиционно превышает их вывоз, во внешнеторговых связях наблюдается обратная картина. Из таблицы 4 видно, что экспорт региона больше импорта. В частности, в 1992 г. положительное сальдо составляло более 300 млн. долл. Однако наиболее вероятно, что в перспективе эта ситуация должна измениться. Уже сейчас замещение ввоза товаров из внутренних районов России и СНГ их импортом происходит более заметно, чем замещение вывоза товаров по межрегиональному обмену их экспортом на внешние рынки. Нынешнее положительное сальдо обусловлено главным образом падением инвестиционной активности на Дальнем Востоке, что ведет к уменьшению спроса на материально-технические ресурсы и стимулирует импорт лишь товаров народного потребления. Вместе с тем структура импорта в период конца 80-х-начала 90-х годов в целом отличалась тенденциями нестабильности, которые являлись результатом попыток Дальнего Востока более активно использовать внешнеторговые связи для нужд социально-экономического развития в условиях разрушающегося механизма централизованного управления экономикой.

Таблица 4
Внешняя торговля Дальнего Востока в 1992 г. (в млн.долл.)^{х)}

Оборот	2722,3
Экспорт	1532,8
Импорт	1189,5
Торговый баланс	343,3

Источник: Составлено на основе данных Статистических управлений и Администраций территорий Дальнего Востока

^{х)} включая внешнюю торговлю предприятий с иностранными инвестициями (ПИИ)

Импорт машин и оборудования возрастал до тех пор, пока в сырьевых отраслях не был пройден пик роста производства и капиталовложений. В последующие годы в импорте стала быстро возрастать доля товаров народного потребления (см. таб. 5). Причем их удельный вес в 1991-1992 годах на самом деле был большим, поскольку они частично включаются в группу машин, оборудования и транспортных средств. Это особенно относится к легковым автомобилям. В этот период доля промышленных товаров народного потребления по сравнению с пищевкусовыми заметно увеличилась, однако в некоторых областях и краях Дальнего Востока, которые имеют меньше возможностей для сбыта импортных товаров на внутреннем рынке России, можно обнаружить обратную тенденцию. Другими словами, для собственного потребления Дальний Восток импортирует в первую очередь пищевкусовые товары, которые, как впрочем и промышленные товары народного потребления, играют уже заметную роль в стабилизации внутреннего рынка региона.

Таблица 5

Структура импорта Дальнего Востока (в процентах)^{х)}

		1989	1990	1992 ^{хх)}
	Всего 100,0	100,0	100,0	100,0
Машины, оборудование, транспортные средства	34,4	39,5	24,0	67,4
Топливо, минеральное сырье, металлы	0,1	0,2	1,6	-
Сырье для производства пищевкусовых товаров, пищевкусовые товары	36,7	23,9	27,1	
Промышленные товары народного потребления	30,4	8,2	19,1	41,7
Строительные материалы	4,1	1,5	0,6	-
Прочие	16,5	15,0	5,0	2,2

Источник: Составлено на основе данных Статистических управлений и Администраций территорий Дальнего Востока

х) - без учета импорта ПИИ

хх) за 1992 г. в правой колонке указана структура импорта ПИИ

Ведущая роль добывающих отраслей в промышленности Дальнего Востока определяет сырьевой характер структуры его экспорта, в которой доминирует продукция лесной, топливно-энергетической, рыбной отраслей.

Вместе с тем экспортная структура не стабильна. Особенно заметные изменения имели место в период конца 80-х - начала 90-х годов, что видно из таблицы 6.

Во-первых, резко упал удельный вес промышленного сырья и продуктов его переработки, прежде всего продукции лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной промышленности, на которую в 1992 г. приходилось всего 12,7% общего объема экспорта, что более чем вдвое ниже показателя 1988 г. Падение началось, правда, значительно раньше. Но если уменьшение доли этой продукции с 61% в 1975 г. до 43% в 1985 г. было тесно связано с увеличением объемов экспорта других, прежде всего рыбных и топливно-энергетических товаров, то в последующие годы главным стало падение экспорта самой лесной промышленности после пика его роста в 1990 г. В 1990-1992 гг. в натуральном выражении экспорт местными предприятиями деловой древесины уменьшился с 4835 млн.куб.м до 1804 млн.куб.м. При этом начиная с 70-х годов и до настоящего времени структура лесного экспорта в целом стабильно сохраняет узкий ассортимент, в основном состоящий из лесоматериалов с низкой добавленной стоимостью, и в меньшей степени - из пиломатериалов, технологической щепы и целлюлозы. Характерно, что лесная промышленность оказалась единственной отраслью, которая в последние годы столкнулась с проблемой уменьшения доли экспорта в производстве.

Таблица 6

Структура экспорта Дальнего Востока по годам (в процентах)^{х)}

		1985	1988	1991	1992 ^{хх)}
	Всего 100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Машины, оборудование, транспортные средства	2,5	2,1	1,9	17,8	12,7
Топливо, минеральное сырье, металлы	19,9	20,7	17,2	26,7	20,7
Химические продукты	1,6	1,0	7,3	9,1	3,6
Строительные материалы	1,2	0,6	0,1	0,2	0,1
Сырье и продукты его переработки (лесотовары)	43,5	34,5	24,2	13,4	12,7
Пищевкусовые товары и сырье для них	19,5	34,2	44,9	29,4	43,2
Прочие товары	11,8	6,9	4,4	3,4	6,8

Источник: Составлено на основе данных Статистических управлений и Администраций территорий Дальнего Востока

x - без учета экспорта ПНИ

xx - за 1992 г. в правой колонке указана структура экспорта Дальнего Востока, включая экспорт ПНИ

Во-вторых, еще одной заметной тенденцией следует считать выдвигание на первое место по объему экспорта рыбной промышленности, на которую в начале 90-х годов более 40% всего экспорта и подавляющая часть экспорта пищевых товаров Дальнего Востока. В 1992 г. более 13% объема добычи российскими и совместными предприятиями рыбы и морепродуктов было продано на внешних рынках.

В-третьих, можно обнаружить существенные сдвиги в экспорте топлива, минерального сырья и металлов. Сохранение в целом на прежнем уровне удельного веса этой группы товаров в экспорте объясняется снижением экспорта угля, что однако было компенсировано ростом поставок на внешние рынки металлов, нефти и нефтепродуктов. Доля черных и цветных металлов, то есть без учета централизованного экспорта серебра и золота, в 1992 г. по сравнению с 1988 г. увеличилась примерно в 6 раз. В 1990 г. экспорт угля достиг своего пика в 7 млн.т, а затем стал неуклонно снижаться, составив в 1992 г. всего 2,94 млн.т. Экспорт сырой нефти и нефтепродуктов, наоборот, вырос с 490 тыс. т в 1990 г. до 726 тыс. т в 1992 г. В результате нефтяная и нефтеперерабатывающая отрасли приобрели динамику растущей экспортной ориентации.

В-четвертых, важной тенденцией явилось увеличение в экспорте Дальнего Востока доли реэкспортных товаров. Это касается прежде всего машинотехнической продукции и химических удобрений. Удельный вес продукции собственного машиностроения в 70-80-е годы был незначителен и стал расти только в начале 90-х годов. На самом деле его объем намного больше, чем это отражено в статистических данных, поскольку они не включают крупные поставки по линии централизованного экспорта продукции оборонного комплекса, в частности авиастроения. С другой стороны, статистика охватывает экспорт продукции машиностроения, в первую очередь транспортных средств, закупаемых предприятиями Дальнего Востока во внутренних районах России. Во многом благодаря реэкспортным операциям доля экспорта машинотехнических товаров увеличилась с 2,1% в 1988 г. до 17,8% в 1992 г., а за счет реэкспорта химических удобрений удельный вес продукции химической промышленности вырос с 1,0 до 9,1% соответственно. В то же время структура экспорта несколько диверсифицировалась в связи с появлением ряда других химических продуктов, особенно боросодержащего сырья, производимого в Приморском крае.

Что касается остальных товарных групп и позиций, то в большинстве случаев имело место сокращение объемов экспорта. Особенно это касается продукции звероводства и строительных материалов. Косвенно эти изменения отражены в уменьшении доли так называемых "прочих товаров" в структуре экспорта с 12,6% в 1980 г. до 6,8% в 1992 г.

Таким образом, попытки интеграции Дальнего Востока с внешними рынками сопровождаются некоторыми изменениями товарной структуры товарообмена при сохранении в целом его общей схемы, предполагающей обмен сырьевых ресурсов на готовую продукцию. Другими словами, межотраслевой обмен остается доминирующим во внешней торговле. Эта ситуация обусловлена сложившейся промышленной структурой региона и кризисным состоянием предприятий оборонного комплекса, которые могли бы резко усилить заложенный в природных ресурсах потенциал расширения экономических отношений с соседями за счет перераспределения своих кооперационных связей на страны АТР. Произошло заметное выравнивание вклада дальневосточных территорий во внешнюю торговлю региона и особенно в экспорт. При этом каждая из них пыталась самостоятельно приспособиться к новым условиям для достижения максимальной выгоды от расширения внешнеэкономических связей. Например, Республика Саха (Якутия), столкнувшись с сокращением экспорта угля, активно использовала валютные отчисления от добычи и централизованного экспорта алмазов для наращивания импорта. В результате в 1992 г. ее торговый баланс оказался дефицитным. В Приморском крае импорт также превысил экспорт, поскольку значительная часть внешнеторговых сделок была ориентирована на продажу импортных товаров на внутреннем рынке России в связи с возможностями, открывшимися благодаря расширению внутреннего валютного рынка. Хабаровскому краю удалось несколько диверсифицировать свой экспорт, который по товарной структуре ныне явно выделяется среди других территорий Дальнего Востока. Кстати, по объему продаваемых на внешнем рынке товаров Хабаровский край также лидер, хотя этот факт все еще остается незаметным при подсчете экспорта во внутренних ценах, по которым на первом месте находится Приморский край. Амурская область во внешней торговле региона занимает особое положение. В последние годы она обеспечивает основной прирост экспорта за счет реэкспортных операций, с большой выгодой для себя используя расширяющуюся российско-китайскую торговлю. Но при всем разнообразии внешнеэкономической деятельности для всех территорий в той или иной степени характерно изменение географической структуры внешней торговли, что в наибольшей степени отражает попытки интеграции Дальнего Востока с внешними рынками.

Изменения географической структуры внешней торговли

Внешняя торговля Дальнего Востока традиционно ориентируется на страны АТР, доля которых, по сравнению с другими странами, неуклонно возрастает. В настоящее время на их рынки приходится, как видно из таблицы 7, около 90% экспорта по сравнению с 78% в 1985 г.

Таблица 7

Удельный вес отдельных стран в экспорте Дальнего Востока по годам (в процентах)

	1980	1985	1990	1992 ^{х)}
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0
страны АТР, из них:	68,0	78,0	85,0	89,8
Япония	61,0	62,0	65,0	47,2
КНР	-	10,0	17,0	29,5
другие страны АТР	7,0	6,0	3,0	13,1
другие страны	32,0	22,0	15,0	10,2

Источник: Составлено на основе отчетов предприятий, данных Статистических управлений, Администраций территорий Дальнего Востока

х) - не включая Камчатскую область

Хотя японский рынок остается главным потребителем основных экспортных товаров Дальнего Востока - рыбы и морепродуктов, лесоматериалов и топливно-энергетических ресурсов, его удельный вес в 1985-1992 гг. сократился с 62 до 47%. При этом на Дальний Восток приходится около 25% российского экспорта в эту страну. Наиболее прочные позиции Япония сохраняет в экспорте Сахалинской области (54% ее экспортных товаров продается на японском рынке), Камчатской области (около 60%), Магаданской области (79%), Республике Саха (Якутия) (95%), Хабаровском крае (49%), Приморском крае (40%).

Наиболее динамично развивается внешняя торговля с КНР. Нормализация на рубеже 80-х-90-х годов политических отношений между СССР и КНР создали возможности для быстрого роста торгово-экономического сотрудничества между двумя странами. В 1992 г. товарооборот между Россией и Китаем вырос на 27% и приблизился к 4 млрд.долл., что составляет более 5% российской внешней торговли. Примерно 25% этой торговли осуществляется с участием дальневосточных предприятий. В торговом обороте Приморского края и Амурской области Китай занимает

46% и 90% соответственно. В период 1985-1992 гг. удельный вес КНР в экспорте Дальнего Востока увеличился с 10 до почти 30%, чему в значительной степени способствовало быстрое расширение реэкспортных (посреднических) операций и бартерной торговли. Например, в бартерной торговле Дальнего Востока на Китай приходится 58%, что вдвое превышает удельный вес японских фирм. Рост масштабов так называемых прямых внешнеторговых связей предприятий также оказал более стимулирующее влияние именно на торговлю с КНР, а не с Японией или другими странами. В начале 90-х годов Китай переместился на первое место как импортный рынок для региона, что было обусловлено устойчивым ростом внутреннего спроса на товары народного потребления, как промышленные, так и пищевкусовые. Лидирующие позиции КНР как импортного рынка поддерживаются также конкурентоспособными ценами, предлагаемыми внешнеторговыми компаниями этой страны. Рост экспорта товаров для Дальнего Востока в большей степени, чем расширение импорта его товаров способствовал превращению Китая в главного внешнеторгового партнера региона. В 1992 г. на КНР приходилось более 38% его внешнеторгового оборота.

Еще несколько лет назад экспортный и импортный рынки Республики Корея были незаметны во внешней торговле Дальнего Востока, а ныне с ними связано уже 9% торговых связей. Характерно, что торгово-экономическое сотрудничество с самого начала пытаются развивать крупные корпорации Южной Кореи, которые во многих случаях предъявляют спрос на те же экспортные товары, что и японские мелкие и средние фирмы. В условиях спада инвестиционной активности южно-корейские партнеры активно экспортируют на Дальний Восток товары народного потребления. В результате их доля в импорте Дальнего Востока заметно возросла и достигла 12%, отражая растущую конкуренцию с японскими и китайскими товарами.

Прежняя ориентация на монопольного зарубежного партнера, каким для экспорта Дальнего Востока на протяжении последних 20 лет являлась Япония, сдерживала развитие экспорта и внешней торговли региона. Учитывая уязвимость дальневосточного экспорта, прежде всего его узкий ассортимент и зачастую низкое качество товаров, временные ухудшения конъюнктуры на японском рынке до сих пор серьезно отражаются на экспортных доходах местных предприятий. Поскольку быстрая смена партнеров в этих условиях затруднительна, частичная переориентация экспорта и импорта на рынки других стран, ставшая возможной благодаря расширению свободных экономических обменов Дальнего Востока, может серьезно способствовать дальнейшему расширению масштабов внешней торговли и усилению интеграции с внешними рынками, особенно со странами Северо-Восточной Азии (СВА), на которые приходится более 80% внешней торговли Дальнего Востока.

Изменение в организации внешнеэкономической деятельности

Хотя замещение хозяйственных связей с внутренними рынками России и других стран СНГ экспортом и импортом приняло наиболее заметные очертания в начале 90-х годов, фактически этот процесс начался раньше и был вызван изменениями в организации внешнеэкономической деятельности Дальнего Востока. Вплоть до конца 80-х годов развитие его внешней торговли осуществлялось в основном в централизованном порядке на основе государственного заказа. При этом свыше 40% объема экспортных поставок осуществлялось в рамках межгосударственных соглашений о двустороннем экономическом сотрудничестве. Большая часть соглашений, заключавшихся с зарубежными странами и фирмами, предусматривали экспорт на долговременной основе заранее определенного количества продукции, обеспечивая стабильность экспорта и внешней торговли. Основной формой торгово-экономических отношений, поддерживаемых в централизованном порядке, выступали компенсационные соглашения в топливно-энергетическом и лесном комплексах и совместное рыболовство, которые таким образом охватывали ведущие экспортные отрасли Дальнего Востока.

Однако в последние годы государственная монополия на внешнюю торговлю стала заметно уменьшаться, что выразилось в двух основных тенденциях. Во-первых, удельный вес госзаказа в экспорте постепенно снижился, и в 1992 г. на Дальнем Востоке он составил менее 20%. Во-вторых, госзаказ все больше терял обязательный характер. Это видно, например, из того факта, что к началу 90-х годов доля невыполненных предприятиями экспортных заданий достигла 30%. В результате этих изменений у Дальнего Востока появилась возможность заметно расширить свободные экономические обмены с внешними рынками. На смену централизованным поставкам пришли прямые связи предприятий, доля которых, как видно из таблицы 8, в 1992 г. превысила половину всего объема экспорта.

Введение, начиная с 1991 г., системы выделения территориям региональных экспортных квот, по сути означавшей делегирование части полномочий по управлению экспортными ресурсами местным Администрациям, дополнительно расширило возможность ведения территориями свободных экономических обменов и установления прямых внешнеэкономических связей, которые на 80-85% стали использоваться для развития бартерной торговли. Основным мотивом активного включения дальневосточных предприятий в непосредственные деловые отношения с зарубежными компаниями явилась возможность получать конъюнктурную прибыль на разнице внутренних российских и мировых цен на экспортные товары, а в товарообменных операциях с китайскими партнерами важную роль играла разница внутренних цен на товары, предлагаемые сторонами

для обмена. Одновременно решалась проблема обеспечения потребительского рынка Дальнего Востока продовольствием и товарами повседневного спроса, на которые приходится основная часть импортных закупок. Немаловажно, что бартерные операции позволяют обходить многие ограничения валютного и внешнеторгового регулирования, что даже в статистике отражается традиционным превышением импорта над экспортом.

Таблица 8

Организация внешней торговли Дальнего Востока (в процентах)

	1988	1989	1992
Экспорт, всего,	100,0	100,0	100,0
в том числе:			
1. На государственные нужды	94,4	74,2	19,3
2. В порядке свободной реализации,	5,6	25,8	80,7
в том числе:			
1) по линии приграничной, прибрежной торговли	2,6	2,0	3,7
2) по прямым связям	3,0	22,2	52,7
3) экспорт ПИИ	-	1,6	24,3

Источник: Составлено по данным Статистических управлений и Администраций Дальнего Востока

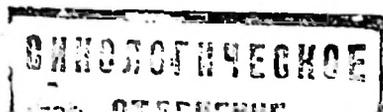
Децентрализация управления экспортными ресурсами создала возможность для активного привлечения на Дальний Восток иностранных инвесторов, хотя, конечно, оживление их деятельности в начале 90-х годов было связано также с общей либерализацией внешнеторгового и валютного регулирования, началом проведения рыночных реформ. К началу 1993 г. на территории Дальнего Востока было зарегистрировано в общей сложности более 1000 совместных предприятий. Их внешнеторговая деятельность уже является одним из важнейших каналов переориентации экономических связей региона на внешние рынки. В 1992 г. на предприятия с иностранными инвестициями приходилось примерно 20% всего объема внешней торговли Дальнего Востока. В некоторых случаях они содействуют диверсификации экспортных рынков. Например, США прежде не относились к традиционным торговым партнерам Дальнего Востока. Однако развитие инвестиционного сотрудничества позволяет им улучшить торговые связи с местным рынком. В

1992 г. на долю совместных предприятий приходилось 66% торгового оборота США с Дальним Востоком. То, что иностранные инвестиции являются важным каналом расширения внешней торговли, подтверждает также пример Республики Корея и Вьетнама, где соответствующие показатели составляют 74 и 81%.

Хотя рыночные реформы и либерализация валютного регулирования расширила стимулы для продаж товаров на внутреннем рынке, основной интерес для иностранных инвесторов, если судить по результатам их практической деятельности, представляют сырьевые экспортные ресурсы Дальнего Востока, прежде распределявшиеся в централизованном порядке. Поскольку существующие "лазейки" в законодательстве обеспечивают предприятию с иностранными инвестициями большую конкурентоспособность в доступе к экспортным товарам и во внешнеэкономической сфере в целом, местные предприятия стали активно идти на создание совместных предприятий для осуществления экспортных операций. В результате, как видно из таблицы 8, доля совместных предприятий в экспорте Дальнего Востока в 1992 г. превысила 24%, а в некоторых территориях этот показатель еще выше. Характерно, что наиболее активно иностранные инвесторы, как впрочем и местные предприятия, действуют в тех секторах и территориях Дальнего Востока, где экспорт товаров в счет государственных нужд является наименьшим. В 1992 г. централизованные поставки охватывали большую часть экспорта нефти, нефтепродуктов и угля, и меньше - лесотовары, и фактически не затрагивали продукцию рыбной промышленности. Это сказывается и на структуре экспорта совместных предприятий, в которой доминирует рыба и морепродукты. Другой, более негативной тенденцией является активное замещение совместными предприятиями местных экспортеров. В результате происходит не столько рост экспорта, сколько изменение юридического статуса экспортеров Дальнего Востока. Нынешний механизм деятельности совместных предприятий менее всего связан с производственной кооперацией и передачей технологии, выступая в большинстве случаев лишь удобной формой разделения рынков, из которых за российской стороной остается только внутренний.

Интеграция со странами СВА и АТР является безальтернативным и, в то же время, сопряженным с большим риском вариантом для экономического развития Дальнего Востока. Плановая экономика обуславливала отрицательное сальдо межрегионального обмена в экономических отношениях региона с внутренними районами страны. Хотя эти отношения во многих случаях были неэффективными с точки зрения экономической целесообразности, они покрывались за счет субсидий из государственного бюджета. Централизованное распределение финансовых и материальных ресурсов выступало своего рода гарантией развития дальневосточной экономики. В настоящее время прежнее отрицательное сальдо межрегионального обмена еще не отражается на внешней торговле, поскольку

оптимизация экономических связей в наибольшей степени коснулась пока только товаров народного потребления, где импорт уже заметно замещает ввоз товаров из внутренних районов России и СНГ в целом. Однако подъем инвестиционной активности неизбежно приведет к росту дефицита платежного баланса региона. Ухудшение платежного баланса станет своего рода платой за переориентацию экономических связей и за попытки привлечь в широких масштабах иностранные инвестиции. Ситуация может измениться в лучшую сторону при изменении географии кооперационных связей и ассортиментной структуры предприятий машиностроения и оборонного комплекса, хотя стимулирование иностранных инвестиций в этом направлении на начальном этапе также будет вести к росту спроса на иностранную валюту. В этих условиях возникает необходимость целенаправленных мероприятий по содействию экспорту и инвестициям в импортзамещающие и экспорториентированные предприятия, а также рационализации валютных расходов.

РОССИЙСКО-ЯПОНСКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: СОСТОЯНИЕ ОПТИМИСТИЧЕСКОГО ОЖИДАНИЯ

(С) 1993

И.Титов

Первое российско-японское экономическое совещание, проходившее в Москве со 2 по 4 июня 1993 г., привлекло большое внимание как в России, так и в Японии. Одна из причин этого - специфическая ситуация, сложившаяся в настоящий момент в двусторонних отношениях, которую я бы охарактеризовал как состояние оптимистического ожидания.

Вспомним: в сентябре прошлого года Б.Ельцин неожиданно, по крайней мере для тех, кто далек от политической кухни, отложил свой визит в Токио. Причин тому - и явных, и не очень - была масса. Среди них неуверенность в искренности заявлений японских партнеров об их стремлении развивать экономические связи с Россией по официальным и частнопредпринимательским каналам, которые постоянно делались в тесной увязке с неурегулированностью территориальной проблемы. Тогда многие высказывания, в том числе некоторых руководителей крупнейших предпринимательских организаций Японии, указывали на то, что до ее решения нет никаких перспектив развития крупномасштабного делового сотрудничества.

Был взят короткий тайм-аут, с тем, чтобы, "не снижая планки", в короткие сроки повторить попытку и все-таки добиться заметных сдвигов в российско-японских отношениях. Однако то ли были предложены не совсем удачные сроки, то ли были какие-то технические недоработки... Одним словом, в конце мая средства массовой информации передали сообщение об отсрочке только что объявленного визита Б.Ельцина в Токио. И хотя в Москве широкого резонанса такой разворот событий не получил, в Токио новая отсрочка была воспринята весьма болезненно.

Вот на таком, почти драматическом фоне вопросы экономического сотрудничества не только стали играть более самостоятельную роль, но, на мой взгляд, вышли на первый план в комплексе отношений между нашими странами. Из Токио один за другим поступали сигналы о готовности экономического взаимодействия и в нынешних условиях, появились новые проекты, предложения об экономической помощи. Это в определенной мере показало объективную "неживучесть" принципа "неотделения политики и экономики", под которым подразумевалась жесткая увязка развития экономических отношений с территориальным вопросом. Все это дает основы для оптимизма.

Титов Игорь Борисович, ответственный секретарь Российско-японского комитета по экономическому сотрудничеству.

Что было решающим? Желание заполнить паузу в замороженных отношениях, или реальное стремление найти наконец выход из досадного тупика, в котором оказались экономические связи - определенно утверждать трудно. По крайней мере, в ходе подготовки экономического совещания был очевиден явный интерес и активность японской стороны. Что само по себе весьма симптоматично и, конечно же, было отмечено, и произвело соответствующее впечатление на российский комитет.

С особым вниманием к нынешней встрече отнеслось и российское правительство. Фактически, это уже четырнадцатое подобное мероприятие, начиная с 1966 года, когда состоялось первое совместное совещание советско-японского и японо-советского комитетов по экономическому сотрудничеству. Но по уровню представительства последнее совещание не знает себе равных. На открытии присутствовали вице-премьеры О.Лобов и О.Сосковец. В работе принимали участие руководители министерств, ведомств, банков, предпринимательских объединений, директора крупнейших предприятий. Не всех желающих смог вместить конгресс-зал Торгово-промышленной палаты.

С одной стороны, эта активность свидетельствовала об объективном и растущем интересе России к Японии, который не всегда проглядывался в политических делах. С другой - дало основания предполагать насколько серьезно ведется подготовка к июльской встрече "семерки" в Токио.

Логично также предположить, что повышенный интерес к совещанию вызван озабоченностью деловых кругов неудовлетворительным состоянием экономических отношений между двумя странами, в которых, начиная с 1991 года, наблюдается спад.

Вот последние данные, фигурировавшие на совещании. В 1992 году товарооборот России с Японией составил 3,248 млрд. долларов, сократившись на 20 процентов по сравнению с уровнем предыдущего года. Экспорт - 1,568 млрд. долларов, и импорт - 1,68 млрд. долларов, что соответственно на 16,6 и 22,4 процента меньше показателей 1991 года. С учетом того, что курс доллара по отношению к иене за это время существенно понизился, можно предположить, что физический объем торговли сократился еще более резко.

Однако здесь уместен комментарий. Во-первых, статистика не учитывает поставленные из Японии в Россию, но неоплаченные, товары, коммулятивная стоимость которых составляет почти половину товарооборота. Во-вторых, необходимо учитывать, что значительно снизился российский реэкспорт через Японию в третьи страны, с которыми у нас не было дипломатических отношений. В-третьих, часть фактического импорта японской продукции не учитывается, так как осуществляется через дочерние предприятия и в форме комплектующих в поставках из третьих стран.

Все эти рассуждения, тем не менее, малоутешительны: по итогам прошлого года Япония с четвертого места среди внешнеторговых партнеров России сместилась на седьмое - после Германии, Италии, Китая, Чехословакии, США и Франции. При этом ее удельный вес в нашем объеме внешней торговли всего 4,3 процента (экспорт - 3,9 и импорт 4,8 процентов).

А соответствующий показатель России в японской статистике - около 0,5 процента.

Что касается прямых японских инвестиций в российскую экономику, то они составляют лишь 0,1 процента общего объема зарубежных инвестиций Японии. С участием японского капитала создано 119 совместных предприятий. Общее число СП на конец 1992 года - 2122. В 1993 году создано еще 20 российско-японских СП. В основном это небольшие по масштабам предприятия в сфере обработки морепродуктов, древесины, сфере услуг и т.д. Хотя есть при этом и положительные моменты. Почти все совместные предприятия с японским капиталом функционируют, тогда как в целом более половины зарегистрированных совместных предприятий в России не осуществляют производственную деятельность. Японские СП к тому же в выгодную сторону отличаются величиной уставного капитала. Кроме того, достаточно велики показатели экспорта из России японских СП и, следовательно, получение Россией налоговых доходов. Например, в экспорте совместных компаний на российско-японские СП приходится четверть суммарного экспорта совместных предприятий. А вот доля российско-немецких СП - 15 процентов.

И все же состояние пока далеко не удовлетворительное. По крайней мере оно не соответствует потенциальным возможностям двух стран.

С одной стороны такая плачевная ситуация имеет объективные корни: российский (союзный) экспорт до сих пор был ориентирован на сырьевые поставки, что давало свои плюсы при сырьевом буме и не могло не привести к отрицательному результату при падении спроса на сырье, вызванного структурными изменениями в японской экономике. С другой стороны, покупательная способность российских партнеров пока еще низкая, особенно это касается дорогих, но качественных товаров.

Но все же основными ограничителями нашего сотрудничества являются, как еще раз показало совещание, субъективные факторы. Отдавая себе в этом отчет, и японская, и российская стороны решили отойти от практиковавшейся формы проведения подобных мероприятий, когда аудитории предлагалась масса новых идей и проектов. На этот раз внимание было решено сосредоточить на обсуждении конкретных проблем сотрудничества, чтобы иметь полную картину и потенциальных возможностей, и тех проблем, решение которых даст положительный результат. Выдвижение - как это было не раз на предыдущих совещаниях - массы грандиозных проектов без их достаточного технико-экономического обоснования и без учета существующих трудностей изрядно поднадоело нашим японским партнерам. А уж разговоры об "уходящем поезде", в который попали почти все, кроме японских бизнесменов, и вовсе вызывает у них аллергию.

Мотивация политики японского бизнеса имеют свою ярко выраженную специфику. До тех пор, пока в России не будут созданы благоприятные или хотя бы просто нормальные условия для зарубежных предпринимателей - как

в инвестиционной сфере, так и в торговле - он будет выжидать, собирать информацию, просчитывать варианты. Но как только основные слагаемые предпринимательского климата будут налицо, пойдет широкий и достаточно интенсивный процесс сближения наших экономик. И анализ выступлений японских представителей подтверждает эту мысль.

Первая и может быть самая горячая тема - кредиторская задолженность, возникшая в результате ликвидации СССР. Общая сумма такой задолженности - 7,6 млрд. долларов США. В том числе - внешняя задолженность бывшего СССР перед государственными кредиторами или задолженность, имеющая гарантию уполномоченных государственных органов других стран, составляющая 1,5 млрд. долларов, и банковская задолженность, негарантированная государственными органами, которая достигает 4,5 млрд. долларов. Вопросы, связанные с урегулированием этих финансовых обязательств, курируются соответственно Парижским клубом и Консультативным Комитетом банков-кредиторов Лондонского клуба.

На совещании внимание участников было сосредоточено на обсуждении третьей части наших обязательств - коммерческой задолженности субъектов хозяйственной деятельности бывшего СССР за уже поставленные из Японии товары. В 1993 году она достигла 1,6 млрд. долларов. Для ее урегулирования созданы две группы компаний - "Токийский клуб", объединяющий крупные торгово-промышленные компании, и "Группа торговых кредиторов", представляющая интересы мелких и средних фирм. Внешкономбанк, являясь агентом правительства РФ в урегулировании этого долга, ведет переговоры с названными клубами. Представители японских компаний выразили неудовлетворение тем, что коммерческая задолженность "находится на последнем месте" по приоритетности среди вышеназванных видов задолженностей. Но более всего их обескураживает то, что, до сих пор не дан четкий ответ, какая из организаций российской стороны является основным координатором этого вопроса. Разные источники называют МВЭС, Министерстве финансов. Комиссию по вопросам урегулирования внешнего долга, возглавляемую вице-премьером А.Шохиным. Именно последняя была определена на совещании органом, принимающим решение.

По мнению японской стороны, эта проблема не терпит отлагательства, так как некоторые, особенно мелкие фирмы, ориентировавшиеся на советский рынок, находятся в чрезвычайно трудном финансовом положении. Ссылки на отсутствие валютных ресурсов звучат малоубедительно. Тем более что суммы нелегальной утечки валюты из России достигают уже астрономических цифр. Приводятся самые разные данные: от нескольких миллиардов долларов, по официальным данным правительства, до сотни миллиардов, о которых публично говорят некоторые известные предприниматели. Председатель Российско-японского комитета по экономическому сотрудничеству А.Вольский назвал цифру в 17 млрд. долларов.

С точки зрения всего комплекса российско-японских экономических отношений проблема долга носит критический характер, поскольку она

подрывает доверие к российской экономике, способности российских партнеров цивилизованно торговать.

Что дало в этом плане совещание? Сделано главное: оно показало, что российское правительство рассматривает проблему долга как одну из самых актуальных, и оно не снимает с себя ответственности за ее урегулирование, прилагает все возможные усилия. Тем не менее недостаток официальной информации наиболее раздражает японцев. Мне кажется, что если мы четко заявим японской стороне, что проблема будет решаться так-то и так-то, в такие-то сроки, то тяжесть ситуации сократится, будет восстановлено доверие Японии к России как адекватному торговому партнеру.

Еще одна тема, обсуждавшаяся на совещании, - проблема системы транспорта. По своему влиянию на комплекс торгово-экономических отношений между Россией и Японией она, пожалуй, равнозначна проблеме задолженности. Унаследованный Россией от бывшего СССР флот значительно ограничен по возможностям грузоперевозок. При потребности в 190-200 млн. тонн в год мы сможем перевозить не более 100 млн. тонн. В дальневосточных портах сложилась тяжелейшая ситуация: задержки с загрузкой контейнерных судов и перегрузкой грузов в железнодорожные вагоны, порты забиты грузами, предназначенными для экспорта в Японию, слабая техническая оснащенность, отсутствие общей системы контроля за движением груза.

На конец мая 1993 года на Дальневосточной железной дороге простаивало 12 тыс. вагонов, в том числе 2,5 тыс. вагонов с лесом, 2,5 тыс. вагонов с металлами, 2 тыс. вагонов с углем и т.д. При ежедневном плане выгрузки портами в 1392 вагона, фактически разгружается 1086 вагонов. В целом только в мае, например, портами Дальнего Востока остались необработанными 6169 вагонов.

Ухудшение обслуживания в портах, кроме общего негативного влияния на двустороннюю торговлю, транспортная составляющая которой является важнейшим элементом, резко сокращает поток транзитных грузов через Россию в Европу, что снижает валютные поступления российских предприятий. Для обеспечения сроков и безопасности грузов, что также стало проблемой, экспортеры вынуждены переориентироваться на более дорогой, но надежный маршрут - через Индийский океан.

В ходе обмена мнениями на совещании по этому вопросу выяснилось, что среди причин такого ухудшения есть и субъективные. Например, после сдачи в аренду коммерческим предприятиям отдельных причалов и комплексов, в частности порта Восточный, на них не разгружаются экспортные грузы, прибывшие согласно плану перевозок, но не предусмотренные арендаторами. По мнению начальника управления международных перевозок МВЭС В.Дьяченко одна из причин создавшейся ситуации - неудовлетворительное управление флотом, портами, и всем транспортным процессом.

Японские предприниматели привели примеры, когда импортируя товары из России, они вынуждены направлять своих сотрудников в

дальневосточные порты, с тем чтобы на месте проконтролировать погрузку на суда и обеспечить отправку груза в соответствии со сроками контракта. Они считают, что проблема подготовленных кадров - одна из серьезных проблем. Ликвидировать нехватку российских судов на Дальнем Востоке японские бизнесмены предложили путем фрахта зарубежных судов, благо на мировом рынке морских перевозок происходит снижение спроса.

Российские участники отметили, что частично проблема с затовариванием портов возникла в результате того, что японские компании, закупая груз на условиях FOB, не обеспечивают его доставку.

Представители МПС, Министерства транспорта дали полнейшую картину планируемых мер по увеличению тоннажа флота, расширению возможностей портов и железных дорог. Японцы восприняли эту информацию с интересом, но заметили, что строительство новых или реконструирование существующих портов - это как минимум 3-5 лет. А грузов скопилось столько, что на их перевалку и отправку потребуется как минимум два года. Словом, проблема осложнилась настолько, что требует срочного решения. И, по всей видимости, необходимо сосредоточить наши усилия именно на интенсификации транспортного процесса, совершенствовании управления, так как экстенсивные меры, включая строительство дополнительных мощностей, могут дать эффект только через несколько лет.

Проблемы транспорта и проблема задолженности - это то, что в первую очередь существенно тормозит российско-японские экономические отношения. Я выделил их потому, что они могут быть решены в ближайшей перспективе. Если это произойдет, можно ожидать определенного роста товарооборота и оживления экономических связей.

Другая группа вопросов, рассмотренных на совещании, по-видимому требует более основательных, долгосрочных подходов. Например, как улучшить общий торгово-инвестиционный климат? Вопросов очень много - здесь и отсутствие стабильной законодательной базы, регулирующей экспортно-импортную деятельность, и подготовка квалифицированных кадров внешней торговли, и знание иностранных языков. Это общие проблемы. Остановлюсь на тех, которые, на мой взгляд, специфичны именно для российско-японских экономических отношений.

Прежде всего это объем и качество информации. В России частенько считают, что если у нас есть какой-то проект или продукция на экспорт, то инвесторы и покупатели должны идти к нам, добиваться информации, да еще и уговаривать. В странах с богатым опытом международной торговли, и, особенно, в Японии, установка совершенно другая. Предлагает информацию продавец или инициатор проекта. Причем делает это он так, чтобы не возникало, по крайней мере, вопросов в его компетентности во внешнеэкономической практике. Если, скажем, предлагается инвестиционный проект, то кроме всего прочего нужно подготовить технико-экономическое

обоснование, просчитать возможные риски, перспективу получения прибыли, учесть и российские условия и общемировую конъюнктуру.

Если предлагается сотрудничество в освоении новой технологии, то японцы хотят получить максимум данных по новой разработке, результаты опытов, данные о патентах и т.д. Мы же нередко ведем разговор на пальцах, даем лишь скудную информацию, да и то на русском языке, вместо того, чтобы профессионально изложить коммерческое предложение на общепринятом английском. Абсолютно нет у нас ни толковых справочников, ни солидных рекламных изданий для иностранных партнеров. Порой даже торговые представительства России за рубежом не имеют четких данных о нововведениях в сфере регулирования внешнеэкономической деятельности. Об этом, кстати, говорили на совещании японцы, да и по другим странам много примеров, когда у торгпредов России нет даже самой элементарной информации о российских производителях.

В этой связи японские бизнесмены активно предлагают нам, и делали это и на сей раз, определить или даже создать организации, которые бы полностью координировали определенные области международного сотрудничества, будь то инвестиции, научно-технические связи, правовые вопросы. Дело в том, что сегодня многие ведомства в России дублируют друг друга, иногда даже конкурируют между собой. Для наших восточных соседей, привыкших к порядку и четким установкам во всем, было бы намного проще сотрудничать с нами, знай они, что есть правительственный или полуправительственный орган, который стоит выше узковедомственных интересов и может дать необходимую информацию и, если необходимо, ответственно вести переговоры по конкретным проектам.

Такая постановка вопроса была воспринята членами российского комитета в принципе с заинтересованностью. По некоторым направлениям создание таких структур, в частности информационного центра по инвестициям в России, уже идет. В ряде случаев мы предложили японцам провести такую работу совместно. В общем интерес был взаимный и участники встречи договорились вести и после ее окончания регулярные консульгации.

На совещании были затронуты также проблемы сотрудничества в топливно-сырьевом комплексе. Эта тема имеет особое значение, так как Российско-японский комитет по экономическому сотрудничеству ведет ряд крупных сырьевых проектов, которые играют весьма важную роль в поддержании определенного уровня двусторонних связей. В рамках комитета осуществлены проекты по технологической щепе, строительству порта Врангеля, три лесных соглашения, в стадии реализации - проект по разработке якутского угольного месторождения.

В ближайшее время после долгих переговоров в рамках соглашения Сахалин-1, в сотрудничестве с фирмой "Содско" начнется освоение нефти и газа на шельфе о.Сахалин (месторождения Чайво и Одопту). Закончена подготовка технико-экономического обоснования по проекту Сахалин-2, в

котором принимают участие японские фирмы "Мицуи", "Мицубиси", а также "Макдермотт", "Марафон" и "Шелл". Судя по сообщениям прессы, есть ряд сомнений в выгодности для России этого соглашения. Все они, безусловно, должны учитываться. Соответствующие коррективы, думается, возможны, тем более с учетом весьма подвижной, гибкой позиции японской стороны. Подготовлено еще два нефтяных тендера и правительство России, как стало ясно на совещании, надеется на участие в них японских компаний.

Возможны и менее крупные проекты: по восстановлению простаивающих скважин, по кредитам на поставку оборудования и т.д. На первый план и здесь выходят вопросы информационного, правового обеспечения, необходимость согласования этих проектов с общей энергетической политикой России на перспективу.

Что касается крупных проектов по освоению новых угольных месторождений, то японская сторона открыто заявила, что перспектив в этом плане нет, поскольку на мировом рынке спрос и предложение по этому виду сырья уже сбалансированы, в отличие от начала 70-х, когда было подписано соглашение по продаже якутского угля. Есть определенный интерес к российским месторождениям с точки зрения диверсификации источников сырья, но, к сожалению, слабая надежда на стабильность и качество поставок из России вынуждает японские фирмы занимать выжидательную позицию.

В длительной стадии ожидания находится Четвертое соглашение по освоению лесных ресурсов Дальнего Востока (КС-4). Оно должно было быть введено в действие еще в 1988 году. Однако перевод госпредприятий на хозрасчет потребовал его существенного пересмотра. В 1991 г. оно, наконец, было подписано, но после распада СССР ратификация проекта российским правительством, предусмотренная условиями соглашения вновь была отложена. Сейчас же, после введения таможенных пошлин, для его выполнения необходим ряд льгот со стороны российского правительства, которое их пока не предоставляет. В частности, стоит вопрос об освобождении от таможенных пошлин и закупке на 100 процентов получаемой валюты в Японии оборудования для заготовки и глубокой переработки древесины. В ходе дополнительных проработок и переговоров в соглашении появляются, как мне кажется, новые элементы, делающие его для России более привлекательным. В частности, в нем появляются элементы выгодного для нас кредита, предполагается финансирование строительства судов-лесовозов, поставок специального портового оборудования.

В этих вопросах подход, по-видимому, должен быть более широким: основными критериями видимо должны стать соображения стратегии в лесопромышленном комплексе России с учетом тенденций мирового рынка. Что мы имеем: 84 млрд. кубометров лесных ресурсов и естественное воспроизводство, превышающее вырубку. Лесной комплекс берет лишь треть от того, сколько он может взять не нанося ущерба природе. Нет техники. Нет транспорта и так далее. А ведь на лесном рынке мы не одни - поставщиков леса достаточно, качество его высокое. Сейчас доля наших

поставок леса в страны АТР, и Японию в том числе, падает. Более того мы можем потерять этот рынок. Наши поставки на 700 млн.долларов, предусмотренные проектом, позволят в буквальном смысле слова спасти лесопромышленную отрасль. По-видимому, целесообразно исходить не из сиюминутных интересов, а спрогнозировав тенденцию развития лесного рынка в АТР на перспективу, принять решение исходя из стратегических интересов.

Все эти вопросы тесно корреспондируются с проблемами международного сотрудничества на региональном уровне, в том числе российского Дальнего Востока. Здесь можно выделить такие специфические проблемы, как отсутствие четкого распределения компетенций местных и федеральных властей, нехватка специально подготовленных кадров, социальные диспропорции и сильную экономическую зависимость этого региона от центра.

Приобретение регионами большей самостоятельности, особенно во внешнеэкономической сфере, создало бы, параллельно с накоплением опыта прямых связей, условия и для постепенного появления новых каналов сотрудничества с Японией. Пока же следует отметить, что ситуация в региональных связях зависит больше от общей атмосферы предпринимательства в России, от тенденций, присущих всей российской экономике. Не все конечно можно свалить на центр. На совещании отмечалось, что Дальний Восток России постепенно становится регионом с наименее привлекательными условиями для инвесторов. Нынешние капитальные вложения вызваны скорее надеждой на перспективу, нежели ожиданием реальной прибыли в настоящем. Это весьма настораживающая тенденция, которая требует пристального внимания не только местных властей.

В целом, по мнению и российской и японской стороны, совещание оказалось весьма полезным, проведено на совершенно новом, более современном и приближенном к мировым стандартам уровне. Самое основное - заметно проявилось желание как можно чаще собираться, обсуждать насущные темы. Если есть, что сказать друг друга - это уже хорошо. Если есть стремление развивать связи - это еще лучше. А когда существующие неудачи вызывают у предпринимателей двух стран искреннюю озабоченность, желание помочь - это говорит о том, что потенциал и перспективы хорошие.

КНР-ЯПОНИЯ: КОМПРОМИССЫ РАДИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

(С) 1993

А.Семина

Отношения между КНР и Японией после их ухудшения в 1989 г. постепенно восстанавливались и сейчас вступили, в первую очередь в области экономики, в период очередного подъема. Япония еще более утвердилась в роли крупнейшего экономического партнера Китая, о чем свидетельствуют многие факты и события прошлого 1992 г. Делая упор на торгово-экономические отношения, стороны в целом успешно обходят имеющиеся разногласия в политической области.

Центральным событием 1992 г. в китайско-японских связях стало посещение КНР императором Японии Акихито по случаю 20-й годовщины восстановления между странами дипломатических отношений. Первому в истории подобному визиту (23 - 28.10.1992) в Пекин, и Токио придавали большое значение. Наряду с Пекином, император посетил Шанхай, Сиань, имел встречи с генеральным секретарем ЦК КПК Цзян Цзэмином, премьером Госсовета Ли Пэнгом, председателем КНР Ян Шанькуном.

Подготовка столь важной для сторон акции проходила, однако, в обстановке определенных трений между ними. В начале 1992 г. вновь вспыхнули споры вокруг многолетней проблемы принадлежности островов Дяоюйдао (Сэнкаку). Поводом послужило принятие 25 февраля на сессии Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей закона о территориальных водах, который закреплял принадлежность островов Китаю и возлагал на НОАК охрану островов и прилегающей к ним акватории. Японская сторона немедленно заявила жесткий официальный протест. В ответ КНР вновь подтвердила свою позицию.

Еще одним поводом для трений послужил поставленный в марте на рассмотрение сессии ВСНП законопроект о выплате Японией дополнительной компенсации (180 млрд. долл.) за ущерб, нанесенный Китаю во время войны. Япония считает, что вопрос уже был решен между сторонами в 1972 г., при подписании совместного заявления о нормализации отношений¹. В конечном итоге законопроект был снят с обсуждения ВСНП, но споры вокруг него успели оказать отрицательное влияние на атмосферу подготовки визита японского императора, официальное приглашение которому было сделано еще в 1989 г. во время пребывания в Токио премьера Госсовета КНР Ли Пэна. Позднее оно было неоднократно подтверждено, однако японская сторона затягивала ответ. На фоне обострения отношений в Токио даже возникли настроения в пользу отмены визита. Положительное решение правительством

Семина Анатолий Васильевич, научный сотрудник Центра исследований Японии и Кореи ИДВ РАН.

Японии было принято лишь за месяц (25.08.1992) до начала основных торжественно-протокольных мероприятий, связанных с празднованием 20-летия нормализации китайско-японских дипломатических отношений.

В преодолении разногласий между странами существенную роль сыграл состоявшийся в апреле визит в Токио Цзян Цзэминя. В результате проведенных переговоров стороны подтвердили свою заинтересованность в достижении компромисса. Были сняты главные препятствия для осуществления визита японского императора в КНР. По оценке сторон, его визит прошел успешно. Принципиально важным было выражение высоким гостем "глубокого сожаления в связи со страданиями", вызванными военной агрессией Японии против Китая².

В целом 1992 г. для китайско-японских отношений, несмотря на имевшие место осложнения, был характерен довольно высоким уровнем официального обмена. Всего Японию посетили семь китайских делегаций, а в КНР приезжали более десяти делегаций. В Японии, кроме Цзян Цзэминя, побывали председатель Постоянного комитета ВСНП Вань Ли (май-июнь), делегация министерства торговли (июль), заместитель премьера Госсовета, член Политбюро ЦК КПК У Сюэцянь (сентябрь), генеральный прокурор Лю Фуджи (сентябрь), бывший министр иностранных дел Хуан Хуа (ноябрь), делегация ассоциации международных дружественных связей (ноябрь). КНР посетили министр иностранных дел Японии М.Ватанабэ (январь), заместитель министра иностранных дел К.Сайто (март), министр внешней торговли и промышленности К.Ватанабэ (апрель), председатель центрального исполнительного комитета социал-демократической партии М.Танабэ (май), председатель конфедерации профсоюзов (Рэнго) А.Ямагиси (май), директор института по изучению внутренних проблем С.Хогэн (сентябрь), делегация японо-китайской экономической ассоциации (сентябрь), бывшие премьер-министры Я.Накасонэ (сентябрь) и Т.Кайфу (октябрь), экономическая делегация (октябрь).

В ходе визитов в заявлениях официальных лиц КНР и Японии неизменно подчеркивалась заинтересованность в упрочении двусторонних отношений. О важности их в деле обеспечения мира и развития в азиатско-тихоокеанском регионе говорил в публичной лекции в Токио Цзян Цзэминь³. Премьер-министр К.Миядзава называл в интервью газете "Хинду" "поддержку политических реформ в КНР одним из основных факторов в политике Японии" (19.11.1992). "Япония заинтересована в успехе китайского эксперимента и готова оказать ему всяческую поддержку", - заявил министр иностранных дел М.Ватанабэ⁴.

Темпы развития торгово-экономических отношений между двумя странами в прошлом году были высокими как никогда. Объем двустороннего товарооборота, по оценке китайской стороны, в 1992 г. составил свыше 28,9 млрд. долл.⁵, что на 30% выше уровня предыдущего года.

Продолжалась реализация 3-й программы именных займов, предоставляемых Японией КНР. Китайская сторона в основном направляла

их на развитие энергетического комплекса (добыча нефти, угля, газа), сельскохозяйственных районов, на строительство ирригационных сооружений, предприятий по производству химических удобрений⁶.

С 1992 г. наметился существенный рост прямых капиталовложений японских компаний в КНР. Только в первом квартале были подписаны контракты на сумму 1,06 млрд. долл., тогда как за весь 1991 год - 810 млн. долл.⁷. Согласно китайским оценкам, объем инвестиций в 1992 г. может составить 2,6 млрд. долл.⁸. Приоритетными областями приложения японского капитала оставались освоение энергетических ресурсов, строительство нефтехимических и металлургических комплексов, развитие транспорта и связи, радиоэлектронной и электротехнической промышленности.

К инвестициям в КНР проявили интерес крупные японские компании, занятые производством электротехнической аппаратуры: "Мацусита дэнки", "Тосиба", "Фудзицу", "Ниппон дэнки". Одна за другой заявляли о своих планах создания совместных предприятий в КНР компании, производящие автомобили, среди них: "Фудзи дзюкогё", "Судзуки", "Хонда", "Дайхацу", "Ниссан"⁹.

Шесть крупнейших японских корпораций - "Мицубиси", "Мицуи", "Итою", "Сумитомо", "Ниссё-Иваи", "Марубэни" - приняли решение о финансировании строительства нефтехимического комплекса в Северном Китае, на сумму 4 млрд. долл. 51% акций создаваемой совместной компании получит японская сторона. Ввод в строй предусмотрен в 1994 г. Согласно проекту, производство обеспечит 1,7 млн. тонн нефтепродуктов, 450 тыс. тонн химических материалов в год¹⁰.

После смягчения в КНР с июля 1992 г. ограничений для инвестиций в сферу торговли японские коммерческие компании сразу начали подготовительную работу к созданию в ближайшем будущем совместных торговых предприятий с китайской стороной. Японские фирмы "Яохан", "Дайэй", "Сэйбу" планируют открыть сеть торговых центров, универмагов и супермаркетов в Пекине, Шанхае, Гуанчжоу, в специальных экономических зонах¹¹.

Развивался экспорт японской передовой технологии в КНР. Объем продаж "ноу-хау" за январь-сентябрь достиг 860 млн. долл.¹². В интересах расширения сотрудничества с КНР в этой области японская сторона продолжала свои усилия с целью дальнейшего ослабления ограничений КОКОМ на передачу КНР образцов техники и технологических разработок.

При участии ведущих японских компаний были начаты работы по прокладке волоконно-оптического кабеля связи между КНР и Японией. Стоимость проекта 70 млн. долл.¹³.

Компания "Токио электрик паува" подписала контракт, первый подобного рода, с китайской стороной о закупке 250 коротких тонн (1 т = 907 кг) урана, достаточных для работы атомной электростанции мощностью в 1 млн. кВт в течение трех месяцев¹⁴.

В ходе ряда переговоров были обсуждены вопросы перспектив развития торгово-экономического сотрудничества. Так, во время визита в Пекин (17 - 20.04.1992) министра внешней торговли и промышленности Японии К.Ватанабэ на его встрече с министром экономических связей Ли Ляньцином в качестве основного рассматривался вопрос участия японского бизнеса в развитии экономики КНР. Китайский министр заверил, что его страна обеспечит успешную работу предприятий с участием японского капитала, улучшит систему управления ими, гарантирует бесперебойные поставки сырья и энергии. Говоря о приоритетных направлениях сотрудничества с КНР, К.Ватанабэ указал: "Япония хотела бы расширить сотрудничество с КНР в области энергетики, защиты окружающей среды, а также технологий"¹⁵.

В рамках торгово-экономических связей все более самостоятельное место занимает научно-техническое сотрудничество двух стран. Расширяется обмен специалистами в области промышленности, сельского хозяйства, транспорта, медицины, защиты окружающей среды. За десять последних лет в КНР выезжало более 1000 японских специалистов высокого уровня, 3400 китайских работников прошли стажировку в Японии¹⁶.

В июне 1992 г. проведен совместный японо-китайский космический эксперимент. Созданная в сотрудничестве Академии наук КНР и Токийского университета установка для получения чистых кристаллов выведена на орбиту на китайском спутнике.

Достигнуто согласие на переговорах в Токио (9.07.1992) об обмене техническим опытом и информацией в сфере производства и обработки продуктов питания. Японская сторона проявила готовность передать КНР "ноу-хау" по организации сети продовольственных рынков в рамках решаемой в КНР задачи формирования рыночной экономики.

Заключено соглашение о совместном эксперименте в целях создания "чистых технологий"¹⁷. Он будет проводиться в рамках японской экономической программы "Грин эйд план" на одной из электростанций в провинции Шаньдун начиная с 1993 г. Затраты составят 7,3 млрд. иен.

В октябре 1992 г. японской стороной принято решение о финансировании (4 млн. долл.) создания в Пекине центра повышения знаний в области электроники и машиностроения на базе технологического института.

Можно было бы привести и другие примеры расширения японо-китайского сотрудничества в различных областях, которые подтверждают стремление КНР и Японии идти на компромиссы, в том числе по сложным политическим проблемам. Заинтересованность в этом все более возрастает по мере углубления и расширения сотрудничества, в первую очередь торгово-экономического. Ради этого оставались "отложенными" на будущее проблемы принадлежности островов Дяюйдао, а также вопросы, связанные с тайваньской проблемой. Однако в последнее время усилилась обеспокоенность Японии ростом военного потенциала КНР, наращиванием активности ее

военно-морского флота¹⁸. Эта обеспокоенность возрастает также и в связи с тем, что Пекин пока не выступил в поддержку стремления Японии к созданию после окончания "холодной" войны новой системы безопасности в Азии, охватывающей широкий круг стран, включая Китай¹⁹. Однако тревога в Токио по этому поводу не проявляется в конкретных шагах и, как представляется, не угрожает в ближайшей перспективе расширению сотрудничества между двумя странами.

1 Джанан таймс. - 1992. - 7 апреля.

2 Джанан таймс. - 1992. - 29 октября.

3 Джанан таймс. - 1992. - 10 апреля.

4 Жэньминь жибао. - 1992. - 12 декабря.

5 Синьхуа. - 1993. - 25 января.

6 Нихон кэйдзай. - 1992. - 20 февраля.

7 Нихон кэйдзай. - 1992. - 29 апреля.

8 Жэньминь жибао. - 1992. - 9 сентября.

9 См.: Нихон кэйдзай. - 1992. - 24 января, Джанан таймс. - 1992. - 2 июня и 8 октября.

10 Чжунго жибао. - 1992. - 2 ноября.

11 Нихон кэйдзай. - 1992. - 19 ноября.

12 Синьхуа. - 1992. - 7 декабря.

13 ИТАР-ТАСС. - 1992. - 26 ноября.

14 Джанан таймс. - 1992. - 22 сентября.

15 См.: Джанан таймс. - 1992. - 19 и 20 апреля.

16 Синьхуа. - 1992. - 20 сентября.

17 Джанан таймс. - 1992. - 15 сентября.

18 Джанан таймс. - 1992. - 28 октября.

19 Нихон кэйдзай. - 1992. - 23 ноября.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В КИТАЕ: ВСЕОБЩНОСТЬ И СПЕЦИФИКА

(С) 1993

Я. Бергер

Идея универсальности человеческих прав, проистекающая из убежденности в их естественном происхождении, была провозглашена в двух важнейших в истории западной цивилизации документах - Декларации независимости Соединенных Штатов Америки и французской Декларации прав человека и гражданина и закреплена в наши дни Генеральной Ассамблеей ООН во Всеобщей декларации прав человека. Она закладывает основы единого понимания прав человека и позволяет проявлять заботу и беспокойство об их соблюдении во всех странах.

Вместе с тем права человека в разных частях мира реализуются далеко не одинаково. Происходит это, главным образом, вследствие их нарушения в условиях господства антидемократических режимов: тоталитарных или авторитарных, коммунистических или фундаменталистских, либо вследствие анархического безвластия. Существенную роль также играет и то обстоятельство, что во многих странах, позже вступивших на путь модернизации и развития, ценность прав человека осознается лишь постепенно, по мере того как общество расстается с традиционным прошлым. Быстрее этот процесс проходит в тех частях общества, которые теснее связаны с современностью - в городе, среди интеллигенции, медленнее - в более архаичных структурах. Большое значение имеют разносторонние - культурные, экономические, политические связи с Западом.

Всеобщность фундаментальных прав человека не даст, однако, оснований игнорировать проистекающее из разного культурного опыта неодинаковое толкование отдельных прав и свобод и, особенно, их неодинаковую ценностную иерархию.

В Общей программе Народного политического консультативного совета Китая, провозгласившего в 1949 г. создание Китайской Народной Республики, декларировалось, что граждане КНР пользуются правами: свободы убеждений, слова, собраний, организации обществ, переписки, личности, проживания, передвижения, вероисповедания и демонстраций. В Конституции КНР, принятой в 1954 г. эти права в основном были

Бергер Яков Михайлович - доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИНИОН РАН.

подтверждены, за исключением права передвижения, которое к тому времени все более ограничивали, да права личности, которое не поддавалось точной регламентации. В дальнейшем основные права человека и гражданина также фиксировались конституциями и другими законодательными актами КНР.

В 1955 г. премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай на Бандунгской конференции стран Азии и Африки заявил, что Китай уважает права человека. Конференция приняла декларацию, среди десяти принципов которой был и пункт об "уважении основных прав человека". Однако очень скоро в Китае началась массовая политическая кампания борьбы с "правыми", в ходе которой права человека попирались самым жестоким образом. "Культурная революция" подвела под такую практику и теоретическую базу, объявив права человека "предметом роскоши и драпировкой капитализма". Так продолжалось до 1979 года, когда официальное, идеологически обоснованное поношение прав человека почти полностью исчезло. По меньшей мере формально власти и официальная печать стали призывать к уважению этих прав.

Еще в 1948 году гоминьдановское правительство подписало принятую 3-й сессией Генеральной Ассамблеи ООН Всеобщую декларацию прав человека. В 1971 г. КНР была принята в ООН, а с 1981 г. стала членом Комитета ООН по правам человека. Китай подписал ряд документов ООН, осуждавших дискриминацию женщин, расовую дискриминацию, апартеид, использование пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство человека видов обращения и наказания. Однако Пекин надолго затянул присоединение к принятым ООН в 1966 г. Международному пакту о гражданских и политических правах и Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах.

Когда в 1988 г. отмечалась 40-я годовщина принятия Всеобщей декларации прав человека, в Китае было опубликовано немало материалов по правам человека. В середине мая 1989 г. премьер Госсовета КНР Ли Пэн заявлял: "Мы не считаем свободу, демократию, права человека прерогативой капитализма. Социалистические государства также должны быть свободными, демократическими, где человек пользуется полными правами" (1, с. 43). Однако спустя всего несколько дней после этого заявления в Пекине было объявлено чрезвычайное положение, а затем произошла и трагедия на площади Тяньаньмэнь.

После этих событий китайская печать стала предостерегать "небольшую группу людей на Западе" от вмешательства во внутренние дела Китая под предлогом защиты прав человека. Согласно официальной точке зрения, выраженной в "Белой Книге по правам человека в Китае", полное обладание правами человека представляется "идеалом, к которому давно стремится человечество". Вместе с тем "развитие ситуации с правами человека, на которое накладывают ограничения исторические, социальные, экономические и иные условия, представляет собой исторический процесс. Поскольку в разных странах исторический фон, общественный строй,

культурные традиции, экономическое развитие сильно различаются, постольку и понимание прав человека очень часто неодинаково" (цит. по 2, с. 41).

Ряд китайских исследователей и публицистов в этой ситуации вновь принялись отстаивать тезис о несовместимости "социалистической" и "буржуазной" трактовки прав человека. В 1992 г. печатный орган Пекинского университета опубликовал подборку статей с комментариями официальной позиции. В редакционном примечании, предварявшем эту подборку, отмечалось, что теоретические исследования в данной области, разграничивая марксистское и либеральное понимание прав человека, должны помочь народам мира, и особенно народам развивающихся стран, понять классовую ограниченность и ложность буржуазных толкований и подвигнуть их на борьбу за подлинные права человека в мире (3, с. 5). В одной из представленных в подборке статей выделялись два основных идеологических подхода к правам человека: буржуазный, или западный, и марксистский, присущий социалистическим государствам, и два производных: один - зафиксированный в международном праве, в международных договорах и соглашениях, которые являются результатом сотрудничества, борьбы и компромисса западных государств с социалистическими или со странами "третьего мира"; другой - распространенный в странах "третьего мира", где часто смешиваются два основных подхода в сочетании с местной спецификой. Сторонники этой позиции утверждают, что при капитализме ущемляются "коллективные" права человека, т.е. права, которые затрагивают интересы миллионов людей и которые поэтому неизмеримо выше прав индивидуальных.

Кроме того, причины разного подхода к правам человека усматриваются также в несходстве культурных традиций, господствующих в обществе ценностных представлений. Такие позиции выглядят более убедительными, нежели апелляция к классовому противоборству. Особенно когда они сопровождаются призывами к сближению разных культурных установок путем очищения их от односторонности и к взаимному обогащению. Так, недостатком западных представлений о правах человека, в основе которых лежит идея свободы, считается то, что сама эта идея проистекает из потребностей отношений обмена, в который вступают частные собственники товара, и поэтому имманентно несет в себе зародыши постоянного противоборства между людьми. В Китае человек не мыслится вне присущего ему морально-этического долга, вне ориентации на человеколюбие и взаимопомощь. Эти идеи способствовали формированию единства китайской нации, но они же и служили подавлению автономной активности индивида. Объединение позитивного потенциала разных культурных позиций - в интересах всего человечества. (4, с. 37).

Признание универсального характера прав человека не может служить основанием для пренебрежения культурной спецификой. Ведь даже привычные для одной политической культуры понятия и термины в

иностранном культурном контексте могут приобретать совсем другой смысл. Само восприятие индивида, его прав и обязанностей, его поведения, определяемое патриархально-родовой структурой или государственной иерархией, в Китае на протяжении тысячелетий было во многом иным, чем на Западе, и нельзя ожидать, чтобы оно полностью трансформировалось в течение считанных десятилетий. Человек существовал здесь всегда лишь в соотношении и во взаимоотношениях с другими людьми, занимая строго отведенное ему место в обществе.

Это находит свое отражение и в языке. Например, китаец в разговоре обычно избегает местоимения первого лица, для которого существуют многочисленные уничижительные эвфемизмы, точно так же, как для обозначения собеседника - почтительные. Китайский перевод понятия либерализм является как будто точной калькой: "цзыючжуй", или "принципы свободы", что, казалось бы, понятнее для китайского уха, чем, скажем, вошедший в наш обиход иноязычный термин с тем же значением. Однако в современном Китае слово "цзыючжуй" употребляется более широко, чем исходное английское или аналогичное русское понятие. Китайское выражение "та фаньла цзыючжуй" (буквально - "он допустил либерализм") не означает, что некто стал либералом, разделяет либеральные идеи или, на худой конец, политически обвиняется в либерализме. Оно просто указывает на поступок, вызывающий неодобрение, возможно, на небольшое нарушение правил, например, уклонение от участия в собрании, на котором надлежало присутствовать.

Здесь, очевидно, сказывается куда большая, чем на Западе, привычка неукоснительно следовать общественно установленным нормам и правилам. Отступление от этих норм и правил может восприниматься как "цзыю", т.е. "свобода", что далеко не всегда позволительно и во всяком случае заслуживает порицания. Конечно, положение личности в обществе по мере его модернизации постепенно меняется, и молодежь иначе воспринимает свою индивидуальность, чем старшие поколения, но все же до кардинальных изменений в структуре общественных норм и приоритетов еще далеко.

Историко-культурная традиция Китая, как и всего остального мира, на первое, самое важное для человека место ставит право на жизнь и здоровье. Это право регламентируется Гражданским кодексом, а также законодательством о государственной медицине, о спорте, об охране окружающей среды, безопасности на транспорте, контроле над качеством продуктов питания, качеством лекарств, страховании и т.п. Приоритет этого права неоспорим для всех групп населения, однозначен для Китая и Запада. Однако в трактовке его имеются и некоторая специфика, неадекватное восприятие которой может вести даже к международным осложнениям.

Как известно, ни на современном Западе, ни тем более в мире нет единого, общепризнанного и фиксируемого правом понимания, что есть жизнь человека, с какого момента ее нужно считать таковой и кто вправе ею безраздельно распоряжаться. Это обнаруживается, с одной стороны, в

неодинаковом отношении разных обществ к проблеме аборта, а с другой - в неоднозначном восприятии смертной казни и с недавних пор - также проблем эфтаназии, трансплантации жизненно важных органов и генной инженерии. В различных религиозных и культурных традициях отчет жизни человека ведется с разной исходной точки: иногда - с момента зачатия, иногда - с момента "одушевления" ("шевеления плода"), иногда - с рождения, а то и еще позже. В зависимости от этого по-разному оцениваются и те временные границы, в которых женщина имеет право на прерывание беременности. В современном Китае, с его жесткой политикой ограничения рождаемости эти границы сильно расширены по сравнению с Западом, что вызывает там подчас отрицательный общественный резонанс - как, впрочем, и вся китайская демографическая политика.

Если исключить политически активную часть общества, т.е. преимущественно интеллигенцию, для которой в ценностной иерархии прав следом за правом на жизнь идут, скорее всего, политические свободы, и если отвлечься от насущно необходимых для всех социальных групп коллективных прав, то дальнейшие китайские приоритеты существенно отличаются от западных. По мнению некоторых китайских юристов, второе по важности право человека в Китае это - "право на имя" (5, с. 50). Данное право закреплено в Гражданском кодексе КНР. По закону нельзя принуждать кого-либо взять какое-то имя. Китайской судебной практике известны случаи, когда насильственно навязанное имя аннулировалось. Закон запрещает также брать чье-либо имя без его согласия. Конечно, и в Китае встречаются (хотя гораздо реже, чем в других странах) полные тезки и однофамильцы, но нельзя стать чьим-либо тезкой намеренно.

Право на имя восходит к очень давним традициям. История основных китайских фамилий насчитывает тысячелетия. Составленный при династии Северная Сун список "Бай цзя син" ("Фамилии ста семей") насчитывает 488 фамилий, а относящийся к Минской эпохе "Цянь цзя син" ("Фамилии тысячи семей") - 1968 фамилий. Но в словаре современного китайского языка "Сяньдай ханьюй" осталось немногим более 930 фамилий.

В древности фамилия передавалась по материнской линии. Это было связано с тем, что потомки по материнской линии не имели права вступать в брак. В составе большинства древних фамильных иероглифов имеется знак женщины. Такковы фамильные иероглифы легендарных правителей Китая: Шэнь Нуна ("Цзян"), Хуан Ди ("Цзи"), Юя и Шуня ("Яо").

С Чжоуских времен люди получают и имена. "Шовэнь" трактует имя человека как его судьбу. Возможно, что иероглифы, обозначающие имя и судьбу не случайно омонимичны ("мин"). Поэтому к выбору имени относились значительно более скрупулезно, чем сегодня. Человек получал два имени: "мин" и "цзы", а иногда прибавлялось и третье - "хао". Первое имя давалось на третий или сотый день после рождения, а второе - только по достижении совершеннолетия, т.е. для мужчин из аристократических семей в двадцатилетнем возрасте, а для женщин - в пятнадцатилетнем, когда, завязав

волосы узлом, первые покрывали их шапками, а вторые - закалывали шпильками (6, с. 8).

Оба имени были семантически связаны друг с другом. Что касается "хяо" ("прозвания"), то его обычно человек давал себе сам. Таковы были прозвища великих поэтов древности: Ли Бо ("Цинлянь Цзюши" - "Отшельник Синего Лотоса") и Бо Цзюйи ("Сяншань Цзюши" - "Отшельник Ароматной Горы").

Односложные имена в древности использовались часто взамен подлинных имен царствующих и других высокопоставленных особ, которые нельзя было прямо называть. Этот обычай существовал на протяжении всей китайской истории - от эпохи Чжоу до Цинской династии. Ему следовал и простой люд.

Первая составная часть двусложного имени в больших кланах могла передаваться по наследству, иногда на протяжении десятков поколений. Так, Мао Цзодун унаследовал в своем имени иероглиф "цзэ" ("озеро").

Поскольку иероглифика сохраняет смысловое значение имени, выбору его всегда придавалось очень большое, можно даже сказать, сокровенное или мистическое значение. Часто имя ребенка определяется по гороскопу. Год, месяц, день и час рождения записываются четырьмя парами иероглифов, каждая из которых соответствует какой-либо стихии: дереву, огню, земле, металлу или воде. Поскольку иероглифических пар и соответственно стихий таким образом набирается четыре, а для гармоничной жизни необходимо сочетание всех пяти стихий, то присутствие недостающей как раз и обеспечивается выбором имени - с помощью специального гадальщика. В этом случае иероглиф имени находится в смысловом ряду одной из стихий.

Иногда судьба ребенка непосредственно вверяется какому-либо природному объекту, призванному, таким образом, взять на себя заботу о дальнейшей жизни своего крестника. Тогда в составе имени появляются иероглифы, обозначающие такие объекты: камень (ши), солнце (жи), дерево (шу), небо (тянь), и появляются, например, такие имена: Линь Шушэн (Линь Рожденный деревом), Цю Шишэн (Цю Рожденный камнем), Ван Жишэн (Ван Рожденный солнцем), Чэнь Шуйшэн (Чэнь Рожденный водой) и т.п.

Нередко имя указывает на то место, которое принадлежит новорожденному в генеалогии рода. В этом случае оно выбирается старейшиной рода. Бывает, что символы преемственности рода сочетаются в имени с теми ожиданиями, которые питают родители в отношении новорожденного. Если родилась, например, девочка, тем более если в семье - одни девочки, ее могут назвать Чжаоди (Приглашающая младшего брата), чтобы следующий ребенок был мальчиком. Или же ей могут дать имя Вань или Цзинь, обозначающее "завершение", "окончание", чтобы прервать череду рождения дочерей.

Если прежде в семье кто-либо из детей умер в раннем возрасте, то новорожденному могут дать отталкивающее имя, чтобы обмануть злых духов,

способных напустить порчу. Или же подлинное имя ребенка вслух не произносилось, и его заменяла бранная кличка, которую ребенку в месячном возрасте давал в крестьянской семье дядя по материнской линии. Бывает, чтобы уберечь новорожденного мальчика от злых чар, ему дают женское имя.

Иной раз имя выражает просто пожелание счастливой судьбы: например, Чэнь Тяньцай (Чэнь Разбогатеющий) или Сюй Тяньшоу (Сюй Долговечный). Во время "культурной революции" детям давали имена Сяндун (Стремящийся к Востоку), Цзихун (Наследующий Красное), Канмэй (Сопrotивляющийся Америке), чем, впрочем, отмечена и недавняя наша история.

Во многих китайских именах запечатлены конфуцианские ценности почитания и прославления предков, рода, семьи. Таковы имена Сяосянь ("Смирение перед предками"), Цзинцзун ("Почтение к роду"), Цзицзу ("Продолжение рода") и др.

Нередко имена давались в честь великих людей прошлого. Эта традиция соблюдается и в наши дни. Известный экономист Ма Иньчу назвал свою старшую дочь Ма Янбань (Ма Почитающая-Бань) в честь историка-женщины по имени Бань Чжао.

Имена меняются соответственно сдвигам, происходящим в общественном сознании, в духе времени, хотя изменения эти происходят очень медленно. Нынешние имена намного проще древних. Второе и третье имена не играют сегодня прежней роли. У некоторых людей они вообще отсутствуют. Молодежь очень часто вообще не имеет представления об их существовании.

У молодых людей, родившихся в 70-х - 80-х годах нашего столетия, особенно в семьях с единственным ребенком, отсутствуют типичная для прошлого разветвленная система родства, в большинстве случаев у них нет старших и младших братьев, дядюшек и тетушек, поэтому в их именах не нужно указывать место в иерархии старшинства или же в структуре родовых отношений. К тому же их родители пережили десять лет смуты, отправку в деревню и горные местности, что не могло не повлиять на их взгляды.

В итоге вновь обращаются к односложным именам, которые сегодня больше не предназначены для сокрытия имен табуированных. Особенно много таких имен у учащихся начальной и средней школы. Помимо изменившейся структуры родства распространению односложных имен способствует слава писателей, деятелей искусств, других знаменитых людей, многие из которых по разным причинам носили такие имена, как, например, Ли Бо, Ду Фу, Цюй Юань, Лу Синь, Мао Дунь, Ба Цзинь, Лао Шэ, Не Эр (иногда - псевдонимы). Односложные имена становятся даже символом современного сознания, моды, общественного престижа, культурного уровня. Кое-кто меняет свое двусложное имя на односложное.

Распространение односложных имен порождает новый феномен: самостоятельную смысловую комбинацию имени и фамилии. Такие словосочетания особенно характерны для имен и фамилий учащихся

начальной и средней школы, например, Фан Юань ("Квадрат-Круг"), Цянь Цай ("Деньги-Богатство"), Чжан Фа ("Устав-Закон"), Ань Цзин ("Безопасность-Спокойствие"), Чан Цин (Вечно-Зеленый) и др.

Исследование, проведенное Комитетом по реформе китайской письменности и охватившее 174900 человек в семи провинциях и городах центрального подчинения, выявило возрастание удельного веса односложных имен, а также случаев полного совпадения имени и фамилии. Доля односложных имен на момент образования КНР составляла 6,5%, с 1949 по 1966 гг. - 9,0, в 1966-1976 гг. - 27,8, в 1976-1982 гг. - 32,5% (6, с. 10).

До 1949 г. наиболее употребительными односложными именами были Ин ("Герой"), Сю ("Талант"), Юй ("Яшма"), Чжэнь ("Жемчужина"), Хуа ("Цветущий", "Китай"), Лань ("Орхидея"); в 1949-1966 гг. - Хуа, Ин, Юй, Мин ("Светлый"), Го ("Государство"); в 1966-1976 гг. (в период "культурной революции") - Хун ("красный"), Хуа, Цзюнь ("Военный"), Вэнь ("Культура"), Ин, Мин; в 1976-1982 гг. - Хуа, Ли ("Рассвет"), Чунь ("Весна"), Сяо ("Маленький"), Янь ("Ласточка"), Хун. Последнее имя, доминировавшее в период "культурной революции" не только среди односложных имен, но и в составе двухсложных, после ее окончания уступило первое место, хотя и осталось достаточно популярным.

Раньше было довольно просто отличить мужское имя от женского. Начиная с 70-х годов различия просматриваются не столь четко. И девочек могут назвать Бин ("Солдат"), Вэй ("Великий", "Великая"), Дун ("Восток"), Цзюнь, а мальчиков - Жун ("Прекрасный"), Пин ("Уравновешенный"), Хуа.

Сегодня детям дают и западные имена: Юсхань, Мали, Лиша, Чжэньни, Шаша. Они транскрибированы на привычный китайскому уху лад, но главное состоит в том, что иероглифы не несут какого-либо смысла.

С традицией связано и еще одно необычное для европейца право - на собственное изображение, также фиксируемое Гражданским кодексом. Без согласия гражданина нельзя получить любой вид его изображения (фотографию, портрет, скульптуру) и тем более делать их достоянием публики - в целях рекламы, в качестве торговых знаков, на обложках книг и журналов или в витринах магазинов. Это не относится однако к государственным руководителям, политическим деятелям, дипломатам, ученым, деятелям искусства, спортсменам и другим известным лицам, изображения которых обнаруживаются в информационных целях, преступников и связанных с преступлением лиц, а также изображений, публикуемых в целях "просвещения" и "воспитания" (например, жертв транспортных катастроф или нарушителей общественного порядка). Не касается запрет также участников и зрителей общественных собраний и митингов, натурщиков и фотомоделей и вообще всех тех, кто получает плату за свое изображение (включая киноактеров и демонстраторов мод). Не запрещены и карикатуры.

Очень важно, с точки зрения как традиционной, так и современной морали, право на защиту репутации, ограждающее людей от унижений и клеветы. Китайцы всегда очень тонко различали личное достоинство, поддержание которого есть непрменный атрибут поведения человека в обществе, и его репутацию, которая больше зависит от внешних обстоятельств. Имевшее для китайца всегда первостепенное значение "сохранение лица" зависело прежде всего от него самого, но понятно, что ущерб, нанесенный внешней репутации, не может не вредить внутреннему самоощущению человека, его достоинству. Отсюда и вытекает столь высокая общественная оценка этого права.

Право на сохранение тайны личной жизни в Китае регламентируется, но не как единое целое, а фрагментарно. Так, в Конституции КНР декларируется неприкосновенность жилища, охрана свободы и тайны переписки. Соответствующие статьи содержатся также в Гражданском и Уголовном кодексах. Что же касается сохранения в тайне всей совокупности личной жизни, то здесь существуют определенные сложности, связанные отчасти с традицией, которая с подозрением относилась к любым попыткам уклониться от социального контроля, а еще больше - с утвердившейся в последние десятилетия системой тотального наблюдения над всеми действиями и помыслами человека.

Вместе с тем и в данном случае не следует забывать, что и сама сфера личной жизни, в которую не допускается вторжение посторонних, в Китае существенно иная, чем то, что на Западе называют "privacy". В китайской деревне, где на крохотном пространстве лепятся друг к другу сотни семей, да и в городах на севере Китая, где в одном квадратном дворике сходятся жилища нескольких семей, для "privacy" просто нет элементарных условий. К этому добавляется и старинный китайский дух общинной взаимозависимости.

Борьба за всеобщие права и свободы человека в Китае имеет столетнюю историю. Западные либеральные идеи стали известны в Китае на рубеже XIX и XX веков. С идеями английского либерализма впервые познакомил свою страну выдающийся китайский просветитель Янь Фу. Он перевел на китайский язык одно из наиболее известных в то время либеральных произведений - трактат Дж.С. Милля "О свободе" (китайский перевод Янь Фу озаглавил менее вызывающе - "Теория о правовой границе между личностью и обществом"), где подчеркивалось общественное значение таких основных прав человека, как свобода слова, и декларировалось, что общественное большинство не должно подавлять права меньшинств и личности. Призывая перестроить политическую систему Китая на английский манер и отстаивая свободу убеждений и частного предпринимательства, Янь Фу оставался однако умеренным эволюционистом, последователем Дарвина, Гексли, Спенсера. Поэтому он всячески предостерегал против поспешности в общественных преобразованиях, ставил первостепенной задачей просвещение

народа, изменение системы образования и отодвигал на второй план реформу политическую.

Накануне Тяньаньмэньской трагедии на страницах китайской печати шла оживленная дискуссия. Одни считали первейшей задачей страны и общества либерализацию экономики под покровительством жесткой, авторитарной власти, а что касается демократии и свободы, то с ними можно и должно поговорить. Им возражали те, кто полагал, что демократизация должна идти рука об руку с созданием рыночной экономики, в противном случае нет никакой гарантии от возрождения тоталитаризма. Сторонники авторитарного подхода были убеждены, что народ не готов к свободе и демократии, и потому лучше временно пожертвовать ими, укрепив прежде всего закон и порядок, чтобы не допустить хаоса и смуты. Их оппоненты считали демократию необходимой предпосылкой модернизации и практически призывали следовать современной западной модели политического устройства. Тяньаньмэньская трагедия положила конец рассуждениям, быть ли в Китае в обозримом будущем авторитаризму или демократии. Однако дискуссия остановилась лишь на время, сама логика развития китайского общества заставляет к ней вернуться. И не случайно проблема прав человека в наши дни вновь становится одной из центральных.

¹ Минбао юэкань. - Сянган, 1991. - Т. 26. - N 1.

² Бэйцзин дасюэ сюэбао (чжэсюэ шэхуй кэсюэ бань). - Пекин, 1992. - N 3.

³ Бэйцзин дасюэ сюэбао (чжэсюэ шэхуй кэсюэ бань). - Пекин, 1992. - N 2.

⁴ Сюэшу юэкань. - Пекин, 1992. - N 9.

⁵ Чжэн фа дуньтань (Чжэн фа дасюэ сюэ бао) - Пекин, 1991. - N 3.

⁶ Шэхуй. - Шанхай, 1991. - N 12.

О СОПОСТАВЛЕНИИ ДИНАМИКИ РОСТА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОТЕНЦИАЛОВ РОССИИ И КИТАЯ

(С) 1993

В.Шабалин, В.Портяков

Научное и практическое, экономическое и политическое значение сопоставления динамики роста экономических потенциалов России и Китая в последние годы существенно возросло. Можно, видимо, считать, что эта проблема, которая ранее как бы даже и не существовала и всесторонне не исследовалась, приобрела ныне новое качество в связи с проводимыми в КНР начиная с 1979 г. экономическими реформами и выявившимися существенными различиями в темпах роста народного хозяйства двух стран.

По официальным данным, ВВП КНР в 1991 г. увеличился по сравнению с предреформенным 1978 г. в 2,97 раза, объем сельскохозяйственного производства в 2,1 и промышленного - в 4,54 раза. При этом среднегодовые темпы прироста (соответственно, 8,7; 5,9 и 12,2%) были намного выше советских и среднемировых. Среднегодовой прирост уровня потребления населения составил в эти годы 6,5 по сравнению с 2,2%. Начиная с 1953 г. КНР вышла к 1978 г. на 8-ое место в мире по объему промышленного производства, на 4-ое - по стали, электроэнергии, цветным металлам, на 1-ое - по зерну, мясу, хлопку, углю, цементу, тканям, одежде. На быстрый рост экономики КНР обращают внимание многие экономисты Запада. "Никогда еще за историю цивилизации такая огромная часть человечества не выходила из бедности столь быстро", - отмечает "Нью-Йорк таймс"¹. Ожидается, что в текущем году Китай войдет в десятку основных торговых держав мира (10 лет назад КНР была 20-й в этом списке)².

Хотя в КНР сохраняется немало острейших проблем и противоречий, тем не менее наместились качественные сдвиги в экономике, в том числе возросшая степень товарности и монетаризации, более глубокая вовлеченность в рынок, рост степени самообеспечения рядом технически сложных видов продукции, определенное смягчение народнохозяйственных и межотраслевых диспропорций.

В России, согласно данным статистического ежегодника "Народное хозяйство РСФСР в 1990 г.", объем промышленного производства в 1990 г.

Шабалин Вадим Иванович, доктор экономических наук,

Портяков Владимир Яковлевич, кандидат исторических наук, заместитель директора Института Дальнего Востока РАН.

был в сопоставимых ценах выше, чем в 1980 г. всего на 33,8%, а сельскохозяйственного - по сравнению со средним уровнем 1976-1980 гг. - лишь на 15,9%. Существенно отличалась и динамика роста национального дохода двух стран в 80-е годы: рост в 2,3 раза в КНР и на 21,3% в России. Среднегодовой прирост национального дохода в Китае составил в 1981-1990 гг. 8,7%, а в России около 2,3% в 1981-1985 гг. и только 0,9% в 1986-1990 гг.

Разнонаправленная динамика экономических процессов в РФ и КНР - продолжающееся кризисное сокращение производства в России и существенное наращивание совокупной экономической мощи Китая - особенно резко проявилось в последующие годы. Это наглядно показал и в 1992 г., когда ВВП КНР вырос по сравнению с предшествующим годом на 12,8%, в то время, как ВВП России сократился на 19%.

Вопрос о соотношении динамики роста экономических потенциалов России и Китая обострился после развала СССР и конституирования Российской Федерации как самостоятельного государства. На международной арене и во взаимосвязях двух соседних стран возникла новая ситуация, характеризующаяся прежде всего сдвигом соотношения сил в пользу КНР. Российская Федерация обладает примерно 60% экономического потенциала бывшего Советского Союза. Суммирование экономических потенциалов стран-членов СНГ для сравнения с китайским теряет свое значение в силу изменений, происходящих на политической арене бывшего СССР. При этом Россия оказалась государством с еще менее сбалансированным, чем Советский Союз, народным хозяйством (без среднеазиатского хлопка, ряда портов Балтики и Черного моря и т.д.). Производя около 60% национального дохода Союза, Россия давала только 51% мяса, 35% растительного масла, 30% сахара и т.п. Экономика страны отягощена разрывом прежних хозяйственных связей, обострившимися структурными диспропорциями.

Особое значение имеет тот факт, что в России существенно сокращаются возможности для расширения крепкой базы всестороннего развития в будущем в связи с падением в течение ряда лет объемов капитальных вложений и строительно-монтажных работ, уровень которых в 1992 г., например, составил, соответственно, 55 и 58% от показателей 1991 г. При этом наибольший спад инвестиций произошел в отраслях, определяющих динамику и направление структурной политики. В Китае за годы реформы капиталовложения в народное хозяйство заметно выросли. Только за 1981-1985 гг. они составили 40% соответствующих инвестиций за 1949-1980 гг. В 1992 г. они увеличились по сравнению с предыдущим годом почти на 38%.

Сопоставление динамики роста экономических потенциалов Китая и России приобретает важное значение и в свете развивающихся разносторонних хозяйственных отношений обоих государств, включая приграничные связи и контакты соседних регионов и областей. По данным российской статистики, товарооборот России с Китаем вырос в 1992 г. на 27% и составил 3,8 млрд.долл. (по китайским данным он превысил 5 млрд.долл.). Это содействует экономическому строительству в Китае и России, является

одной из важных сфер их дружественного сотрудничества. Такого рода сравнение может способствовать нахождению новых путей и направлений, сфер расширения взаимодействия двух стран. Вместе с тем в отношениях двух государств остаются, на что указывают и китайские авторы, элементы состязательности. Сопоставление экономик России и Китая поможет выявить сильные и слабые стороны народного хозяйства этих стран, на которые следовало бы обратить внимание в ходе диалектического процесса налаживания их взаимоотношений.

В целом нашей науке еще предстоит определить и всесторонне сопоставить характер и количественные параметры той экономической базы Российской Федерации и Китая, на которой будет происходить сотрудничество и состязание двух государств и, в конечном счете, в значительной мере основываться их политическое и иное взаимодействие. Этот научный процесс, по-видимому, пройдет ряд этапов: во-первых, следует завершить сравнение уровней развития различных отраслей экономики; во-вторых, сравнить экономические потенциалы двух стран, т.е. определить также совокупность производственных, материально-технических, сырьевых ресурсов, состояние инфраструктуры, информационной и непродуцированной сфер и т.д.; в-третьих, выявить соотношение национального богатства Китая и России, включая накопленные материальные блага, вовлеченные в хозяйственный оборот природные ресурсы, производственный и научно-технический опыт; наконец, в дальнейшем сопоставить две страны и по такому интегральному понятию, как "комплексная мощь государства" с учетом совокупности многих факторов, не только хозяйственных, но и военных, социальных, политических, территориальных и др.

По ряду причин пока нет всех необходимых условий для всесторонней сравнительной характеристики экономик двух стран, которая бы дала вполне удовлетворительные результаты по всем указанным уровням анализа. Динамичные процессы в обоих государствах, прежде всего в России, затрудняют определение степени стабильности, качественных и количественных характеристик некоторых тенденций развития. В этом направлении действуют и территориальные изменения в связи с развалом СССР. При сопоставлении экономик РФ и КНР, которые, несмотря на общую направленность реформ, стали отличаться друг от друга по ряду характеристик социально-экономического положения стран, возникают также трудности, вызываемые различным пониманием отдельных экономических категорий, сложностью установления общих показателей для выражения идентичных экономических понятий. Не всегда просто обрабатывать фактические материалы, качество и объем которых по России сейчас ниже, чем в китайской статистике. Порою не совпадают и статистические понятия, методика и цели сбора данных.

Вместе с тем сопоставление хотя и сравнительно ограниченного круга показателей, характеризующих уровни развития отдельных отраслей и

других компонентов экономических потенциалов Китая и России, позволяет обнаружить ряд заслуживающих внимания данных.

Соотношение некоторых показателей экономических потенциалов КНР и РФ (1992 г.)

Наименование	Ед.изм.	КНР	Россия	Соотношение
Территория	млн.кв.км	9,6	17,1	1:1,78
Площадь	пахотная (млн.га)	97,57	132,3	1:1,38
	посевная	149,6	117,7	1,27:1
Население	млн.чел.	1171,7	148,6	7,9:1
Экономически активное				
население	млн.чел.	583,6	86,8	6,72:1
Сбор зерновых	млн.т	442,6	106,8	4,14:1
Производство:				
мяса	-"-	29,3	12,7	2,30:1
молока	-"-	5,0	47,0	1:9,4
угля	-"-	1110	337	3,3:1
нефти	-"-	142,0	395	1:2,8
электроэнергии	млрд.кВт-ч	747	1017 ^{x)}	1:1,36
проката черных металлов	млн.т.	65,3	46,8 ^{x)}	1,4:1
металлорежущих станков	тыс.шт.	210	46 ^{x)}	4,5:1
цемента	млн.т	304	63 ^{x)}	4,8:1
тканей	млрд.м	18,5	5,06	3,65:1
цветных телевизоров	млн.шт.	13,1	2,0	6,55:1
Внешняя торговля	млрд.долл.	165,6	73,1	2,26:1
в том числе:				
экспорт	-"-	85,0	38,1	2,23:1
импорт	-"-	80,6	35,0	2,30:1

Данные статистики КНР и РФ. Показатели по объему пахотной и посевной площади для России - за 1990 г.; по производству мяса: по Китаю - только говядина, свинина, баранина, по РФ - убой живой массы скота и птицы.

^{x)} Оценка по предварительным данным.

Сопоставление показывает, что каждая из стран имеет свои сильные стороны. Китай обладает преимуществом в общих масштабах развития растениеводства, мясного животноводства, легкой промышленности, использующей как сельскохозяйственное, так и промышленное сырье. Россия,

сохраняя преимущество в молочном животноводстве, лесном и нефте-газовом комплексе и электроэнергетике, практически оказывается примерно на одном уровне с КНР в черной металлургии и начинает все более уступать ей в основной химии, не говоря уже о промышленности, стройматериалах. Пока еще у нас сохраняется преимущество в тяжелом машиностроении и автомобилестроении, за исключением отдельных позиций (автобусы и микроавтобусы). В изготовлении бытовой техники Китай безнадежно, казалось бы, отстававший еще в начале 80-х годов, ныне по большинству позиций существенно опережает Россию по общим объемам производства.

Намного более развитым и современным выглядит сформировавшийся за годы реформ практически заново внешнеэкономический комплекс КНР, включая внешнюю торговлю, эшелонированную структуру привлечения иностранного капитала. В 1992 г. внешнеторговый оборот Китая вырос на 22% и составил 165,6 млрд. долл., между тем как внешняя торговля России сократилась на 23% и была на уровне 73,1 млрд. долл.

Несомненно, сохраняется значительное превосходство России по производству основных видов промышленной и сельскохозяйственной продукции на душу населения, накопленное ранее преимущество России в уровне жизни населения. Вместе с тем и здесь динамика изменений - не в нашу пользу. По данным издаваемого Программой развития ООН ежегодника "Развитие человека", по комплексному "индексу развития человека" Россия (данные по бывшему СССР) отступила в последние годы с 31 на 33 место в мире, а Китай поднялся с 82 на 79-ое, при этом соотношение индексов изменилось с 1,48:1 на 1,42:1.

Аналогичная тенденция характерна и для соотношения ВВП КНР и РФ, хотя выявить его однозначно и количественно точно довольно сложно. До недавнего времени отсутствовали официальные оценки ВВП России. Прямое использование долларовой эквивалента ВВП, рассчитанного на основе официального курса национальной валюты к иностранным, при сопоставлении ВВП РФ и КНР создаст искаженную картину. Многие исследователи заявляют, что такого рода оценки ВВП Китая явно занижены. Известный японский специалист по экономике КНР Кобаяси Минору считает, что к официальным китайским данным о среднегодовых темпах прироста ВВП следует добавлять как минимум 3 процентных пункта, чтобы они приблизились к западной методологии оценок, более полно учитывающей услуги. Другие эксперты возражают против такой коррекции в пользу ВВП КНР, полагая невозможным ставить на одну доску качество потребления и услуг в Китае и на Западе. В результате нынешний разброс оценок соотношения ВВП Китая и России чрезвычайно велик - от 3:1 в пользу Китая до 2:1 в пользу России. Несомненно, эта проблема требует дальнейшего изучения.

Однако уже сейчас следует обратить внимание на то, что и при самых благоприятных для нас, хотя и приблизительных, оценках соотношение ВВП России и Китая с 3,8:1 в 1980 г. сократилось до 2:1 в 1990 г. Если КНР

сможет выдержать темпы прироста ВВП в 1991-2000 гг. на уровне близком к намеченным 8-9% в год (а пока это китайцам удастся), то, даже в случае перелома в России отрицательной динамики развития и обеспечения в 1996-2000 гг. 4%-ного среднегодового увеличения ВВП, соотношение ВВП РФ и КНР в начале следующего десятилетия составит 0,75:1. Иными словами, вполне вероятно, что к концу века Китай перегонит Россию по основным важнейшим показателям общего развития экономики.

Изменения в соотношении динамики роста экономических потенциалов Китая и других стран привлекает повышенное внимание политиков и ученых во многих государствах. Сопоставляя, например, тенденции развития КНР и США, некоторые из них отмечают, что "если нынешние темпы роста в Китае сохранятся, то его экономика (но не подушный доход) сравняется с экономикой США всего через 20 лет"³.

Это - серьезный сигнал и для России. Конечно, не в том смысле, что отныне надо с подозрением относиться к экономическому росту КНР, а в том, что задача хозяйственного подъема Российской Федерации становится еще более безотлагательной. В свете меняющегося соотношения сил это в первую очередь относится к районам Дальнего Востока, имеющим протяженную границу с Китаем.

Нельзя не видеть, что потенциальные возможности экономики Дальневосточного региона еще не раскрыты, а для нынешнего состояния его народного хозяйства характерны кризисные явления. Обладая, вообще говоря, богатыми природными ресурсами (лес, уголь, гидроресурсы, цветные металлы, железная руда и т.д.), Дальний Восток имеет в целом слабую производственную базу, неразвитую инфраструктуру. Средний ежегодный рост промышленного производства в 1987-1990 гг. составил здесь лишь 3%. Сельское хозяйство обеспечивает население продуктами питания менее чем на 50% потребностей. Существует значительный дефицит рабочей силы. Естественный и миграционный прирост населения снижается. В настоящее время на Дальнем Востоке величина используемого ВВП превышает объем производимого здесь ВВП на несколько миллиардов рублей. Регион не может нормально развиваться на основе самофинансирования.

Вполне закономерно, что одним из важнейших факторов ускоренного хозяйственного подъема российского Дальнего Востока - наряду с мобилизацией внутренних ресурсов на путях реформы - явится его большая открытость и развитие всесторонних внешнеэкономических связей с государствами АТР, в т.ч. с КНР. Это - веление времени. Однако прогрессивный процесс хозяйственного взаимодействия будет, вероятнее всего, сопровождаться не только естественным ростом регионализма, но и возникновением или углублением ряда сложных проблем. Не следует упускать из вида, что относительно слабая экономика нашего Дальнего Востока оказывается перед лицом крепнущей экономики государств АТР и развивающегося Китая.

Слабость экспортной базы Сибири и Дальнего Востока уже сейчас ставит заметные препятствия на пути развития двусторонней торговли, обуславливает нерациональную сырьевую структуру нашего экспорта. Доля экспорта в товарной продукции промышленности Дальневосточного региона в 80-х годах составляла всего лишь около 4%. КНР поставляет нам в основном продукты питания и промтовары народного потребления. При этом китайская сторона проявляет интерес к топливно-сырьевым ресурсам Дальнего Востока, в том числе к разработке нефтяных, газовых, угольных и других месторождений, заготовке леса. Вряд ли в интересах России, чтобы эта тенденция повела к превращению Дальневосточного региона в сырьевой придаток Китая. Противоречивые подходы различных российских ведомств, проявившиеся при решении вопросов, связанных с Удоканским тендером по разработке крупнейшего в мире медного месторождения, расположенного на Дальнем Востоке, показывают, в частности, всю сложность возникающих здесь проблем.

Решению одной из острейших проблем в экономических связях двух стран - транспортной - должно способствовать расширение и эффективное функционирование транспортных путей Азия-Европа (в том числе из Китая по транссибирской магистрали; стыковка железнодорожных путей Северо-Восточного Китая и наших Дальневосточных краев и областей; сооружение новых станций и портов, строительство мостов, например, Хэйхэ-Благовещенск; увеличение пропускной способности пограничных переходов и т.д.). Стимулируя развития железнодорожных линий, всей транспортной инфраструктуры народнохозяйственного комплекса Дальнего Востока, эти мероприятия вместе с тем будут как бы "подтягивать" регион к Китаю.

Непросто выглядит и проблема привлечения массовой рабочей силы из Китая. В условиях острого ее дефицита и даже отлива части русского населения приток китайских рабочих, в основном из северо-восточных провинций Китая, конечно, помогает решать вопросы сегодняшнего дня. Десятки тысяч китайцев уже оказывают "трудовые услуги" в сельском хозяйстве и на лесозаготовках, выполняют подрядные строительные работы. Вместе с тем в обстановке нарастающей миграции русского населения из ряда государств - бывших республик СССР и увеличивающейся безработицы в некоторых регионах Центральной России было бы, видимо, целесообразно - с учетом долгосрочных интересов России - наряду с привлечением, содержанием и профессиональным обучением иностранцев, обратить особое внимание на использование и добротное устройство на Дальнем Востоке (с предоставлением льготных условий) прежде всего указанных выше групп российских граждан⁴.

Если без должной увязки и учета общегосударственных российских целей и потребностей ориентировать европейскую часть страны на включение в интегрированную Европу, а азиатскую - в быстроразвивающийся хозяйственный механизм АТР, в том числе Китая, то не произойдет ли, в

конечном счете, экономический "разрыв" российского тела, политические последствия которого не так уж трудно представить?

Крайне необходимо, в этой связи, чтобы стратегическая концепция долгосрочного экономического развития РФ (которой, кажется, все еще нет) в качестве одного из важнейших компонентов включала программу всесторонней и ускоренной органической интеграции народного хозяйства Дальнего Востока в общую экономическую структуру России. Здесь должна проходить главная линия "сцепки", а сотрудничество с другими государствами АТР, в том числе с Китаем, - активно дополнять и содействовать формированию прочного единого народнохозяйственного комплекса России. Конечно, Дальневосточный регион должен получить определенную автономию и льготы в развитии своего хозяйства с максимально возможной открытостью для сотрудничества со странами АТР. При этом все же должны быть продуманы меры, противостоящие политическому и экономическому сепаратизму, который, казалось бы, неожиданно стал проявляться в ряде областей и краев Дальнего Востока, и "межгосударственному регионализму", с тем чтобы ассоциации более развитых стран региона или крупные государства не воспользовались развитием связей с относительно слабой экономикой Дальнего Востока, пребывающей в длительном кризисе, во вред интересам хозяйственного и политического единства России⁵.

Скорейшая разработка указанных выше концепций и программ - весьма актуальный вопрос в связи с тем, что принятая в 1987 г. "Долговременная государственная программа комплексного развития производительных сил ДВЭР, Бурятской АССР и Читинской области до 2000 г." в силу изменения политической и экономической обстановки нуждается в существенных коррективах.

Учитывая важную роль Дальневосточного региона в возрождении России, рационального использования его ресурсного потенциала, геополитическое положение в АТР, а также необходимость улучшения жизнедеятельности населения, Указом президента РФ правительству России совместно с администрациями территорий Дальнего Востока и Забайкалья поручено разработать и принять в первом полугодии 1993 г. государственную региональную программу "Дальний Восток". Необходимо, чтобы эта программа в полной мере учитывала и внешний, в том числе китайский, фактор.

Наметившееся изменение соотношения экономических потенциалов России и Китая в пользу КНР не является неизбежным. С точки зрения долговременной перспективы скажутся проводимые в России экономические реформы. Должен сыграть свою роль и тот факт, что Сибирь и Дальний Восток, являющиеся по-видимому, одним из последних не освоенных ресурсных районов мира, в полной мере раскроют свои потенциальные возможности.

Что касается КНР, то в соответствии с разработанной стратегией модернизации страны в "три шага" (1980-1990, 1991-2000, 2001-2050 г.) предполагается выход Китая к середине следующего столетия на 3-е место в мире по "комплексной мощи государства" - вслед за США и Японией. Несомненно, успешная пока что в целом политика реформ и открытости в КНР дает весомые надежды на реализацию этих планов. Вместе с тем, необходимо принимать во внимание и серьезное влияние факторов, ограничивающих экономический рост Китая, таких, как демографическая и ресурсная ситуация, состояние окружающей среды. Например, по существующим оценкам, если в 80-х годах площадь пахотной земли на человека составляла в КНР 2 му (15 му - 1 га), то в 2000 году, по прогнозу, она сократится до 1,46, а в 2020 г. - до 1,27 му. О жестких ограничениях возможностей экономического роста по использованию ресурсов, понимаемым в самом широком смысле слова, говорит ряд китайских авторов, подчеркивая, что "нынешнее и следующие поколения китайцев должны обладать чувством кризиса существования, чувством... исторической ответственности"⁶.

Вероятно, что в будущем ситуация не окажется патовой, если Китаю в сжатые исторические сроки удастся коренным образом отойти от нынешней экстенсивной в целом модели роста, перенести центр тяжести развития на ресурсосберегающие трудоинтенсивные технологии. Но эту задачу в полном объеме еще только предстоит решить.

Как бы то ни было, и российско-китайским отношениям, чтобы оставаться дружественными и добрососедскими, равноправными и взаимовыгодными, и восточной политике России в целом нужна надежная материальная основа в виде динамично развивающегося, технически современного народного хозяйства.

¹ Нью-Йорк таймс. - 1993. - 2-15 марта (На русском языке).

² Финансовые известия. - 1993. - N 18.

³ Файнэншл таймс - 1992. - 21 сентября.

⁴ См. Г.Богданов. Японские ученые об экономических зонах. Проблемы Дальнего Востока, 1991, N 2.

⁵ См. В.Воронцов, А.Мурадян. Дальневосточный регионализм // Проблемы Дальнего Востока. - 1991. - N 6.

⁶ Существование и развитие. Гл.ред. Ху Аньган. - Пекин: Кэсюэ чубаньшэ, 1989. с; XIV, 25, 60. (На кит. яз.).

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕФОРМА ВО ВЬЕТНАМЕ

(С) 1993

Л.Аносова

Динамика производительных сил любой страны находится в прямой зависимости от таких факторов, как форма собственности на основные средства производства, организационная структура и механизм управления экономикой. Время от времени между этими факторами возникают противоречия. В наше время главной формой разрешения таких противоречий являются экономические реформы. Экономические реформы становятся объективной тенденцией развития производительных сил во многих странах мира, важнейшим фактором их структурной перестройки.

Несмотря на существенные различия, зависящие от уровня производительных сил, национальных особенностей производства в бывших странах социализма, а также в тех, которые формально еще не отвергли сделанный в свое время социалистический выбор (Китай, Вьетнам, Куба), экономические реформы имеют целый ряд схожих черт, совокупность которых объективно свидетельствует о кардинальном пересмотре роли различных форм собственности в развитии производства, об отказе от абсолютизации коренного признака социализма - общественной собственности на средства производства, а также от считавшегося незыблемым принципа управления хозяйством на основе государственного директивного планирования.

Во второй этап (1989) экономическая реформа во Вьетнаме вступила, когда контуры социально-организационных форм хозяйствования в основных чертах уже определились. В перечень основных хозяйственных укладов входили: социалистический уклад (государственный и кооперативный секторы), мелкотоварный сектор - кустарное производство единоличного крестьянского хозяйства, мелкая частная торговля. Капиталистический уклад в двух своих основных разновидностях - частной и государственно-капиталистической. Натуральный уклад, сохранившийся в некоторых отдаленных труднодоступных районах.

Курс государства на диверсификацию экономических отношений на селе был подтвержден и решением политбюро ЦК КПВ от 5 апреля 1988 г., которым намечались пути дальнейшего углубления системы семейного подряда (по-прежнему - в границах сельскохозяйственных кооперативов). Сроки закрепления земельных участков за крестьянами были увеличены с 5

Аносова Людмила Александровна, кандидат экономических наук, ученый секретарь Отделения экономики РАН.

до 20-30 лет*. Удлинение же сроков пользования землей должно было стимулировать крестьянство делать инвестиции в землю, дабы повысить ее плодородие, улучшить структуру почвы и т.п.

Формально земля должна оставаться в собственности государства 50 лет. Но отныне крестьянин может передать свой участок по наследству или сдать в аренду. Сельскохозяйственные кооперативы не должны были препятствовать крестьянину выкупать у них в свое владение такие средства производства, как сельхозинвентарь, тягловый скот, постройки производственного назначения. Функции кооперативов сведены до организации обмена сельскохозяйственной продукции на промышленные товары. Иными словами, производственная кооперация на селе приобрела снабженческо-сбытовой характер.

Тем не менее в деревне усилился фактический раздел земли, принадлежавшей кооперативам. По сообщениям центральной печати, стала явной эксплуатация наемной рабочей силы, раньше она прикрывалась родственными связями, и возникла база для социальной дифференциации¹.

Вызвав подъем производственной активности крестьян, руководство страны, однако, не смогло перестроить систему уравнительного распределения земли. В деревнях, особенно на Юге, возникли многочисленные земельные споры: крестьяне, апеллируя к закону, начали требовать землю для работы на подряде в соответствии со своими возможностями. В конце лета 1988 г. ситуация вокруг земельных споров чрезвычайно накалилась. Для снятия напряженности 31 августа Политбюро ЦК КПВ приняло Директиву "О решении ряда насущных земельных проблем"². В ней был признан ошибочным принцип уравнительного наделения землей, поспешность и насильственность методов кооперирования на Юге, медленное решение земельных споров, осуждалось злоупотребления и произвол партийных чиновников и управленцев.

В то же время в наиболее важном разделе предлагаемые мероприятия сводились к "тщательному изучению обстановки", "недопустимости поспешных действий", "дружескому и товарищескому обсуждению вопросов с народом". В ряде случаев допускалось административное изъятие земель. В целом все-таки не было предложено конкретного экономического механизма передачи земли в руки крепких и трудолюбивых крестьян, хотя документ открывал перспективу постепенного урегулирования производственных отношений в деревне, означал повышение внимания к индивидуальному хозяйству.

*Некоторые вьетнамские ученые полагают, что закрепление земли за крестьянскими семьями фактически означает существование частной собственности на землю: см., например, Чан Динь Тхиен. Роль стоимостных форм в условиях перестройки хозяйственного механизма. Автореф. канд. дисс. - М., 1990. - С. 15.

Между крестьянством и государством начали складываться принципиально иные, нежели прежде, взаимоотношения: оба субъекта постепенно становились равноправными торговыми партнерами.

В январе 1989 г. был принят Закон о сельскохозяйственном налоге (новая редакция), установивший общий порядок налогообложения всех типов хозяйств: кооперативов, госхозов, единоличников. Дополнительное налогообложение последних, если они обрабатывали земельный участок площадью, превышающей половину гектара, было отменено. Расчет налоговых ставок производился в зависимости от размера земельного участка и валовых сборов зерна, а для садоводов и производителей многолетних культур - от стоимости продукции. Уплата могла производиться в натуральной (рис) и, частично, в денежной форме.

По-существу, изменения в социально-экономической структуре вьетнамской деревни были логическим продолжением развития подряда на конечную продукцию в предыдущие годы.

Считается, что именно углубление рыночных отношений по линии государство-крестьянство-общество принесло стране крупный экономический выигрыш. Действительно, уже в 1989 г., т.е. в течение одного года, проблема снабжения населения рисом в СРВ была решена. При сохранении стабильных внутренних цен на рис его производство превысило уровень предыдущего года более чем на миллион тонн. Исходя из этого, некоторые российские специалисты пришли к выводу об исключительно высокой эффективности реформы в сельском хозяйстве³. Автор же склонен к более умеренной ее оценке: чисто экономических рычагов для подъема производительности труда в производстве риса было явно недостаточно. Дело в том, что в 1989 г. произошло расширение посевных площадей под рисовые посадки, с одной стороны, а с другой, - продолжалось перераспределение трудовых ресурсов путем организованного перевода их излишков в сельские местности. В 1986 г. производство риса на душу населения составило 247,3 кг, примерно столько же - в 1988 г., в 1989 г. - 293,6 кг, а за вычетом экспорта (1,4 млн т) 271,0 кг, что всего на 34 кг больше, чем в предшествующий период. Это означало прибавку к рисовому рациону каждого жителя в среднем на 2,8 кг в месяц, то есть не очень существенную, во всяком случае не такую, чтобы квалифицировать ситуацию как создание в стране необходимых резервов риса.

Наш вывод подтверждается данными о производстве этой зерновой культуры с учетом роста численности населения: при абсолютном увеличении сборов риса рост населения (1989 г. - 64,7, 1990 г. - 66,2, 1991 г. - 67,6 млн человек), естественно, снизил потребление риса с 290,4 кг в 1990 г. до 287,3 кг в 1991 г.⁴ Правда, есть данные о том, что в 1992 г. производство продовольствия (видимо, в пересчете на рис) составило 24 млн. т, что дает 342 кг на душу населения, притом что на мировой рынок поставлено 2,4 млн т риса⁵. Но еще неизвестно, противоречат ли эти цифры нашему выводу, поскольку неизвестно, какая часть из 342 кг продовольствия представлена

рисовым зерном в натуре. Очевидно, что экономическая реформа дала односторонний эффект: открыла крестьянину возможность продавать излишки риса на свободном рынке. Отсюда возникла возможность закупок его для экспортных операций, перераспределения зерна по регионам через рынок. Однако реформа не вызвала к жизни интенсивных факторов производства. Можно ожидать, конечно, что экономическая реформа в сельском хозяйстве со временем приведет к потребности применения новой техники и технологий. Но это - в будущем. А до тех пор пока не исчерпаны резервы экстенсивного типа производства, развитие производства риса и других продовольственных культур, видимо, будет происходить традиционным - экстенсивным путем.

Осуществление экономической реформы сопровождалось еще рядом других решений вьетнамского руководства, направленных на легализацию частнохозяйственных укладов, открывавших возможность государству проводить в этом плане соответствующую политику. В июне 1988 г. было принято решение о новом отношении государства к производственным единицам негосударственных (несоциалистических) укладов и новом механизме управления их деятельностью. Это была очередная решительная попытка вписать несоциалистические формы собственности и возникающие на их основе рыночные отношения в привычную схему строительства социализма. В появившихся вокруг этого решения многочисленных выступлениях в прессе и научной литературе, как в самом Вьетнаме, так и за рубежом, развернулась дискуссия, в ходе которой обсуждалась необходимость экономической многоукладности на начальной стадии строительства социализма при главенствующем положении общественной собственности, которая практически отождествлялась с государственной. Аргументировалось это тем, что рыночные отношения присущи отнюдь не только капиталистическому обществу, их зачатки были и при феодализме, поэтому социализм также может использовать их. В этих идеях в определенной степени ощущался налет влияния политики перехода Китая к рыночной экономике.

В соответствии с вышеупомянутым решением еще раз был определен экономический статус предприятий и организаций, базирующихся на различных формах собственности. Сосуществование этих укладов пытались примерить с марксистскими представлениями о социалистической экономике, что выразилось в запрете частным компаниям на специализацию в области импортно-экспортной деятельности, хотя и не возбранялось установление прямых связей с иностранными фирмами для разовых операций, связанных с экспортом своей продукции и импортом необходимого оборудования, машин, материалов и сырья производственного назначения.

На пленуме ЦК КПВ (июнь 1988 г.) были внесены изменения в отношении к торговой буржуазии. Ей были разрешены коммерческие операции, хотя и под государственным контролем. При этом отмечалось, что

предпочтительнее переводить накапливающиеся средства не в сферу обращения, а в отрасли материального производства.

В целях повышения эффективности многоукладной экономики Пленум рекомендовал органам государственной власти не вмешиваться в производственную деятельность всех субъектов хозяйствования, в том числе и госсектора.

Поддержка несоциалистических укладов вскоре принсла свои плоды. Уже в 1990 г. официально зарегистрированными оказались 770 частных предприятий и около 377 тыс. ремесленных, индивидуальных и семейных предприятий⁶.

Важно отметить, что частное предпринимательство в его различных формах стало укореняться не только в сфере обращения, но и в электроэнергетике, машиностроении, черной и цветной металлургии. Помимо частной мелкой и мельчайшей розничной торговли продолжала функционировать кооперативная торговля, хотя численность таких торговых точек сократилась с 30,5 тыс. в 1988 г. до 12,8 тыс. - в 1990 г. Причины были разные: слияние, укрупнение, переход в другие хозяйственные уклады и т.д.

Важное место в деле преобразования форм собственности заняла разработка и внедрение в практику законов и юридических норм, регулирующих частное предпринимательство. В апреле 1991 г. был принят блок из двух законов. Один из них - об охране прав и интересов частных собственников, второй - о правилах создания разного рода компаний.

В соответствии с первым законом за предпринимателями закреплялось право свободного выбора сферы приложения капиталов, поиска партнеров, найма рабочей силы, складывающихся возможностей использования валютной выручки, распоряжения остатком прибыли.

В обязанности частника включены следующие положения: использовать прежде всего национальную рабочую силу, соблюдать права наемных работников, производить продукцию, соответствующую государственным стандартам.

Закон о компаниях упорядочивал процесс их формирования, направляя его по наиболее рациональным направлениям. Рекомендовалось создавать компании в основном в двух формах - с ограниченной ответственностью и на паевых началах.

Компании с ограниченной ответственностью должны иметь определенный уставный фонд, образуемый паевыми взносами ее учредителей. Допускается возможность передачи доли одного компаньона другому. Однако они не обладают правом выпуска ценных бумаг.

Акционерные компании, напротив, получили право выпуска своих акций, облигаций и других видов ценных бумаг. По представлению обоснованных программ хозяйственной деятельности, они смогут получить кредиты в банке.

В связи с изменениями в социально-экономической структуре производства возникла потребность диверсификации налоговой системы.

В СРВ налоги еще не стали фактором, регулирующим подъем производства и решение других экономических проблем. Их назначение пока ограничивается функцией перераспределения средств для социальных нужд. В связи с улучшением условий для развития предпринимательской деятельности постепенно стали возникать источники крупных накоплений, появилась заметная прослойка богатых семей. Налоговая система государства отреагировала на это принятием в январе 1991 г. закона о налоге с лиц с высокими доходами, под которыми подразумевается постоянный совокупный доход (заработная плата, прибыль от побочных промыслов, коммерческой частной деятельности и пр.), превышающий 500 тыс. донгов в месяц для граждан страны и 2.4 млн донгов - для иностранных граждан. Налогами облагаются также денежные поступления от реализации технологий и проектов, разовые доходы - денежные переводы и посылки из-за рубежа, стоимость которых превышает 1,5 млн. донгов. Размеры ставок определяются по прогрессивной шкале.

Изменилось отношение государства и к госсектору народного хозяйства. Это характерно для большинства постсоциалистических стран и является закономерной реакцией общества на длительное монопольное положение государственной собственности на основные средства производства. Хотя, по общему правилу, в таких странах не ставится задача тотальной ликвидации государственного сектора, тем не менее существуют различные взгляды на его масштабы и роль в экономике. Так, в Китае некоторые видные ученые утверждают, что государственные предприятия оказывают пагубное влияние на экономику, и что наступит время, когда в Китае придется приступить к демонтажу предприятий госсектора, "которые ныне представляют собой главную помеху на пути превращения Китая в невиданный прежде величайший экономический феномен"⁷.

Разумеется, помимо теоретических изысканий, существует еще и мировая практика, а она показывает, что в высокоразвитых индустриальных странах Востока государство оставляет за собой отрасли, в первую очередь нуждающиеся в модернизации и отличающиеся поэтому низкой рентабельностью. Это прежде всего предприятия тяжелой индустрии, в которых мало заинтересован частный капитал ввиду низкой нормы прибыли, отрасли, способствующие научно-техническому прогрессу и укреплению позиций страны на мировом рынке. Иными словами, это те отрасли народного хозяйства, при помощи которых государство сохраняет ключевые позиции в экономике. В современном мире, таким образом, давно уже утратила популярность идея полного вытеснения государственной собственности из комплекса экономических отношений. Правда, остается открытым вопрос о рациональной доле госсектора в национальном производстве в целом. Как свидетельствует международный опыт, в разных странах этот вопрос решается собственным путем и зависит от политики правящих кругов и конкретной экономической ситуации. В этот опыт сейчас вносят свой вклад слаборазвитые страны, в том числе СРВ, где длительное

время одной из главных задач руководства было активное формирование государственного сектора, как опоры власти, осуществляющей функции диктатуры пролетариата.

Во Вьетнаме политика денационализации только начинаст формироваться. Она исходит из того, что в СРВ был скопирован механизм бюрократического, распределительного управления, который подталкивал государственные предприятия к расточительному ведению хозяйства, тормозил модернизацию производства. "Несмотря на всесторонние льготы, - пишет вьетнамский ученый Нгуен Куанг Тхуан, - государственный сектор оставался низкоэффективным, а его убыточность стала серьезной причиной углубления бюджетного дефицита и нарастающей инфляции"⁸. Действительно, эти причины побуждали руководство страны искать пути преобразования государственной экономики. Однако на первом этапе реализации экономической реформы мероприятия в этой области сводились к расширению производственно-хозяйственной самостоятельности предприятий и ограничению вмешательства вышестоящих административно-управленческих органов в их деятельность. Но все эти свежие новации не принесли тогда заметных результатов.

На втором этапе экономической реформы с еще большей отчетливостью выявилось, что масштабы госсектора и его значение не отвечают потребностям страны, хотя к началу 90-х годов госсектор обеспечивал свыше 60% всех внутренних поступлений государственного бюджета, потребляя при этом до 80% импортируемого сырья и материалов⁹, что определяло высокую зависимость предприятий от внешней политики.

1989 г. стал переломным в области подхода государства к находящемуся в его ведении сектору: были существенно урезаны бюджетные субсидии, сняты льготы по кредитам и пр., что привело абсолютное большинство предприятий на грань банкротства. В новых условиях хозяйствования они особенно ярко проявили неспособность приспособиться к ситуации и самостоятельно вести дела. Тем более, что масса предприятий госсектора требовала, как минимум, реконструкции и технического перевооружения, а, по существу, - нового строительства. Об этом говорит, в частности, тот факт, что даже при вспышке потребительского спроса в 1989 г. продукция госпредприятий не находила спроса, продолжал расти процесс затоваривания. И тем не менее ни одно государственное предприятие не обанкротилось и не было остановлено. Впрочем, для этого не было и соответствующих юридических норм: закона о банкротстве, правил продажи с аукциона основных фондов и т.п. Там, где требовались нестандартные решения, руководство страны из идеологических соображений предприняло меры к сохранению госсектора - с помощью льгот и дотаций из госбюджета. В результате спад производства продолжался. Кризис охватывал все новые отрасли и предприятия, а в инвестиционном комплексе он обрел просто разрушительные масштабы.

Первые месяцы после введения новой политики, отменившей привилегии госсектора, большая часть самых крупных госпредприятий вынуждена была приостановить свою деятельность. Вспыхнула массовая безработица. Возросла угроза углубления социальной нестабильности. Многие уволенные рабочие устремились в единственную доступную для них сферу деловой активности - торговое посредничество, финансовые и валютные спекуляции. После бюджетной подпитки произошло некоторое оживление госсектора, что повысило его долю в структуре национального дохода: с 22,5 в 1988 г. до 29,0% в 1991 г.; в валовом общественном продукте, соответственно, с 30,5 до 37,0; в валовой продукции промышленности: с 56,5 в 1988 г. до 58,6% - в 1991 г.¹⁰

Но эти данные, особенно позиции госсектора в ВВП и валовой продукции промышленности, отражают роль государственного сектора только как выведенную по стоимости продукции, и ничего не говорят о состоянии ее реализации. Вьетнамская пресса изобилует примерами, когда госсектор работает вхолостую, на склад. Низкое качество продукции лишает товары привлекательности и спроса как на внутреннем, там и на внешнем рынке. В 1990 г. численность государственных предприятий в экономике СРВ сократилась на 8,6%, по сравнению с 1988 г., составив 2762 единицы вместо 3020 в предыдущем году¹¹. Сокращение произошло в основном за счет превращения части государственных предприятий в смешанные. В 1992 г. началась приватизация предприятий и других хозяйственных объектов, принадлежавших госсектору. Пока мы не располагаем точными данными, характеризующими масштабы данного процесса, за исключением того, что в порядке эксперимента намечалось приватизировать несколько государственных предприятий путем акционирования, но, возможно, что подобные факты положат начало третьему этапу экономической реформы. Приватизации подлежат предприятия и хозяйства, не выдерживающие рыночной конкуренции. В аукционах имеют право участвовать иностранные предприниматели. Централизованное планирование, в соответствии с новыми нормативными актами, ограничивается теперь макроуровнем, для предприятий не предусматриваются директивные показатели, за исключением самых общих.

Изменение методов планирования затронуло и государственный порядок материально-технического снабжения предприятий. Практически он прекратил свое существование. Кроме того, правительство отказалось от практики постоянного субсидирования убыточных объектов, за исключением экстраординарных случаев.

Важной мерой по упорядочению государственных финансов было введение Закона о налоге с прибыли. Госсектор по новому закону был приравнен к остальным субъектам хозяйствования, а налоговые ставки определялись теперь только по отраслевому признаку. Так, в энергетике, в металлургии, горнодобывающей и химической промышленности, в производстве минеральных удобрений, строительных материалов и на

транспорте они составляют 30%, а в более рентабельных отраслях - легкой и пищевой промышленности - до 40%, в торговле, общественном питании и производстве услуг - до 50%. Впервые начал применяться налог на использование и добычу природных ресурсов (закон принят в апреле 1990 г.). Этот налог распространяется на все национальные и иностранные предприятия*, использующие природные ресурсы¹².

После уплаты налогов в распоряжении предприятий остаются средства, предназначенные для обновления и реконструкции основных фондов, а также для материального поощрения рабочих и служащих.

Все вышесказанное говорит о том, что в СРВ формируется новый подход к государственному сектору, схожий в общих чертах с современной китайской практической установкой на превращение государственного предприятия в самостоятельного производителя товаров и услуг¹³.

Стремясь оздоровить экономику, снизить инфляцию и создать благоприятные условия для модернизации и структурной перестройки народного хозяйства, руководство Вьетнама серьезно занимается вопросами денежного обращения, финансовой системы, банковского дела.

Разрабатывая соответствующие мероприятия, вьетнамское руководство учитывало опыт других стран, рекомендации международных финансово-экономических организаций, но все же склоняясь к тому, что СРВ необходим свой путь преобразований. Тем не менее, как и во многих других странах, первоочередной задачей было признано сокращение денежной массы, максимальное изъятие ее из обращения. В этих целях были предприняты следующие меры.

Во-первых, лишая предприятия госсектора постоянных бюджетных субсидий, государство избавилось от необходимости восполнять дефицит бюджета эмиссией необеспеченных денежных знаков. В 1989 г. было запрещено дотировать экспортно-импортную деятельность, прежде всего закупки сельскохозяйственной продукции для продажи на внешнем рынке. В несколько раз были повышены цены на сырье и материалы, предназначенные для дальнейшей переработки, - до уровня цен свободного рынка. Были упразднены денежные компенсации рабочим и служащим госсектора - разницы между государственными и рыночными ценами на товары первой необходимости.

Во-вторых, в апреле 1989 г. была повышена процентная ставка за хранение сберсчетов в сберкассах (9% - по обычным и до 12% по срочным вкладам, причем в условиях, когда месячная инфляция составляла 3,3%). Это явилось одной из важных мер по "связыванию" массы денег, скопившейся на руках, - отложенного спроса из-за дефицита товарной массы.

* Исключение составляют предприятия с участием иностранного капитала, созданные до апреля 1990 г., которые облагаются налогом согласно закона об иностранных инвестициях в СРВ (1987 г.).

В-третьих, была изменена роль банков в экономической жизни страны.

Прежде банковская система была частью единого централизованного механизма управления народным хозяйством. Резервы Государственного банка формировались почти исключительно за счет возрастающей эмиссии. По мнению вьетнамских специалистов, затратные принципы деятельности Госбанка стали одной из причин инфляции. К концу 1988 г. в результате реорганизации государственной банковской системы Госбанк СРВ имеет 37 отделений на административно-территориальном уровне - в провинциях и городах центрального подчинения. Были созданы новые специализированные банки: Торгово-промышленный банк, банк развития сельского хозяйства и 427 уездных и общинных банковских контор. Реорганизации подверглись Внешторгбанк и Инвестиционно-строительный банк. Кроме того, во всех провинциях были основаны акционерные банки. В 1989 г. в одной из провинций произошло юридическое оформление первого частного банка. Все больше распространяется кредитная кооперация, целью которой является борьба с ростовщичеством и мобилизация свободных наличных денежных средств населения. Акционирование породило рынок ценных бумаг, хотя и небольшой.

Увеличение численности субъектов банковской системы в СРВ логически привело к возникновению конкуренции между ними, к борьбе за привлечение клиентуры.

В 1990 г. был принят пакет документов, касающихся статуса разных банков, в том числе Закон о Государственном банке и Закон о банках, кредитной кооперации и финансовых компаниях.

В соответствии с этими законами Государственный банк СРВ - правительственный орган, на который возложены управленческие функции в сфере денежного обращения, кредита и т.д. Только этот банк наделен правом эмиссии денег. Он проводит политику денежного обращения, участвует в составлении планов социально-экономического развития, осуществляет международные расчеты, обеспечивает хранение государственных запасов золота и иностранной валюты, представляет правительство в международных кредитно-финансовых организациях и банках и т.д.

При этом Госбанк освобожден от управления государственным бюджетом и финансовыми резервами. Они возложены на специальное казначейство в составе министерства финансов.

Закон о финансовых компаниях предоставляет им, независимо от правового статуса государственной или акционерной организации, право кредитования торговых сделок из собственных или занятых у населения средств, но не разрешает выполнять сугубо банковские функции - хранение денежных вкладов населения и использование их для всевозможных расчетов.

Важную роль в проведении экономической реформы сыграл пересмотр внешнеэкономической стратегии государства. Расширилось число участников экспортно-импортных операций, увеличился объем внешней торговли. В

страну начала поступать валютная выручка, а новый, более справедливый, порядок ее распределения стимулировал возникновение и развитие производства, ориентированного на внешний рынок.

В последние четыре года, на втором этапе экономической реформы, в СРВ были получены неплохие результаты: произошло заметное оживление производства, особенно в новых хозяйственных структурах, в торговле. Справедливости ради надо отметить, что насыщению внутреннего рынка товарами способствовала контрабанда, с которой сначала велась активная борьба, так и не увенчавшаяся успехом: слишком велико было притяжение товарного вакуума. Контрабанда велась на суше и на море, главным образом через границу с Таиландом. В настоящее время этот канал приобрел как бы неофициальное признание вьетнамских властей.

На втором этапе реформы были заложены основы стабилизации положения в народном хозяйстве. Об этом говорит многократное снижение инфляции на конец 1992 г. Вместо 400-500 она составила к этому времени 12-14%¹⁴.

Выход СРВ на мировой рынок позволил отнести угрозу приостановки реформы, возникшей после распада мирового социалистического сообщества, Советского Союза, в виду того, что было прекращено предоставление крупных международных кредитов на льготных условиях.

По сравнению с первым этапом повысилось материальное благосостояние населения страны.

Политики и ученые, посетившие Вьетнам в конце 80-х - начале 90-х годов единодушно отмечают, что облик страны заметно изменился к лучшему: население, особенно в городах, стало лучше питаться и одеваться, повысился общий психологический настрой, активно работают магазины и рынки - этот важный индикатор жизненного уровня народа. Национальный доход возрос с 17,4 млрд донгов (в текущих ценах) в 1989 г. до 45,5 млрд - в 1991 г. Со скидкой на инфляцию, увеличение было меньше - примерно в полтора раза. В 1991 г. произведено промышленной продукции на сумму 147,6 млрд донгов вместо 133,3 млрд в 1989 г. Объем розничной торговли возрастал следующим образом (в ценах соответствующих лет): 1987 г. - 1453,5 млрд донгов, 1988 г. - 7233, 1989 г. - 12911,0, 1990 г. - 19031,3, 1991 г. - 30898,0 млрд донгов.

Одновременно происходило социальное расслоение общества: появились группы граждан с доходами, стократно и более превышающими средний уровень доходов горожан, не говоря уже о крестьянстве.

Среднемесячная заработная плата рабочих и служащих в 1991 г. составила в среднем по государственному сектору 76,9 донга, в том числе в промышленности - 96,1, в сельском хозяйстве - 58,1, в торговле и сфере материального снабжения - 77,3 донга¹⁵. При высоких, постоянно растущих, ценах эти выплаты были очень невелики, поэтому почти все работники имели побочные статьи доходов на стороне (ремесло, торговля, семейная экономика и т.д.).

В 1991 г. на душу населения было произведено (в кг): риса - 287,3, чая - 0,33, сахара - 5,1, морской рыбы - 10,0, хлопчатобумажных тканей - 4,1 м. Таким образом, жизненный уровень вьетнамского населения остается еще крайне низким; доля национального дохода на одного человека не превышает 200 долларов, что в два раза ниже, чем в Китае и Индонезии, в пять раз меньше по сравнению с Таиландом и в 20 раз - с Республикой Корей.

По данным Организации объединенных Наций, среднегодовой доход на душу населения во Вьетнаме также достигает 200 долларов.

Это наводит на мысль о том, что вьетнамская модель экономической реформы пока еще в недостаточной мере способствует раскрытию внутреннего потенциала СРВ.

Улучшение произошло, по нашему мнению, за счет преодоления последствий таких факторов, как война, развал торговых связей по линии бывшего СЭВ, потеря управляемости народным хозяйством старыми методами.

Действие же обширного комплекса долгосрочных факторов, обуславливающих кризисное состояние производительных сил, не может быть приостановлено за два-три года. Сюда входят исчерпание резервов экстенсивного роста, глубочайшая структурная, технологическая и ценовая расбалансированность.

В этих условиях следует ожидать, что во Вьетнаме будут предприняты новые попытки дальнейшего углубления реформы путем разработки собственного специфического сценария формирования экономической политики, в том числе структурной.

¹ Нян Зан. - 1988. - 15 апреля.

² Нян Зан. - 1988. - 10 сентября.

³ Е. Богатова, Н. Макаров, С. Малыгин. "Шоковая терапия": вьетнамский вариант // Проблемы Дальнего Востока. - 1990. - N 5.

⁴ Рассчитано по источнику: Статистические данные СРВ. 1986-1991. - Ханой, 1992 (на вьет.яз.).

⁵ См. Вьетнам. Справочник. - М., 1993.

⁶ Статистические данные СРВ. 1986-1991. - Ханой, 1992 (на вьет.яз.).

⁷ Актуальные проблемы развития экономики в КНР. По материалам китайской и зарубежной печати. Экспресс-информация. Вып. 11. - М., 1992. - С. 34.

⁸ Нгуен Куанг Тхуан. Трансформация государственного сектора экономики в процессе хозяйственных реформ. Автореферат

- канд. дисс. - М., 1992. - С. 12.
- ⁹ Там же: С. 13. Нян Зан. - 1988. - 14 апреля.
- ¹⁰ Статистические данные СРВ. 1986-1991. - Ханой, 1992 (на вьет.яз.).
- ¹¹ Там же.
- ¹² Вьетнам. Справочник. - М., 1993.
- ¹³ Нян зан. - 1991. - 30 января; 1991. - 18 апреля; Синьхуа, Пекин.
- 1990. - 14 сентября.
- ¹⁴ Вьетнам. Справочник. - М., 1993.
- ¹⁵ Статистические данные СРВ. 1986-1991 гг. - Ханой, 1992 (на вьет.яз.)

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИКИ "ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОТКРЫТОСТИ" В КНР

(С) 1993

П.Мозиас

В ходе обсуждения в нашей стране путей и средств привлечения иностранного капитала неоднократно ставился вопрос о необходимости тщательного изучения китайского опыта развития районов с особо льготным инвестиционным климатом. Сторонники создания крупномасштабных "свободных экономических зон" обычно указывают на высокие количественные показатели роста китайских зон, на быстрое увеличение объемов привлеченных средств, рост уровня жизни населения и т.д. Менее громко, но не менее уверенно звучат голоса тех, кто видит в практике развития "открытых районов" в Китае больше проблем, чем реальных достижений. В преференциальные зоны устремляется, как правило, капитал небольших фирм - малонадежных коммерческих партнеров; в КНР переносятся в основном технологии, далекие от современных международных стандартов; развитие зон требует крупных государственных капиталовложений, что создает дополнительную нагрузку на госбюджет и т.д.

При всем многообразии мнений, представленных в литературе, за рамками анализа, однако, зачастую оказываются принципы, которыми руководствуется китайское правительство при создании тех или иных преференциальных районов. И прежде всего - то обстоятельство, что стратегия "территориальной открытости" четко вписывается в общие рамки политики размещения производительных сил страны. Активизация внешнеэкономических факторов развития призвана выступать в качестве важной, хотя и не единственной составляющей ускоренного хозяйственного роста тех или иных территорий. При этом темпы и масштабы реального подключения иностранного капитала к процессам регионального развития в решающей степени зависят от нахождения баланса интересов принимающей стороны и зарубежных инвесторов.

Для китайской стороны сотрудничество с иностранным предпринимательским капиталом привлекательно возможностью расширения сферы источников - накопления, освоения современных технологий и управленческого опыта, совместного освоения международных рынков и роста валютных поступлений и т.д. Разумеется, в реальной действительности добиться одновременного осуществления всех этих целей весьма сложно. Обычно иностранные инвесторы заинтересованы в экспортной ориентации совместных проектов лишь в том случае, когда происходит экономия издержек за счет использования дешевой китайской рабочей силы. Поэтому наибольшие валютные доходы приносят, как правило, низкотехнологичные трудоемкие отрасли промышленности, а также сфера услуг. Напротив, предприятия в технологичных отраслях обрабатывающей промышленности

испытывают наибольшие трудности с валютной самокупаемостью. Они создаются иностранными вкладчиками в основном в расчете на освоение внутреннего рынка КНР. Национальные предприятия часто не могут обеспечить им поставки сырья и компонентов нужного качества, и значительная часть валютных средств уходит на импорт необходимых производственных ресурсов. В таких условиях успешно привлечение иностранного капитала предполагает широкую диверсификацию направлений сотрудничества, разнообразие методов стимулирования приоритетных форм инвестиций. Эти тенденции четко прослеживаются в практике развития "открытых районов".

Главным полем пространственного притяжения иностранных инвестиций в период "политики открытости" стали восточные, приморские провинции КНР. Такая расстановка акцентов вполне понятна, учитывая традиционно более высокий уровень развития побережья и его географическую близость к линиям международного экономического обмена. В то же время она явилась одной из составляющих общего пересмотра политики территориального размещения производительных сил, наметившегося еще с середины 70-х годов.

В период "открытия" Китая в XIX - первой половине XX вв. под влиянием проникновения в страну западных держав происходило опережающее развитие приморских провинций. Но после образования КНР акцент был сделан на нивелирование региональных уровней за счет ускоренного развития внутренних районов. Этот курс получил особый размах с середины 60-х годов, когда в районах "третьей линии обороны" (глубинные южные и юго-западные провинции) создавались резервные промышленные комплексы на случай "агрессии с Севера". Если в годы первой пятилетки (1953-1957) на развитие приморских провинций направлялось 46,35% национального фонда капиталовложений, а районов "третьей линии обороны" - 30,60%, то в период третьей пятилетки (1966-1970) - соответственно 31,51 и 52,70%. Валовой объем промышленной продукции глубинных западных провинций и "третьего фронта" в 1952 г. составлял 1/4 аналогичного показателя прибрежной полосы, а к началу 80-х годов - уже 40%. Однако эффективность капиталовложений при этом почти в 3 раза уступала показателям побережья. В таких условиях с середины 70-х годов доля инвестиций в приморских районах вновь стала увеличиваться, поднявшись в 1979 г. до 47,89% (по сравнению с 34,70% для районов "третьего фронта")¹. Эта практика получила дальнейшее развитие в условиях общей рационализации хозяйственной политики в период хозяйственных реформ.

Территориальная политика последних лет предполагает постепенное продвижение центра тяжести хозяйственного строительства с Востока на Запад. Форпостом технологической модернизации и структурной перестройки должен стать наиболее развитый приморский пояс (в него входят провинции Ляодун, Хэбэй, Шаньдун, Цзянсу, Чжэцзян, Фуцзянь, Гуандун, Гуанси-Чжуанский автономный район, города центрального подчинения Пекин,

Шанхай и Тяньцзинь). Ближайшим резервом побережья является "развивающийся" центральный пояс (провинции Шаньси, Цзилинь, Хэйлуцзян, Аньхой, Цзянси, Хэнань, Хубэй, Хунань и автономный район Внутренняя Монголия). Здесь должны быть задействованы богатые природные ресурсы, экономический потенциал отдельных индустриальных районов, сравнительно развитая транспортная сеть. Предполагается постепенная активизация освоения окраинного западного пояса (провинции Сычуань, Гуйчжоу, Юньнань, Шэньси, Ганьсу, Цинхай и автономные районы - Тибетский, Синьцзян-Уйгурский и Нинся-Хуэйский), ныне слабо развитых в индустриальном отношении². В этой связи импульсы ускоренного роста, исходящие из преференциальных зон побережья, должны постепенно распространяться на внутренние районы.

В рамках "политики открытости" для побережья также была установлена определенная иерархия приоритетов. В 1978-1980 гг. были созданы особые экономические зоны (ОЭЗ) в провинциях Гуандун (Шэньчжэнь, Чжухай, Шаньтоу) и Фуцзянь (Сямэнь). В 1984 г. для иностранных вложений были "открыты" 14 приморских городов. В 1985 г. последовало создание "открытых" зон со льготным режимом, отличным от ОЭЗ, в дельтах рек Янцзы и Чжуцзян, а также на юге провинции Фуцзянь. Весной 1988 г. новой, крупнейшей в Китае, ОЭЗ стал о.Хайнань. Новые "открытые" зоны были созданы на полуостровах Ляодун и Шаньдун. Важнейшим событием "территориальной открытости" начала 90-х годов стало создание Новой зоны Пудун близ Шанхая.

Эффекты от инвестиционного сотрудничества должны были все глубже проникать во "внутренние ткани" экономики по цепочке: особые экономические зоны - "открытые" приморские города - "открытые" зоны - районы без специального инвестиционного режима. Такая схема реализовывалась при создании преференциальных районов к середине 80-х годов. В дальнейшем, под воздействием реальной хозяйственной практики, ее содержание подвергалось значительным корректировкам.

Так, при создании в начале 80-х годов четырех ОЭЗ преследовались (помимо политических) практически все экономические цели привлечения иностранного капитала. Ведущую роль в развитии зон должен был играть сформированный на основе заимствования современных технологий многоотраслевой промышленный комплекс. В отличие от распространенных в мировой практике узкоспециализированных "зон экспортной переработки", в ОЭЗ Китая промышленное развитие должно было сочетаться с развитием сельского хозяйства, финансового сектора, туризма и т.д. Подавляющая (до 70-80%) часть продукции зон должна была реализовываться на внешних рынках. Снабжение сырьем и компонентами предполагалось в основном за счет поставок из внутренних районов и, таким образом, промышленное развитие ОЭЗ через сеть горизонтальных связей должно было стимулировать технологическую перестройку значительных массивов китайских

предприятий. Кроме того, зоны выступили в качестве испытательного полигона в осуществлении реформы хозяйственного механизма в КНР.

В реальности с начала 80-х годов подавляющее большинство иностранных инвестиций в особых зонах приходилось на быстрокупаемые низкотехнологичные предприятия. В 1979-1985 гг. 77,9% объема иностранных вложений в ОЭЗ были направлены в отрасли непроемкой сферы. В особенности это касалось крупнейшей и наиболее быстро развивающейся ОЭЗ Шэньчжэнь, где бум опеаций с недвижимостью явился прямым продолжением активного жилищного строительства в близлежащем Гонконге. В структуре инвестиций в промышленность 41,6% приходилось на текстильную и легкую индустрию, а еще 18,7% - на сборочные производства электроники и электротехники³. Только 7% технологии, поступившей в рамках инвестиционных контрактов, соответствовало современному международному уровню⁴.

Для налаживания системы горизонтальных связей в зонах поощрялось создание СП с участием предприятий из внутренних районов. Но на практике главной сферой их деятельности стали торгово-посреднические операции. Такие фирмы предпочитали ввозить и реализовывать по более высоким ценам на внутреннем рынке товары преимущественно потребительского назначения, а продукцию внутренних районов - реализовывать иностранным контрагентам за валюту. Внутренние районы не смогли удовлетворить потребности зон не только в компонентах для сборочных производств, но и в сырьевых товарах. Так, в 1983 г. на счет импорта пришлось 55,6% потребления проката в Шэньчжэне, 41,7% - цемента, 87% - лесоматериалов. В то же время на внутреннем рынке реализовывалось до 90% валовой продукции промышленности и сельского хозяйства зоны⁵. Результатом стал хронический в 80-е годы дефицит платежного баланса зон.

С середины 80-х годов были предприняты серьезные усилия для рационализации структуры инвестиций. Удельный вес промышленных объектов в сумме иностранных капиталовложений в Шэньчжэне поднялся с 40 в 1985 г. до более 80% в 1989 г., а доля экспорта в объеме промышленной продукции за 1984-1990 гг. - с 26 до 62%⁶. В 1990 г. впервые было обеспечено положительное сальдо платежного баланса зон, причем доля обрабатывающей промышленности в объеме экспорта достигла 87%⁷. В то же время в структуре экспорта доля продукции, произведенной непосредственно в зонах, оставалась низкой - в среднем на уровне 40%. В структуре промышленного производства безусловным лидером остались трудоемкие отрасли. На долю электроники в Шэньчжэне приходилось 44,9% объема промышленной продукции и 45,4% индустриального экспорта⁸. Таким образом, задуманные как многофункциональные, ОЭЗ стали на практике прежде всего местами сосредоточения ориентированных на экспорт производств, основанных на сравнительно низкой технологии.

Во многом расходится с первоначальными планами и практика привлечения иностранных инвестиций в 14 "открытых" приморских городов.

В отличие от ОЭЗ, создававшихся в начале 80-х годов на основе небольших поселков городского типа (кроме Сямэня), эти города представляют собой многонаселенные старые промышленные центры. По уровням индустриального развития городов представляется возможным провести следующую классификацию.

1. Города с комплексной отраслевой структурой промышленности (Шанхай, Тяньцзинь, Гуанчжоу). Из 164 отраслей промышленности, существующих в КНР, в Шанхае представлены все, в Тяньцзине - 154, в Гуанчжоу - 147⁹. В то же время Тяньцзинь является "морскими воротами" Пекина, Шанхай - бассейна р.Янцзы, а Гуанчжоу - Южного Китая.

2. Крупные порты (Далянь и Циндао), обладающие развитой, но несбалансированной промышленной базой (в Даляне - с преобладанием тяжелой промышленности, а в Циндао - легкой), что сближает его с третьей группой.

3. Средние по размерам (Яньтай, Наньтун, Нинбо, Чжанцзян) и небольшие (Фучжоу, Вэньчжоу, Бэйхай) порты с промышленностью, специализирующейся на трудоемких отраслях, перерабатывающих местное сырье.

4. Крупный (Циньхуандао) и средний (Ляньюньган) по размерам порты со слабо развитой промышленной базой, главной отраслью специализации которых являются грузовые перевозки.

Если ОЭЗ создавались как замкнутые территориальные анклав, то "открытие" 14 портов должно было оказать непосредственное воздействие на развитие традиционно обслуживаемых ими районов в глубине материка. Привлечение иностранного капитала призвано было стимулировать прежде всего технологическую перестройку сложившейся индустриальной базы. В создававшихся в "открытых" городах "зонах экономического и технического развития" (ЗЭТР) особые льготы, в отличие от ОЭЗ, получали не все предприятия, а только проекты в производственных отраслях.

Действительно, обрабатывающая промышленность быстро заняла доминирующее положение в структуре привлеченных инвестиций (на конец 1988 г. в ЗЭТР Тяньцзиня - 49,5, Даляня - 47,6, Яньтая - 60,8, Циньхуандао - 100% 10). Однако реально распределение вложений оказалось при этом в значительной степени привязанным к отраслевой структуре, уже сложившейся в старом промышленном центре. Так, отраслями специализации ЗЭТР Даляня являются электроника, приборостроение, точное машиностроение, химическая промышленность, производство новых материалов; ЗЭТР Яньтая - легкая промышленность и электроника; ЗЭТР Циндао - электроника, легкая, пищевая промышленность, обслуживание нефтепромыслов¹¹. Таким образом, и в значительной части преференциальных районов "открытых" городов сферой специализации реально является трудоемкая продукция, а сравнительно передовые технологичные производства создаются, как правило, в городах, наиболее развитых и прежде.

В таких условиях "открытые" зоны, охватывающие значительную часть территории приморских провинций, целенаправленно создавались с середины 80-х годов в расчете на ускоренное развитие экспортного хозяйства. С организацией "открытых" зон практика создания районов с преференциальным режимом распространялась вдоль всего морского побережья, охватывая как сложившиеся промышленные центры, так и их ближайшую периферию. Например, "открытая" зона в дельте Янцзы непосредственно прилегает к Шанхаю, а зона в дельте Чжунцзяна является экономическим дополнением ОЭЗ и "открытых" городов Гуанчжоу и Чжаньцзян в провинции Гуандун.

Стержнем экономической политики в "открытых" зонах стала стратегия "торговля - промышленность - село": задача роста экспортных доходов предполагает развитие обрабатывающей промышленности, а это, в свою очередь, должно стимулировать развитие сельского хозяйства и других сырьевых отраслей. Важным средством реализации этой концепции стало задействование возможностей сельских промышленных предприятий. Результатом является еще более ярко выраженный, чем в ранее созданных ОЭЗ, низкотехнологичный характер отраслевой структуры экспортного хозяйства. Так, в "открытой" зоне в Южной Фуцзяни, которая представляет собой периферию ОЭЗ Сямэнь, на долю пищевой промышленности приходится 1/3 объема промышленного производства, а на долю электроники - 1/7, тогда как в Сямэне эти показатели составляют, соответственно, 1/4 и 1/3¹². Несмотря на это, такую практику предполагалось распространить даже на регионы, где традиционно базировались импортзамещающие отрасли тяжелой промышленности. Примером тому является "открытая" зона на Ляодунском полуострове, где основу промышленного комплекса составляют металлургия, машиностроение, нефтяная промышленность и т.д.

В общем контексте перенесения центра тяжести на развитие экспортных отраслей в конце 1987 г., по инициативе тогдашнего Генерального Секретаря ЦК КПК Чжао Цзяна, была выдвинута "стратегия ускоренного развития приморских районов". Согласно этой концепции, в ходе осуществления хозяйственных реформ обострились противоречия между отдельными регионами. Традиционно приморские районы опирались на поставки сырья из внутренних провинций и использовали внутренние районы как рынок сбыта своей продукции. В ходе реформ усиливается потребность быстрорастущей экономики побережья в сырьевых товарах. Но с развитием обрабатывающей промышленности во внутренних районах они сами все более нуждаются в сырье. На их рынок все больше поступает продукция собственной промышленности, и спрос на товары с побережья относительно уменьшается. В то же время благоприятная для КНР ситуация на мировых рынках, в связи с необходимостью переноса трудоемких производств из новых индустриальных стран, предоставляла возможность задействовать в экспортных отраслях многочисленные трудовые ресурсы побережья. Поэтому предлагалось сделать ставку на ускоренное развитие приморских районов на

основе принципа "двойной зарубежности" - с переориентировкой экономики побережья на использование импортного сырья с последующим экспортом продукции. В итоге весь цикл производства был бы опосредован внешним рынком. Таким способом предполагалось разрешить противоречие между динамично растущей промышленностью приморских районов и отсталой сырьевой базой и узким рынком Центра и Запада¹³.

Весной 1988 г. данная стратегия была официально утверждена в качестве приоритетной государственной политики. Однако уже в период обсуждения ее в политических кругах и прессе, было высказано немало критических замечаний. Так, стратегия признавала необходимость сочетания трудоемких и техноемких производств, но фактически развитие последних отодвигалось на дальнюю перспективу. Между тем, в отличие от новых индустриальных стран, где речь шла о первичной индустриализации и поэтому центр тяжести в развитии промышленности последовательно перемещался с одного отраслевого сектора на другой, в Китае к 80-м годам уже был накоплен значительный потенциал капиталоемких отраслей промышленности. Сторонники стратегии отдавали дань необходимости развития горизонтальных связей побережья с внутренними районами, но так и не смогли убедительно доказать, что внедрение принципа "двойной зарубежности" не поведет к усилению дезинтеграции региональных экономик и дифференциации уровней развития. Обоснованность такого рода опасений демонстрировала практика: руководство преуспевающей провинции Гуандун фактически бойкотировала ограничительные мероприятия "урегулирования", проводившиеся с конца 1988 г.

В итоге упоминания об этой стратегии стали исчезать из официального оборота еще до того, как был устранен с политической арены инициатор ее принятия. Использование "двойной зарубежности" признавалось правомерным, но в основном для небольших объектов, особенно - для операций сельских предприятий в рамках поручительских и компенсационных соглашений. По-видимому, в силу объективных причин трудоемкие отрасли останутся в обозримом будущем сферой специализации большинства преференциальных районов. Но в последнее время все больше внедряется дифференцированный подход к их развитию, и там, где для этого существуют условия, ставка делается на развитие более перспективных секторов хозяйства.

Все большее внимание уделяется созданию специализированных "высокотехнологичных промышленных зон", по типу технополисов. Один из первых был создан в Шанхае на базе ЗЭТР Цайхэцин. Главными направлениями специализации здесь стали вычислительная техника, робототехника, биотехнология, оптические приборы¹⁴. К настоящему времени в КНР насчитывается 27 таких зон, созданных на общенациональном уровне, и 40 - на провинциальном. Они призваны привлекать иностранный капитал в экспериментальное мелкосерийное производство и разработку новых технологий и материалов. При этом предполагается как можно шире

задействовать возможности китайской сферы НИОКР, и такие зоны часто создаются на основе сложившихся научных центров. Например, "электронная улица" в пекинском районе Хайдянь непосредственно примыкает к комплексу Пекинского университета.

В то же время совершенствуются механизмы внешнеторговой деятельности. Началось создание "зон свободной торговли" (ЗСТ) для развития услуг, связанных с экспортно-импортными операциями (хранение транзитных грузов, упаковка, обработка, страхование и т.д.). Первая такая зона - Вайгаоцяо - была открыта в Пудуне (район Шанхая) в марте 1992 г. К концу года к ней добавились еще 8 - в Даляне, Тяньцзине, Гуанчжоу, две - в Шэньчжэне, две - на о.Хайнань и одна - в провинции Цзянсу¹⁵.

В ряде случаев в рамках одной территориальной единицы создаются преференциальные районы различной направленности. Так, в Шанхае сосуществуют три ЗЭТР - наряду с технополисом Цайхэцзин созданы зона Хунцяо (специализируется на внешнеторговых операциях) и зона Миньхан (специализируется на развитии отраслей обрабатывающей промышленности). В Пудуне, наряду с ЗСТ, созданы зона экспортной переработки, технополис и первая в КНР зона, специализирующаяся на развитии финансового сектора. Одобренный в апреле 1992 г. проект зоны развития Янпу на о.Хайнань предполагает сочетание здесь зоны свободной торговли с преференциями для высокотехнологичных предприятий.

Практика свидетельствует, что в последние годы руководство КНР вновь активизирует усилия по расширению ареала действия льготного инвестиционного климата вглубь материка. За созданием в 1990 г. Новой зоны Пудун в устье Янцзы в 1992 г. последовало "открытие" 28 городов и 8 уездов в бассейне реки, включая такие крупные промышленные центры, как Уху (провинция Аньхой), Цзюцзян (Цзянси), Юэян (Хунань), Ухань (Хубэй), Чунцин (Сычуань). Активное привлечение иностранного капитала в долину Янцзы - регион, где производится 40% валовой продукции промышленности и сельского хозяйства КНР и сосредоточена такая же доля основных производственных фондов страны, было провозглашено главной стратегической линией 90-х годов¹⁶. Речь идет, таким образом, о подтверждении прежних приоритетов территориальной политики, поставленных было под сомнение принятием "стратегии ускоренного развития приморских районов".

В таком контексте не случайно и возникновение в 1992 г. новой формы "территориальной открытости" - создание, в основном во внутренних провинциях, приграничных преференциальных зон для активизации связей с ближайшими соседями Китая. Для развития связей со странами ЮВА городам Наньнин (ГЧАР) и Куньмин (Юньнань) были предоставлены права, аналогичные статусу приморских "открытых" городов, а городу Пинсян и поселку Дунсян (ГЧАР), городу Ваньдин, уездам Жуйли и Хэкоу (Юньнань) - те же права, что приморским "открытым" зонам. Расширению связей с Россией и другими странами СНГ призвано служить предоставление

преференциального статуса четырем приграничным городам в северо-восточных провинциях - Хэйхэ, Суйфэньхэ (Хэйлунцзян), Хуньчунь (Цзилинь), Маньчжоули (АР Внутренняя Монголия). В Синьцзяне для развития сотрудничества с государствами Центральной Азии были "открыты" города Инин, Болэ и Тачэн.

Таким образом, опыт "территориальной открытости" в КНР поучителен для нашей страны прежде всего четкой продуманностью приоритетов региональной политики и последовательностью их реализации. Между тем в России в последние годы практика создания "свободных экономических зон" свелась к беспорядочной раздаче льгот и привилегий отдельным регионам. В результате на долю формально созданных зон к настоящему времени приходится более 1/3 общей площади территории России¹⁷. Китайский опыт предостерегает от завышенных ожиданий и свидетельствует о необходимости скрупулезного учета специфических характеристик тех или иных территорий. Большинство преференциальных районов в Китае являются местами сосредоточения низкотехнологичных экспортных производств. Относительный успех подобной практики во многом объясняется сочетанием целого ряда благоприятных условий: налаженного морского сообщения с внешними рынками, сосредоточения в приморских районах значительных массивов трудовых ресурсов и др. Выделить регионы с подобным набором сравнительных преимуществ на территории России крайне сложно, и в целом ориентация на создание крупномасштабных преференциальных зон "под трудоемкие производства" не представляется правомерной. Не случайно правительство России декларировало курс на создание небольших (несколько квадратных километров) экспортных и таможенных преференциальных зон.

Следовало бы, видимо, принять во внимание и китайский опыт создания "открытых районов", специализирующихся на развитии более передовых отраслей экономики. Перспективной представляется организация преференциальных районов по типу "зон экономического и технического развития" и технополисов на базе пораженных структурным кризисом крупных промышленных городов и научных центров. Если добиться крупномасштабного притока иностранных вложений в научно-промышленный комплекс в ближайшее время и не удастся, то специальные льготы и мероприятия по ускоренной адаптации к рыночным условиям хозяйствования могут способствовать сохранению имеющегося индустриального и интеллектуального потенциала.

¹ China's Special Economic Zones. Policies, Problems and Prospects. - N.Y., 1986. - Pp. 3,6,7.

² Развитие производительных сил Китая. - М., 1989. - С. 158-160.

- 3 Стратегия развития экономики "открытого типа" в "открытых городах" побережья.
- Пекин, 1989. - С. 160-161.
- 4 Pearson M. Joint Ventures in the People,s Republic of China. - Princeton, 1991. P. 32.
- 5 Исследования молодых ученых по вопросам внешнеэкономических связей и торговли.
- Пекин, 1988. - С. 238, 240.
- 6 Создание и развитие особых экономических зон в Китае. - Пекин, 1991. - С. 14, 20-21.
- 7 China Daily. - 1991. - January 21.
- 8 Гоцзи цзинцзи хэцзо. - 1992. - N 4. - С. 8.
- 9 Города-порты на морском побережье Китая. - Пекин., 1990. - С. 41, 83, 159.
- 10 Исследование зон экономического и технического развития в Китае. - Тяньцзинь.
- 1989. - С. 9.
- 11 Города-порты на морском побережье. - С. 22, 52, 62 и др.
- 12 Исследование стратегии развития "открытой" зоны в Южной Фуцзяни. -
Шанхай, 1989. - С. 51.
- 13 Стратегия экономического развития приморских районов. - Пекин, 1988. - С. 1-3, 170 и др.
- 14 China Business Review. - 1990. - March-April. - P. 47.
- 15 China Daily. Business Weekly. - 1992. - November 29 - December 5.
- 16 Цзинцзи жибао. - 1992. - 19 июня.
- 17 Экономика и Жизнь. - 1992. - N 29.

Для Японии наступило время доказать, что она смогла не только выпитать передовую научную мысль и использовать достижения промышленно развитых стран Запада, но и способна совершить научные прорывы в исследованиях фундаментального характера, а это, считают в "мозговых центрах" страны, возможно на путях интернационализации и укрепления базы фундаментальных исследований. Поэтому еще в 1986 году в долгосрочном прогнозе "Основные направления научно-технической политики Японии на период до 2000 года", разработанном кабинетом министров, главное внимание было уделено обоснованию необходимости форсирования именно фундаментальных исследований, которые могли бы стать основой для разработки принципиально новых технологий и качественно новых технологических схем производства.

В Японии фундаментальные исследования до недавнего времени в основном находились в ведении государства и проводились в государственных университетах и научно-исследовательских институтах. Частные фирмы на осуществление поисковых исследований теоретического характера выделяли не более 5% своих общих финансовых затрат на НИОКР. Львиная доля этих затрат приходилась на прикладные исследования и разработки.

На современном этапе выход в лидеры в конкурентной борьбе на основных направлениях научно-технического прогресса все в большей степени определяется обладанием новейшими технологиями, в основе которых заложено успешное проведение именно фундаментальных исследований. Это побуждает частные фирмы к пересмотру своей стратегии в сфере НИОКР. Так как частный сектор по-прежнему несет более 2/3 общих финансовых затрат на НИОКР в стране, все изменения в его стратегии в этой сфере будут оказывать значительное влияние на уровень научно-технического развития Японии.

Наиболее актуальной является проблема кадров, которые будут осуществлять фундаментальные исследования на японских частных фирмах. Создавая новые лаборатории, институты и даже центры, оснащая их новейшим оборудованием для проведения исследований фундаментального характера, частные фирмы серьезное внимание уделяют подбору научных кадров.

Известно, что на японских частных фирмах всегда работали только японские специалисты, которые были замкнуты в систему "пожизненного найма". В последние годы эта система стала расшатываться во многом из-за

нехватки квалифицированных кадров. Частные фирмы активизировали поиск талантов среди молодежи. С начала 90-х годов представители частных фирм стали усиленно приглашать на работу студентов старших курсов университетов и колледжей. Большинству из них по окончании учебного заведения выдается документ с неофициальным решением о зачислении на работу на ту или иную должность. Долгосрочный контракт подписывается после проверки кандидата на практике¹.

По прогнозу Хироси Фудзита, чиновника фирмы "Рекрут", оживление спроса на выпускников высшей школы в ближайшие годы связано с ожидаемым после 1992 г. сокращением населения в возрасте 18 лет с двух миллионов до примерно полутора.

Как бы то ни было, весной 1991 г. каждый выпускник высшей школы получил в среднем по 3,09 предложений о найме на работу по сравнению с 2,57 предложений в предшествующем году. Представители многих фирм направлялись в различные вузы, даже малопрестижные, которые они и не посещали ранее, с надеждой нанять одного-двух выпускников.

Нужны ли "мозги" для производства лапши? Фирма "Ниссин фуд продактс ко" однозначно дает положительный ответ, приглашая студентов к участию в разработке своей продукции². На фирме создан так называемый "Мозговой комитет", в который были включены 14 студентов университетов. Цель этого комитета - именно разработка новых видов быстроприготавливаемой лапши.

Некоторые фирмы, например "Рекрут", "Одзи пэйпер" создают внутрифирменные комитеты, группы по стимулированию нововведений с целью привлечь молодежь в сферу менеджмента и активно использовать ее творческий потенциал³. С этой же целью частные фирмы стали широко рекламировать организацию досуга своих работников и, в частности, различные спортивные мероприятия. От студентов, молодежи не ждут сиюминутных открытий, однако руководство частных фирм надеется в процессе диалога с творческой молодежью выйти на путь создания новейших образцов выпускаемой продукции. Пока выпускников японских вузов еще привлекает заблаговременное взаимодействие с представителями частных фирм, поскольку работа на той или иной фирме может оказаться не только первой, но и единственной в их жизни. Однако японская молодежь все чаще отдает предпочтение конкурентной борьбе, а не карьере в системе "пожизненного найма". Поэтому некоторые японские фирмы вынуждены вводить новые системы управления персоналом.

Так, например, в июле 1990 г. крупный производитель одежды, фирма "Реноун инк" предоставила возможность любому работнику, имеющему достаточный опыт, участвовать в новых проектах и получать назначение на работу в зарубежные филиалы. Выбору кандидатов предшествует письменный экзамен. Новая система, по словам главы токийского отделения фирмы "Реноун инк", господина Кэн Накадзава позволяет оценивать достоинства каждого из 4500 работника фирмы⁴. Эта система также предоставляет

работнику право голоса в выборе собственной карьеры. Ранее работники фирмы были ограничены в передвижении с места на место и в значительной степени зависели от оценки их труда непосредственным начальником. По словам Накадзава, стремление фирмы опираться на талантливый творческий персонал должно сопрягаться с предоставлением последнему большего права выбора места работы, темы исследования и условий, в которых оно будет проводиться.

Японские фирмы в течение многих лет подвергались острой критике за то, что они были закрыты для иностранцев. В последние же годы наблюдается рост числа японских компаний, охотно нанимающих зарубежных специалистов в свой штат. По данным, опубликованным министерством труда одна из десяти японских частных фирм легально использует труд иностранцев⁵.

В сентябре 1991 г. было проведено обследование около 4000 фирм с количеством занятых более 100 человек. Оказалось, что 66,3% из них используют труд иностранцев. На контрактной основе работает 37,7% иностранцев, 32,8% частично совмещают работу с учебной и 29,5% являются штатными работниками японских частных фирм.

Изменение подхода японских фирм к использованию иностранных специалистов объясняется во многом необходимостью подготовки специалистов для филиалов за рубежом. В этих целях крупный производитель бытовой электроники компания "Мацусита электрик индастриал ко" запланировала увеличить в 1992 г. наем иностранных исследователей для своего научно-исследовательского института в Киото⁶. Фирма "Танабэ Сэйяку", лидер в фармацевтическом производстве, намерена набирать специалистов из Европы, чтобы расширить свое влияние на этом континенте. С этой же целью в 1991 г. технический центр фирмы "Ниссан мотор" начал набирать иностранных специалистов. В настоящее время в научно-исследовательском центре данной фирмы работает 13 иностранных ученых, причем пятеро из них зачислено в штат, а восемь специалистов работают по краткосрочному контракту.

Точное число иностранных исследователей в японских корпорациях неизвестно, однако такие наукоемкие компании, как "NEC", "Фудзицу", "Тосиба" и "Ниппон телеграф энд телефон" имеют в своем штате более 30 ученых-иностранцев каждая. За последние четыре года количество иностранных ученых на фирме "Тосиба" утроилось. Известны случаи перехода не только молодых, но и высококвалифицированных иностранных специалистов на работу в зарубежные филиалы японских фирм. Так, например, Ласло Беллада, проработавший около 23 лет на американской фирме "ИБМ", бывший вице-президент фирмы "Микроэлектроник энд компьютер технолоджи", возглавил научно-исследовательскую лабораторию фирмы "Мицубиси электрик" в Кембридже (Массачусетс)⁷. Полагают, что штат этой лаборатории, созданной в 1991 г., в течение десяти лет возрастет до 100 специалистов.

Зарубежные ученые на японских фирмах работают в основном по контрактам, заключаемым на один или два года. Однако постепенно растет доля иностранных специалистов, зачисляемых в штат этих фирм на равных условиях с японскими специалистами. В 1991 г. Японский международный центр обмена достижениями науки и техники провел обследование 1000 японских промышленных фирм. Из 208 фирм, предоставивших статистические данные, более одной трети, а именно 77 фирм, за последние два года осуществляли наем в штат иностранных специалистов, а примерно половина предполагает в ближайшем будущем рассмотреть проблему найма иностранных ученых⁸.

Следует отметить, что для иностранных специалистов работа на японских частных фирмах является более привлекательной, чем в государственных НИИ и университетах Японии. Научно-исследовательские лаборатории частных компаний, как правило, хорошо оснащены, осуществляют исследования по передовым направлениям науки и техники и поддерживают их высокий уровень. Большинство иностранных исследователей высоко оценивают работу на японских фирмах и готовы отдать свою энергию, талант и силы научно-исследовательской деятельности в лабораториях этих фирм. Так, например, профессор Отис Шен, проработавший в течение 15 лет в области аэрокосмической техники на американской фирме "Юнайтед технолоджи" высоко оценивает уровень исследований, проводимых японскими учеными в этой области и отмечает, что у них есть чему поучиться⁹.

Иностранные ученые проявляют особый интерес к характерному для японских специалистов групповому методу проведения исследований, к широкому обмену идеями, мнениями и к способности решать поставленные проблемы сообща, а не изолированно, как распространено на Западе. Возможно, что именно это и является залогом успеха японских частных фирм, поддерживающих сильную конкурентную борьбу на мировой арене.

Однако некоторые иностранные специалисты критически оценивают групповые обсуждения полученных результатов научных исследований и, в частности тот факт, что обычно последнее слово остается за руководителем лаборатории. Работая вместе с японскими учеными иностранные специалисты стремятся овладеть японским языком и ознакомиться с системой японского менеджмента. В связи с этим они и выбирают для работы соответствующие японские компании. Иногда иностранные исследователи вынуждены переходить с одной фирмы на другую в интересах карьеры. Этот переход вместе с некоторыми легальными ограничениями в системе найма иностранных специалистов в Японии по всей вероятности несколько осложнит в будущем деятельность японских фирм. Последним предстоит разрешить еще немало довольно спорных и непростых вопросов в процессе перерастания в подлинно интернациональные предприятия.

Хотя некоторые японские компании относятся настороженно к найму иностранных исследователей, целый ряд фирм, рискнувших взять последних

на работу, остаются вполне удовлетворенными результатами их труда. Так, например, летом 1991 г. американский и норвежский специалисты, работающие в институте фундаментальных исследований фирмы "NEC" открыли новый высокотемпературный полупроводник¹⁰.

Интернациональный научный персонал может внести существенный вклад в работу японских фирм и умножить их прибыль. Дальновидные руководители японских частных компаний ожидают большого прогресса от совместной работы японских и зарубежных специалистов. По словам Тамоцу Номагути, помощника управляющего научно-исследовательским отделением фирмы "Мицубиси электрик" в Кембридже (Массачусетс), приоритетной целью функционирования филиала японской фирмы на американской почве является не только совершенствование существующей технологии, но и проведение фундаментальных исследований в области компьютеров.

Нехватка научных кадров, способных самостоятельно проводить теоретические исследования, побудила японские фирмы преодолеть традиционное недоверие к национальным университетам и искать пути укрепления связей с ними в сфере НИОКР. В 1987 г. была учреждена система финансирования японскими частными компаниями должностных мест научных сотрудников в национальных университетах. Главной целью этой системы является оказание частными фирмами финансовой помощи университетам в осуществлении их научно-исследовательских проектов. В 1991 г. частные фирмы финансировали 45 таких должностных мест в различных университетах страны¹¹.

Финансирование осуществляется в течение трех или пяти лет. Лидером по числу финансируемых частными фирмами должностных мест является Токийский университет, в котором насчитывается около 17 таких мест. Нередко частные фирмы направляют своих научных сотрудников на эти места в университеты.

Поскольку ежегодная плата за одно должностное место в университетах является приемлемой (30-50 млн. иен), в эту систему финансирования помимо крупных фирм все больше вовлекаются средние и малые фирмы и ассоциации. Так, например, два должностных места научных сотрудников в медицинской школе Кагава финансируют две малые фирмы, "Мицубиси юка биоклиникл лэб. инк.", проводящая клинические испытания лекарственных препаратов и фармацевтическая компания "Тэйкоку сэйяку". Таких примеров много.

Новая система финансирования частными фирмами и ассоциациями должностных мест в университетах не лишена недостатков и требует отработки. Прежде всего проблема заключается в том, чтобы найти необходимого специалиста на определенную должность. Так, например, фирма "CSK" финансировала место, предназначенное именно для иностранного специалиста в Научно-исследовательском центре передовой науки и техники при Токийском университете. На это место претендовало девять различных специалистов. Однако ни один из них не смог закрепиться.

Другие должностные места, предлагаемые иностранным исследователям также часто оказывались вакантными уже через два-три месяца. За такой короткий срок иностранные ученые не могли вникнуть в систему НИОКР в Японии и выдать желаемые результаты. Следует отметить, что вышеуказанная система финансирования в равной степени относится и к японским, и к зарубежным исследователям.

Наряду с финансированием исследовательских мест в университетах, частный бизнес начинает активное привлечение их профессорского состава на постоянную работу в промышленность. Так, весной 1991 г. профессор Токийского университета, известный биолог Исао Уно принял пост генерального менеджера биологического отделения фирмы "Ниппон стил". Другой эксперт в области биотехнологии, профессор Хидео Судзуки из Токийского университета, был приглашен на работу на фирму "Тоагосэй кэмикл индастри". Примеров этого становится все больше¹².

Частные фирмы, приглашая на работу известных ученых, полагают, что они сформируют вокруг себя творческие коллективы, в которые органично будут входить выпускники японских вузов. Несмотря на все еще сохраняющуюся систему "пожизненного найма", более отчетливо вырисовывается новая тенденция найма творческих исследователей в возрасте 40-50 лет, то есть в зените их карьеры.

Акцент на развитие фундаментальных исследований предполагает внесение новых элементов в организацию научно-исследовательской деятельности частных фирм. В этом смысле интересно высказывание генерального менеджера научно-исследовательского центра фирмы "Рикох" и исполняющего обязанности ее вице-президента, Морио Оноэ, который пять лет назад возглавлял Институт промышленных исследований при Токийском университете. Морио Оноэ считает, что научный сотрудник должен ежедневно посвящать не менее 10% рабочего времени исследованиям, не связанным с его основной деятельностью. Научный сотрудник, по мнению Оноэ, должен оцениваться по результатам его исследований, а не по количеству часов, проведенных в лаборатории. Успех фундаментальных исследований определяется личностью ученого, его знаниями, независимостью суждений, способностью к оригинальным решениям поставленных научных задач.

Из этих критериев исходят представители академических кругов, ставшие менеджерами частных фирм. Они стремятся создать в компаниях атмосферу, благоприятную для проведения фундаментальных исследований. Считается, что режим работы ученых должен быть гибким, нацеленным на конечный результат. Руководители должны уметь выделять способных исследователей и исследователей, работающих не эффективно, от которых необходимо избавляться. Для этого требуется специальная подготовка нового поколения менеджеров, способных управлять смешанными коллективами лабораторий частных фирм, в которые вливаются ученые из академических кругов.

Однако перспективы развития фундаментальных исследований в Японии не ясны. Даже представители фирмы "Хитати лтд.", в штате которой много докторов наук, не имеют четкого представления о будущем фундаментальной науки. По всей вероятности небезосновательны опасения бывшего профессора университета, а ныне главного менеджера научно-исследовательской лаборатории фирмы "Хитати лтд.", который считает, что при спаде в японской экономике, частные фирмы прежде всего урежут ассигнования на теоретические исследования¹³.

Рассмотренные выше новые явления в стратегии японских частных фирм в сфере НИОКР, видимо, будут долговременными. Руководство компаний предполагает с помощью этих начинаний активизировать фундаментальные исследования, без чего Япония в ближайшем будущем не сможет удержаться на гребне научно-технического прогресса¹⁴.

И еще, изменения в научно-технической политике Японии стимулировали повышенный интерес ее частных компаний к фундаментальным разработкам крупных научно-технических держав, и в том числе России. Взаимовыгодность российско-японского научно-технического сотрудничества очевидна. Для японских частных фирм, считает старший советник по зарубежным связям и торговле крупнейшей японской фирмы тяжелого машиностроения "Исикавадзима-Харима" Цунэнобу Миядзаки, привлекательны в первую очередь хорошие технологии и товары. Для них важно, будут ли проданы созданные на базе новых технологий товары. Для развития связей, считает он, необходимо доверять партнерам, исходить из интересов будущего партнера¹⁵.

В настоящее время Япония ищет надежных партнеров в сфере фундаментальных наук. Известный опыт японских частных фирм в освоении заимствованных научно-технических достижений может сыграть положительную роль в реализации многих неосуществленных идей нашей фундаментальной науки. Укрепление научно-технических связей между нашими странами способствовало бы решению ряда неотложных проблем глобального характера.

1 "Fortune". - 09.03.92. - P. 53.

2 "The Nikkei weekly". - 04.04.92. - P. 21.

3 "The Nikkei weekly". - 22.06.91. - P. 12-13.

4 "The Nikkei weekly". - 08.02.92. - P. 11.

5 "The Nikkei weekly". - 13.07.91. - P. 3.

6 "The Nikkei weekly". - 21.12.91. - P. 11.

7 "The Nikkei weekly". - 28.12.91. - P. 20; 04.01.92. - P. 20.

8 "The Hikkei weekly". - 21.12.91. - P. 11.

9 "The Nikkei weekly". - 10.08.91. - P. 19.

- 10 "The Nikkei weekly". - 21.12.91. - P. 11.
- 11 "The Nikkei weekly". - 22.06.91. - P. 13.
- 12 "The Nikkei weekly". - 29.06.91. - P. 9.
- 13 Ibid. - P. 9.
- 14 In: "Fortune". - 19.04.93. - P. 42-44.
- 15 См.: Индустрия и бизнес. - 1993. - N 4. - С. 35.

СЛЕДУЕТ ЛИ БЫВШИМ СОЦСТРАНАМ СМОТРЕТЬ НА ЗАПАД ИЛИ НА ВОСТОК КАК НА МОДЕЛЬ?

(С) 1993

Алан С.Блайндер

На эту тему с докладом выступил профессор Принстонского университета (США) Алан С.Блайндер на заключительном пленарном заседании X Всемирного конгресса Международной Экономической Ассоциации 28 августа 1992 г. в Москве. Мы публикуем реферат его доклада и комментарии к нему, подготовленные доктором экономических наук, профессором Кашиным В.Н.

Известно, что в бывших социалистических странах Европы усиленно изучают западные модели. Автор полагает, что более полезно взглянуть на Восток, в частности на Японию.

Логика: от чего и к чему идем.

Неоклассическая экономия лучше анализирует уже сложившуюся равновесную, нежели переходную к рынку экономику. Однако крах коммунизма в Европе выдвинул на передний план именно анализ переходного состояния, тем самым демонстрируя слабую сторону данной теории. Проблему перехода полезно разделить на два вопроса:

- 1) Куда мы хотели бы идти?
- 2) Как мы пойдем от нынешнего состояния к желаемому?

Принято считать, что ответ на второй вопрос зависит от исходных условий, а ответ на первый вопрос предполагается от них не зависящим. Однако граница между равновесной и переходной экономиками не столь определена. Ведь в биологических (и некоторых физических) системах, путь, по которому вы стартуете, определяет и положение, в котором вы оказываетесь в конце пути, т.е. ответ на первый вопрос также может зависеть от исходных условий. Где закончится путь может зависеть от того, где вы начали. Более того, то, к чему вы хотите придти, может зависеть от того, где вы стартуете.

Коротко, концепция такова. Имеется ряд моделей рыночного капитализма, называемых здесь для краткости "американской", "европейской" и "японской". Каждая модель содержит некоторые общие элементы и имеет отличительные признаки; каждая имеет свои сильные стороны и слабости. На практике выбор экономической системы определенно зависит от унаследованных страной ресурсов физического и человеческого капитала, широко понимаемого (включая историю, культуру и т.п.). Вопрос

состоит в том, будет ли зависеть выбор от подобных вещей в принципе. Автор склонен утверждать, что будет. В частности, имея в виду исходные условия, бывшие социалистические страны Европы сделали бы лучше, если бы ориентировались на японскую, а не на американскую модель.

Докладчик рассматривает далее историческую параллель между Японией 1945 г. и Россией 1991 г. В обоих случаях физические ресурсы капитала были истощены, в одном случае - войной, бомбардировками, в другом - десятилетиями отрицательных и извращенных стимулов. Однако в обоих случаях оставались значительные ресурсы человеческого капитала, включая высококвалифицированные научные и инженерные таланты. В конечном счете каждая страна вышла из тяжелого периода, связанного с полностью дискредитировавшим себя всеохватывающим руководством экономикой. Ибо каждая искала, естественно, радикальных перемен, в том числе и в отношениях между правительством и бизнесом. В Японии радикальные перемены были, конечно, форсированы оккупационной армией.

Продолжая аналогию, следует пристально взглянуть на то, что же делали японцы в 50-е годы. Японские лидеры, в частности, не претендовали на то, что они пишут на чистой доске, не игнорировали предвоенные традиции страны; более того, они строили новое и улучшали то, что у них было ранее. Впрочем, не исторические аналогии служат базисом аргументации. Если бы они были таким базисом, то мы могли бы с таким же основанием обратиться к опыту Германии. Предлагаемая аргументация - в логике экономики.

Все дальнейшее в докладе - в основном комментарий к таблице, которая сжато и выборочно суммирует некоторые ключевые различия между американской и японской экономическими системами.

Сравнительные характеристики трех систем

Характерная особенность	Система		
	Американский капитализм	Японский капитализм	Европейский социализм
<u>А. Основные организационные принципы</u>			
1. Доминирующий фактор производства	капитал	труд	ни тот, ни другой
2. Опора на рынки, управляемые ценой	высокая	низкая	очень низкая
3. Отношения по поставкам	"на расстоянии вытянутой руки", управляемые ценой	тесные, продолжительные	бюрократические, планируемые

4. Индустриальные группы	отсутствуют	распространены	?
5. Степень приватизации	очень высокая	очень высокая	низкая

Б. Рынок капитала

1. Рыночная организация	анонимная, секьюритизированная	персональная	бюрократическая планируемая
2. Характер банковской системы	развитая, рыночная фрагментированная	традиционная, персональная, более концентрированная	примитивная, высококонцентрированная
3. Роль фондового рынка	большая	обычная	не существует

В. Рынок труда

1. Обеспеченность работой	низкая	высокая	высокая
2. Мобильность труда	высокая	низкая	низкая
3. Отношения между трудом и менеджментом	противостояние	сотрудничество (кооперация)	иерархические
4. Дифференциация в оплате	большая	малая	малая (?)

Г. Организация фирмы

1. Главная цель фирмы	прибыли	рост, доля на рынке, стабильная занятость	выполнение плана
2. Роль высших менеджеров	босс="король", автократическая	управление посредством консенсуса	автократическая
3. Значение директоров со стороны	малое	никакого, кроме главных банков	--

Д. Правительственная политика

1. Роль правительства	ограниченная, противостоящая	широкая, основанная на сотрудничестве	всеобъемлющая
2. Анти-монополизм	сильный	слабый	не существует
3. Открытость к торговле	открыта	менее открыта	миним.открыта
4. Индустриальное целеполагание	малое	большое	исключительное

В таблице есть и третья колонка, в которой дана общая характеристика стран Восточной Европы на заре реформ. Между этими странами существуют значительные различия: Россия - не Венгрия большого размера. Однако некоторое обобщение полезно в интересах сравнения с другими двумя колонками, которые, понятно, также воплощают известные стереотипы.

Из перечня характеристик в таблице вытекает основная идея настоящего доклада: по большинству аспектов японский вариант или ближе к тому, по которому пошли бывшие социалистические страны Европы, или предпочтительнее американского варианта, или, наконец, и то, и другое.

А. Основные организационные принципы.

а) Кто ответственен?

В США доминирующий фактор производства - капитал. Капиталисты покупают труд соответственно текущей рыночной конъюнктуре и принимают почти все критические решения, преимущественно в своих интересах. Это - в точности главный признак системы, которую Маркс и хвалил и ругал 150 лет тому назад.

Однако в колонке по Японии понятие "труд" заменяет "капитал", в очевидном противоречии с самим понятием о капитализме. Действительно, в своей работе "Больше похожи на них?"* автор предположил, что японская экономика реально вовсе не капиталистическая, хотя и характеризуется свободой предпринимательства, частной собственностью, рыночными ценами, мотивацией прибыли. Это - главные признаки капитализма, если смотреть сейчас из Москвы, Варшавы и Праги. Но это и те необходимые качества, которые хотели бы обрести бывшие социалистические экономики.

Первый пункт таблицы показывает, что нация, намеревающаяся создать гибкую и конкурентоспособную рыночную экономику, не нуждается в богатых капиталистах в качестве доминирующих действующих лиц. Япония вполне обошлась без них. Кроме небольшого числа людей, которые стали баснословно богатыми, располагая землей, и еще небольшого количества тех, кто построил крупные предприятия на пустом месте, в стране немного миллиардеров (даже в иенах!). Эта экономика ни в каком смысле не

Blinder Alan S. "More like them?" The American Prospect. Winter 1992a, pp. 51-52.

характеризуется господством собственников капитала и не управляется ими. В большинстве японских корпораций у руля находится команда, состоящая из менеджерского персонала и постоянной рабочей силы. В редких случаях труд привлекает капитал на основе принципа оплаты за услуги, выплачивая ему по текущему уровню цен и используя все избытки на собственное благо. Этот переворот в традиционных ролях труда и капитала объясняет, почему Хироюки Итами (1987)* называет японскую систему пеоплизмом, а не капитализмом.

Бросающийся в глаза признак японской системы - широкая система перекрестного держания ценных бумаг, посредством которой компании присваивают части одна другой. Подобное устройство - наиболее выдающееся внутри так называемых финансовых "кейретцу", где одна, например компания Мицубиси, владеет долями многих других. Компании, подобные Тойота или СОНИ, владеют акциями других и, в свою очередь, частично принадлежат своим поставщикам, своим банкам, своим страховым компаниям и т.п. Благодаря широкой паутине перекрестной собственности, около 75% фондов типичных крупных японских корпораций размещено в фирмах, имеющих текущие деловые отношения с этими компаниями. Доли эти редко продаются, а их собственники мотивируются дивидендами и приростом капитала не в первую очередь.

Посредством такого широкого перекрестного владения акциями, крупные японские корпорации преодолели разрыв между собственностью и управлением.

Урок для бывших социалистических наций Европы, казалось бы, ясен. Они вступают в переходный период без сложившейся группы крупных держателей акций такого рода, какие традиционно имеются в США и Западной Европе. Поэтому некоторые наблюдатели обеспокоены тем, что массовая приватизация, базирующаяся на широком, эгалитарном распределении долей, оставила бы их экономики в невыгодном положении, ввиду отсутствия настоящих "собственников". Но образование группы богатых капиталистов будет сложным в любом случае, и это воистину невозможно сделать обществу, находявшемуся длительное время под влиянием эгалитарной идеологии. Японский пример показывает, что нет нужды в подобной группе для движения к эффективной рыночной экономике. Однако японская система корпоративного управления требует компетентных кадров, заслуживающих доверия менеджеров, а они-то могут оказаться в дефиците в бывших социалистических экономиках.

Почему же японская система не пришла к такому бесславному концу, как, например, система рабочего управления в Югославии? Отчасти ответ может быть в сфере культуры. От "декапитализации" удерживают также серьезные экономические стимулы. Во-первых, большие вложения

*Ytami Hiroyoki, Peoplism: Beyond Capitalism - Japan's People Centered Enterprise System. Unpublished manuscript (English translation of a 1987 book in Japanese).

конкретных фирм в свой человеческий капитал и недостаточность возможностей для смены деятельности на уровне средней карьеры дают каждому японскому работнику сильную установку на продолжительный успех своего предприятия. Во-вторых, рабочие в Японии полагаются на свои компании в вопросе о пенсиях. Восточноевропейские страны могли бы изучить возможности использования подобных методов.

б) К рынку, к рынку...

Японская и американская системы различаются также по роли рынков, управляемых, главным образом, ценой в общем экономическом взаимодействии. Рассмотрим два типичных взаимодействия. На рынке, направляемом ценой, фирма А выходит на рынок, имея в виду купить продукт Х, учитывает цены всех продавцов и приобретает из наиболее дешевого источника.

Подобным же образом фирма В приходит на рынок, рассчитывая продать продукт Х по самой высокой цене, какую она сможет получить. Рыночная цена определится взаимодействием всех таких фирм на анонимном рынке. Это вид взаимодействия, идеализированный А.Смитом и широко анализируемый экономистами-неоклассиками в течение двух столетий.

В резком контрасте находится то, что автор называет относительным рынком. Здесь фирмы А и Б привыкли делать бизнес сообща. Когда фирма А нуждается в продукте фирмы Б, она идет прямо в фирму Б, а не на "рынок". Если А узнает, что другая фирма предлагает тот же самый продукт по более низкой цене, чем Б, то более вероятно, что фирма Б пойдет на более низкую цену, чем станет осуществлять свою торговлю где-то еще. И тезис о цене, "выясняемой на рынке", утрачивает реальный смысл.

Как направляемый ценой, так и относительный рынки существуют во всех экономиках. Но соотношение между ними драматически различается в Соединенных Штатах и Японии. В Японии относительный рынок, на котором цена играет второстепенную роль, гораздо более типичен по отношению к труду, к финансовому капиталу и к промежуточным товарам*. Потребительские же рынки в обеих странах более сходны между собой.

Если японская система представляет более молодую, хотя и очевидно эффективную разновидность рыночного капитализма, в этом случае "детские" рыночные экономики Восточной Европы определенно должны были бы пойти по ее пути.

в) Долгосрочные отношения по поставкам.

Если Дженерал Электрик нуждается в приобретении компонентов, она выходит на рынок и ищет самые низкие цены. Когда же Мацусита нуждается в компонентах, она обращается в первую очередь - и, вероятно, в последнюю - к своим постоянным поставщикам. Какая из компаний поступает более мудро? Согласно экономии А.Смита, правильный ход делает Дженерал Электрик. Казалось бы, поскольку Мацусита не пытается искать

*Под промежуточными товарами понимаются средства производства - В.К.

на рынке самые низкие цены, она будет платить слишком много за свои вложения в производство и страдать от повышенных издержек. Ее поставщики при таких отношениях станут жирными и ленивыми.

Однако на практике дело оборачивается не так. Японские поставщики не усаживаются кружком уплетать шоколад, а японские производители электроники и автомобилей устанавливают свои стандарты всему миру. Что-то, видимо, упускается из виду в смитовских представлениях. Что же? Несколько моментов, относящихся к делу. Один состоит в том, что в долгосрочных отношениях, базирующихся на доверии, сберегаются издержки взаимодействия. Другой - взаимные вложения партнеров друг в друга в системе долгосрочных отношений. Поставщик имеет резон инвестировать в те фонды, которые пригодны для снабжения Мацуситы; и Мацусита имеет резон вкладывать средства в повышение качества продукции и технический прогресс своих поставщиков. Когда отношения поставки эфемерны, ни одна сторона не может позволить себе такие специфические инвестиции. Третий момент состоит во взаимном обучении, которое имеет место, когда производители и их поставщики связаны "браком", чем когда они имеют серию встреч, так сказать, на одну ночь. Мацусита и ее поставщики могут поделиться технологией и помочь друг другу двигаться вперед так, как не могут Дженерал Электрик и ее поставщики, поскольку американские компании обеспокоены тем, что их технические секреты будут утекать к другим.

г) Индустриальные группы.

В капитализме американского типа индустриальные группировки пользуются дурной славой, имея привкус монополии, с запутанными внутренними отношениями, исключительной концентрацией экономической мощи и другими пороками. Японцы придерживаются иного подхода (смотри строку А.4). В то время как их антимонопольные законы скопированы с американских, не секрет, что законы эти не реализованы и вместо этого преобладает европейская "протрестовская" традиция*.

Какой же модели следовало бы подражать бывшим социалистическим экономикам? Согласно общепринятому экономическому мышлению, монополии плохи для общества. Аргументы хорошо известны. Но, если экономика открыта для международной торговли, опасность монополии весьма невелика, по крайней мере, по тем товарам, которые служат объектами торговли. Японская система "кейретцу" сама по себе не нуждается в создании монополии. Чтобы понять, почему, необходимо различать два типа кейретцу.

Так называемые финансовые кейретцу типа Мицубиси, Мицуи, Сумитомо, имеют своим центром один или несколько крупных банков, одну или более страховых и торовых компаний. Вокруг этого центра вращаются в

*Иногда говорят, что японцы нацеливаются ныне на усиление антитрестовской принудилки. Этот вопрос горячо у них обсуждается.

изумительном разнообразии множество производительных, сервисных и торговых компаний, которые покупают одна у другой, владеют акциями друг друга, консультируются по проблемам, представляющим общий интерес. Никакими очевидными принципами не определено, какие фирмы входят в финансовые кейретцу, а какие нет. Не являются очевидными и преимущества членства в кейретцу. Но производственные кейретцу - совсем другое дело. Это уникальное японское решение стародавней проблемы: где и как провести границы между фирмой и рынком. Его можно считать заведомо более эффективным, чем у американской системы, по крайней мере, в определенных отраслях промышленности. Если это так, то бывшие социалистические страны в своих опасениях* игнорируют это обстоятельство.

д) Приватизация.

Автор не возражает против общего мнения экономистов в пользу быстрой и всеобъемлющей приватизации в Восточной Европе. Социалистическое государство доказало, что оно является плохим защитником промышленных интересов, и его следует побыстрее освободить от этой роли. Пункт А.5 включен в таблицу просто чтобы отметить, что частная собственность является преобладающей как в США, так и в Японии. Две системы различаются системами управления, а не собственности.

Б. Природа рынков капитала.

Похоже, что, по крайней мере, несколько восточноевропейских стран намерены создать у себя те или иные варианты американского рынка капиталов. Но это может оказаться ошибкой, ибо финансовая практика японцев или континентальных европейцев может продемонстрировать лучшую модель.

Американские рынки капитала, как уже сказано, становятся все в большей мере анонимными. Большинство американских домовладельцев, вероятно, не знает название банка, который держит их закладные, поскольку последние обращены в ценные бумаги, которыми торгуют на открытом рынке. В меньшей, но возрастающей, степени это относится и к деловым заимствованиям. В такой системе, когда заемщики и кредиторы даже не знают имен друг друга, долговременные отношения не могут развиваться.

Финансовая система США "ответственна и побудительна, но также неустойчива и хрупка", и едва ли это хороший пример, которому странам Восточной Европы стоило бы следовать.

Ситуация в Японии совершенно отлична. Несмотря на некоторые отходы в сторону, традиционное банковское дело остается по-прежнему правилом, а не исключением. Займы предоставляются бизнесу одним или несколькими "главными банками", с которыми бизнес поддерживает тесные и продолжительные отношения. Банки отслеживают поведение фирм, дают советы и оказывают помощь, когда "их" фирмы оказываются в беде, иногда

* Речь идет об опасении монополизма в экономике - В.К.

даже берут на себя управление фирмой. Кредит предоставляется "лицом к лицу", а не на расстоянии вытянутой руки, когда лишь цена имеет значение.

Какая модель больше устроит возникающую рыночную экономику Европы, которые берут старт при отсутствии финансовых рынков и не имеют ничего, что западный мир мог бы признать в качестве банковской системы? Ответ самоочевиден. Энергичные усилия, посвящаемые ныне организации рынков ценных бумаг и облигаций, экзотических совместных фондов лучше было бы направить на создание жизнеспособной сети коммерческих банков, которые помогли бы развитию индустрии, как это сделали американские банки на ранней стадии американского капитализма.

В. Природа рынков труда.

Американские рынки труда также отличаются от японских в нескольких важных аспектах. Наиболее очевидным отличием является японская так называемая система пожизненной занятости (пожизненного найма), которая обеспечивает исключительную гарантию работы и строго лимитирует трудовую мобильность (пункты В.1 и В.2). При этой системе крупные японские фирмы дают своим "коренным" рабочим действительно полную обеспеченность работой вплоть до сравнительно раннего пенсионного возраста. Часто отмечают, что только около 30% японских рабочих охвачены системой пожизненного найма. Это верно, но система придает окраску всему японскому рынку труда. Условия занятости вне системы различаются лишь по степени, но не по существу, от тех, которые внутри системы. В то же время крайне ограничены возможности сделать карьеру путем смены места работы, поскольку фирмы отказываются от охоты за талантами. В обоих этих аспектах рынки труда в дореформенной Европе ближе к японской, чем к американской модели. Свертывание свободной занятости шокирует рабочих, которые, будучи привычными к трудностям всех сортов, выросли в мире, в котором обеспеченность работой никогда не находилась под вопросом. Япония показывает, что высокий уровень промышленной эффективности может быть достигнут без угрозы массовых увольнений.

Разумеется, никакая гарантия обеспеченности работой не может быть прочной в обстановке исключительной макроэкономической нестабильности. Страны, которым угрожает гиперинфляция, прежде всего должны обеспечить макроэкономическую стабильность. Но это не предмет данного доклада.

Обеспеченность работой - лишь один аспект японской системы занятости. Она поддерживается и системой отношений по управлению трудом (см. пункт В.3), которая ломает барьер противостояния "нас против них", столь отравляющий отношения в области американской индустрии. Совместные консультации между трудом и менеджментом, высокая степень вовлеченности в принятие решений на рабочих местах - факты японской индустриальной жизни в гораздо большей степени, чем в Америке. Практика японских индустриальных отношений, может быть, и есть тот секрет, который лежит в основе выдающихся достижений этой нации в повышении производительности. Отмечается и гораздо меньшая дифференциация в

оплате труда в Японии, чем в США (пункт В.4). Речь идет о дифференциации в оплате по должности, поскольку дифференциация в оплате по возрасту в Японии много больше. "Прыжок от социалистических традиций к японской системе выглядел бы значительно меньшим, чем аналогичный прыжок к американской практике".

Г. Организация фирм.

1. Цель фирмы.

Когда выполнение плана как всеохватывающая цель социалистического предприятия отброшено, на его место должно быть поставлено нечто другое. В качестве такой цели вместо максимизации прибыли японцы нашли другую и, вероятно, лучший путь к цели. Японские фирмы ставят целью рост фирмы и рост ее доли на рынке. Некоторые японские теоретики полагают, что японский менеджмент балансирует между интересами держателей акций и сотрудников фирм путем максимизации средневзвешенной величины прибыли фирмы и доходов (благосостояния) ее сотрудников. Фирма, которая максимизирует и взвешенную среднюю величину прибыли и благосостояния занятых, максимизирует также и доход. При этом докладчик ссылается на свою работу "Простая заметка о японской фирме", изданную в 1992 г. в Принстоне.

2. Корпоративное руководство.

Роль высшего менеджмента также совершенно различна в американской и японской системах. Американское руководство стремится уподобиться королю - как в отношении своей власти, так и в отношении размеров компенсации за свои усилия. Японское руководство более напоминает главу комитета и правит больше посредством согласия, чем исходя из своего "священного" права. Второе главное отличие в корпоративном руководстве между США и Японией состоит в различной роли совета директоров. Американский совет включает собственных служащих и директоров-аутсайдеров, со стороны. Последние представляют преимущественно интересы владельцев акций и предполагается, что они действуют как "сторожевые псы" по отношению к деятельности менеджмента. На практике они, как правило, просто штампуют менеджерские решения. Японцы отбросили этот фиговый лист контроля со стороны; правление японских корпораций имеет мало или вообще не имеет директоров-аутсайдеров.

3. Что же следует из этого для Восточной Европы?

Рабочие, только что сбросившие иго тоталитарного режима, вероятно, отпрянули бы и от системы боссов-автократов и работали бы более эффективно при более демократической форме управления. Но, может быть, это предположение и неверно.

Д. Правительственная политика.

О ней можно писать тома, и они уже написаны. На уровне общих принципов (пункт Д.1) известно, что США гордятся минимизированной ролью государства: "то правительство лучшее, которое меньше всего правит".

Японская точка зрения совершенно иная. Правительство и бизнес рассматриваются как партнеры, которые уважают друг друга и помогают друг другу, стремятся к одной цели: экономическому развитию нации. Пункты Д.2 и Д.3 отражают более жесткую антитрестовскую политику в США и большую мягкость по отношению к картелям в Японии. В то же время в США, по видимому, наиболее открытая для международной торговли из всех главных экономик, в то время как в Японии, может быть, наиболее закрытая.

Индустриальная политика в двух странах также радикально отлична (пункт Д.4). Правительство США делает сравнительно мало в области индустриального целеполагания. В Японии же распространенность индустриального целеполагания горячо дискутируется. Критики Японии изображают Японское Министерство внешней торговли и промышленности как кукловода, который дергает за многочисленные ниточки; само же Министерство изображает себя в виде беззубого тигра. Истина находится где-то посередине и со временем меняется.

Какая же модель роли правительства лучше подходит бывшим коммунистическим странам? Исходная точка зрения в нескольких странах состояла в том, чтобы двигаться строго в направлении к американской модели. Ныне, однако, начинается понимание того, что рыночная экономика не может сама по себе распуститься естественным образом, подобно диким цветам; она нуждается в садовнике, который бы ее выращивал. В частности, правительство должно установить и защитить подходящие учреждения, возглавить трансформацию форм собственности и т.д.

Существует ряд особенностей бывших социалистических стран, сближающих их с японской, а не с американской моделью. К числу этих особенностей относятся и отсутствие антитрестовского законодательства, и закрытость для мировой торговли, а также полное промышленное целеполагание со стороны государства. Этим странам нужно использовать свободную международную торговлю для того, чтобы форсировать развитие внутренней конкуренции и избежать недостатков монополизма. Что же касается промышленного целеполагания, то, по мнению докладчика, история ныне поворачивает восточноевропейские страны больше в японском, чем в американском направлении. В целом вопрос о роли правительства в возникающих рыночных экономиках - важный вопрос, затрагивающий и политику, и экономику. Сомнительно, чтобы существовало какое-то единственно правильное для всех народов предписание по этому вопросу. Но кажется почти невероятным, чтобы крайнее американское решение могло оказаться правильным.

Итоги.

Предположение, что восточноевропейские страны начинают движение к рыночной экономике на пустом месте, ложно. Каждая из этих стран начала свой переход с унаследованного физического и человеческого капитала, с существовавшей ранее экономической структуры, культуры, управления, и с памяти. Эти исходные условия будут оказывать влияние на то, какую из

нескольких моделей рыночного капитализма страна сочтет наиболее подходящей.

В своей гонке за Западом, особенно за Соединенными Штатами, эти страны, кажется, обладают всем, но забыли весьма подходящую модель, развившуюся в Японии, - модель, которая не только хорошо работает, но и требует гораздо меньше социальных издержек при переходе от социализма. В этой альтернативной модели труд, а не капитал, находится у руля, оплата эгалитарная, и фирмы могут не максимизировать свои прибыли. Рынки труда, капитала, промежуточных товаров построены на длительных долгосрочных отношениях, которые доминируют над ролью цены. Трудовая мобильность низка, а отношения между трудом и менеджментом, как и между бизнесом и правительством, являются скорее отношениями сотрудничества, чем противостояния. В большинстве этих аспектов бывшие социалистические экономики стартуют, находясь ближе к японской, чем к американской норме. А когда какая-то экономическая система находится ближе к вашему стартовому пункту и, по меньшей мере, столь же успешна, как и другая, находящаяся в большем отдалении, - стране, ищущей новую модель, следует изучить эту более близкую систему со всей тщательностью. Именно такая логика ведет автора к тому, чтобы предложить Восточной Европе и бывшему Советскому Союзу уделить больше внимания опыту Японии, чем они это делают.

О возможных путях экономического развития

Вниманию читателей предложен реферат доклада проф. А.Блайндера "Следует ли бывшим социалистическим экономикам смотреть на Запад или на Восток как на модель?" Американский профессор сравнивает между собой три экономические системы: американский капитализм, японский капитализм и европейский социализм. Под европейским социализмом понимается та экономическая система, которая существовала в бывших социалистических странах Восточной Европы и в Советском Союзе. По какому пути должно было бы пойти дальнейшее экономическое развитие этих стран, на какой путь им легче вступить и какой из них может оказаться наиболее перспективным с точки зрения своих отдаленных результатов - вот каким столь актуальным сейчас и для Восточной Европы, и для России, и для всего мира, проблемам посвящен доклад. Автор далек от того, чтобы давать какие-то предписания или рецепты. Свой доклад он рассматривает не как кальку, которую нужно лишь скопировать, а как "упражнение мысли", как постановку вопроса на концептуальном уровне.

Первая проблема, на которой он фиксирует наше внимание, - это проблема соотношения между реальным, достигнутым уровнем развития той

или иной страны, включая экономику, историю, национальные традиции и все вообще социальные факторы, и той целью, которую эта страна может поставить перед собою на будущее в сфере экономического развития. Речь идет, другими словами, о некоей предопределенности или непредопределенности пути, по которому страна, по всей вероятности, пойдет дальше, и о той модели, или системе, к которой она в конечном итоге придет. Вопрос о том, "куда мы хотели бы идти?", полагает докладчик, зависит от унаследованного страной материально-вещественного и человеческого капитала в широком понимании, включая историю, культуру и т.п. "Я склонен полагать, что, имея в виду их исходные позиции, бывшие социалистические страны Европы сделали бы лучше, ориентируясь на японскую, а не на американскую модель". Этот вывод пронизывает весь доклад, и для доказательства его автор предлагает сопоставительную таблицу характерных особенностей трех экономических систем, из которых третьей - европейскому социализму - предстоит так или иначе, разумеется, не путем слепого подражания, избрать себе в качестве ориентира либо модель американского капитализма, либо модель японского капитализма.

Обратим внимание на ряд моментов сопоставления экономических систем.

Американская модель более полно соответствует классической и неоклассической политической экономии, являет, в общем, пример рынка свободной конкуренции, полагает А.Блайндер. Между тем японский капитализм существенно отличается от такой модели, что можно увидеть и при сопоставлении основных организационных принципов двух экономических систем, и рассматривая признаки этих систем применительно к рынкам капитала и к рынкам труда, анализируя внутрифирменные отношения или, наконец, экономическую политику правительств США и Японии. При этом японский образец, утверждает докладчик, легче достижим для бывших социалистических экономик и к тому же в перспективе сулит высокие экономические и социальные результаты.

Заметим, кстати, что А.Блайндер - не единственный американский исследователь, критически оценивающий американскую экономическую систему и экономическую практику и высказывающий предпочтение японской экономической модели. Так, лауреат Нобелевской премии Василий Лсонтьев, говоря об американской налоговой системе, не рекомендует ее применять. "Из всех капиталистических стран, у которых в настоящее время можно чему-то поучиться, я бы выбрал не США, а Японию", - заявил он*.

Исходя из того, что в Японии произошел, по мнению Блайндера, персворот в традиционных ролях труда и капитала, Хироки Итами в труде, изданном в 1987 году, назвал японскую систему "неоплизмом" (от английского *people*, что означает "народ"). А.Блайндер сочувственно излагает позицию Х.Итами и соглашается с нею. В стране, говорит он, немного

*Цит. по: И.В.Горский. Налоги в рыночной экономике. - М., 1992. - С. 43.

миллиардеров (даже в иенах!). Экономика ни в каком смысле не характеризуется господством собственников капитала и не контролируется ими. Вместо этого в большинстве японских корпораций у руля находится команда, состоящая из управленческого персонала и постоянной рабочей силы. Получается, что не капитал нанимает труд, а труд привлекает капитал на основе принципа платы за услуги, выплачивая доход по сложившемуся уровню и используя все излишки на свое собственное благо.

Весьма интересна аргументация в пользу того, что и бывшим социалистическим странам Восточной Европы не нужны будут в дальнейшем богатые капиталисты, без которых, якобы, вполне успешно обходится Япония. "Японский пример показывает, что нет нужды в какой-либо подобной группе для движения к рыночной экономике..." - говорит проф.Блайндер о богатых капиталистах, крупных держателях акций. По его мнению, в бывших социалистических странах при переходе к рыночной экономике японской модели мог бы сказаться иной дефицит, а именно дефицит кадров "компетентных и заслуживающих доверия менеджеров".

В Японии фирмы делают большие вложения в специфический фирменный человеческий капитал, что дает каждому рабочему сильную установку на достижение продолжительного успеха своего предприятия. Кроме того, рабочие в Японии полагаются на свои компании в вопросе о пенсиях и в вопросе о трудоустройстве после их ухода "в отставку" из фирмы. Западноевропейским странам, считает А.Блайндер, стоило бы посостязаться с японцами кое в чем из этой практики.

Один из главных признаков японского "неоплизма" состоит в системе перекрестного владения акциями различных фирм, поддерживающих между собой устойчивые экономические отношения. В этой связи вводится А.Блайндером и понятие "относительного рынка". Как управляемый ценой, так и относительный рынок существуют во всех экономиках, но соотношение между ними, говорит А.Блайндер, "драматически различается между Соединенными Штатами и Японией". В Японии относительный рынок играет гораздо большую роль по отношению к труду, к денежному (финансовому) капиталу* и к промежуточным товарам (средствам производства). Что же касается потребительских рынков, то они в обеих странах имеют больше сходства. И поскольку японская экономика представляет более молодую, но и

* Во время церемонии вручения экс-премьер-министру Японии г-ну Ясухиро Накасоне диплома почетного доктора Института Дальнего Востока Российской Академии Наук, состоявшейся 17 мая 1993 г., этот авторитетный политический деятель в своем выступлении, в частности, развивал мысль о разнообразии "моделей" капитализма в современном мире - "традиционные" капиталистические страны и новые азиатские "драконы" - Малайзия, Гонконг, Сингапур, Тайвань, Таиланд и другие страны. При этом, говоря о своеобразии экономической системы Японии, г.Накасоне подчеркнул, что в отличие от США и других стран, в Японии финансовая система носит закрытый характер. Как видим, его представления довольно близки концепции, выдвинутой проф.А.Блайндером.

очевидно эффективную разновидность рыночного капитализма, "детские" рыночные экономики Восточной Европы определенно должны были бы пойти по ее пути, считает А.Блайндер.

Думается, что предшествующий опыт хозяйствования в нашей стране, как и в масштабах СНГ в целом, действительно, предрасполагает к тому, чтобы идти по пути установления устойчивых, продолжительных отношений между образующимися ныне, выходящими на рынок фирмами, кооперативами, акционерными обществами и другими предприятиями. Разрушение, отсутствие таких отношений, как известно, едва ли не главная причина переживаемого странами бывшего СССР экономического кризиса. И переход к рынку вовсе не обязательно должен приводить к тому, что хозяйственные связи станут определяться исключительно сиюминутными интересами, изменчивой рыночной конъюнктурой и т.п. Скорее следовало бы признать, что подобные выражения стихийного действия законов рыночной экономики представляют собою уже пройденный этап экономического развития. Россия, как, впрочем, и другим странам, переходящим к рынку, не следовало бы "повторять зады".

Наконец, существенное различие между американским капитализмом и японским капитализмом автор доклада справедливо усматривает в различии отношений между правительством и бизнесом, в различии содержания экономической политики и охвата ею экономической жизни соответствующего государства.

В Соединенных Штатах всегда был силен антиэтатизм, недоверие к государству, что совсем не свойственно странам Востока вообще, в том числе и Японии. Вряд ли и в нашей стране может получить распространение имеющее хождение в США суждение: "То правительство лучшее, которое меньше всего правит".

Японская же точка зрения совершенно иная. "Японцу представляется естественным, если не аксиоматическим, что государству следует играть главную роль в деле национального развития". Правительство и бизнес рассматривают друг друга как партнеры, которые уважают и помогают друг другу, а не как противники, вступившие в сражение. Оба работают в направлении к одной и той же цели: к экономическому развитию нации. А.Блайндер констатирует, что в нескольких бывших коммунистических странах исходная точка зрения состояла в том, чтобы двигаться строго в направлении американской уникальности, тем более, что в ходе реформационного процесса предприятия высвобождались из когтей государства. Однако ныне, полагает проф.Блайндер, начинается понимание того, что "рыночная экономика не может распуститься естественным образом подобно диким цветам; она нуждается в садовнике, который бы ее выращивал. И задача эта ложится на правительство".

Подводя итоги своему докладу, проф.Блайндер приходит к выводу: "Ныне, я думаю" история поворачивает восточноевропейские страны больше в японском, чем в американском направлении." Конечно, сомнительно, чтобы

было какое-то единственно правильное решение для всех этих народов. Но, во всяком случае, вряд ли будет правильным американское решение, как крайнее. Модель же, развившаяся в Японии, по мнению ученого, "не только хорошо работает, но и при ее осуществлении меньше социальные издержки перехода от социализма". В этой альтернативной модели "у руля" находится труд, а не капитал, оплата эгалитарная, и фирмы могут не максимизировать свои прибыли. Рынки труда, капитала, промежуточных товаров построены на устойчивых долгосрочных отношениях, которые доминируют над ценой. Трудовая мобильность низка, а отношения между трудом и менеджментом, как и между бизнесом и правительством, являются скорее отношениями сотрудничества, чем противостояния. Во всех названных аспектах Япония резко отличается от Америки. В то же время бывшие социалистические экономики в большинстве этих аспектов начинают с позиций, более близких к японской, нежели к американской норме. А поскольку японская модель означает к тому же и "ошеломляющий успех", эту модель следует особенно тщательно изучить. "Именно эта логика приводит меня к тому, чтобы предложить Восточной Европе и бывшему Советскому Союзу уделить Японии как модели, больше внимания, чем они это делают".

Думается, что рекомендации проф.Блайндера заслуживают того, чтобы серьезно отнестись к ним и основательно в них разобраться.

Действительно, хотя ни одна реформирующая страна не должна, да и не сможет перенести к себе японскую либо какую-то иную систему во всей полноте, сделать ее шаблоном, изучение опыта японской экономики требует самого серьезного внимания. А его практическое применение с учетом специфики российской или любой другой реформирующейся экономики, с учетом национальных и исторических реалий каждой страны сулит выход экономики на прямой путь к социально ориентированной рыночной системе, к высокой экономической эффективности. И если уж об этом с полной убежденностью говорит американский специалист, думается, российским ученым-экономистам, японоведам, как и хозяйственным практикам, есть смысл заняться в полной мере изучением и освоением опыта нашего восточного соседа, добившегося впечатляющих достижений в экономической и социальной сферах за короткий исторический период.

(С) 1993

В.Н.Кашин

ВЗГЛЯД НА ОБСТАНОВКУ В МИРЕ ПОСЛЕ ЭПОХИ "ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ"

(С) 1993

Ясухиро Накасонэ

21 мая в Москве в Институте Дальнего Востока Российской Академии наук состоялась церемония вручения диплома Почетного доктора Института Дальнего Востока РАН бывшему премьер-министру Японии, видному общественному деятелю, директору японского Института проблем мира Ясухиро Накасонэ. В выступлении на церемонии Ясухиро Накасонэ изложил свои взгляды на развитие обстановки в мире после окончания эпохи "холодной войны", оценил состояние отношений между Россией и Японией, ответил на вопросы присутствующих. Ниже изложены тезисы доклада Ясухиро Накасонэ.

Для двадцатого века характерны три основные тенденции - демократизация, индустриализация и рост национализма. В процессе демократизации сторонники тоталитаризма, самонадеянно считавшие, что человечество можно заставить развиваться в соответствии с замыслами личности, были посрамлены. Однако мы еще не добились полного признания ценностей свободы и прав человека на основе гуманизма.

После окончания эпохи "холодной войны", ликвидации глобального противостояния двух идеологических систем обострилось осознание народами своей национальной и расовой принадлежности. Это проявилось, например, в обвальном распаде бывшего Советского Союза. Сейчас наступило время, которое как никогда требует новой философии.

Из последних событий четыре можно выделить как события века. Первое - развал СССР. Этот факт стал даже поводом для заявлений о конце истории. Но, скорее, мы вступили в период тяжелых испытаний. Второе - появление Европейского Сообщества. В современном мире процветает национализм, а с другой стороны мы видим тенденции к объединению, как в Европейском Союзе. В Западной Европе, где формировались национальные государства, наблюдается подъем на новую ступень. Третье - это предпосылки к арабо-израильскому примирению после конфликта в Персидском заливе. И четвертое - рост силы и влияния ООН. Во времена "холодной войны" функции ООН были ограничены. Сейчас, после окончания "холодной войны" роль ООН возросла, а ее функции по поддержанию мира расширяются.

В условиях этих общемировых изменений рождаются и новые взгляды на проблемы безопасности. Я считаю, что война между крупными державами стала невозможной.

До недавнего времени "сдерживание" и "баланс сил" были основой гарантии безопасности. Сейчас формируется понятие "политическая стабильность". Это видно на примере создания Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Одним словом, стало насущной политической необходимостью создание новых форм поддержания политической стабильности в ответ на образовавшийся вакуум силы после развала СССР и Варшавского Договора.

Международная политика вместо "силовых игр" стала строиться на основе "тезиса о благосостоянии". Это значит, что политикам следует думать прежде всего о благосостоянии народов. С развитием спутникового телесвидения стало возможным, находясь в комнате для чайной церемонии, воспринимать мировые новости как происходящие перед глазами, что усилило стремления к уважению прав человека и ускорило эту тенденцию в международной политике. Все вышесказанное распространяется и на Азию.

Среди азиатских стран мы видим большие различия, между ними огромные расстояния и их объединение по европейскому типу здесь невозможно. Однако, говоря об экономическом сотрудничестве, нельзя не замечать процесса интеграции. Кроме того, когда в свое время руководители России говорили о коллективной безопасности в Азии, то это воспринималось как пропаганда. Но время идет, и сейчас в Японии, Южной Корее, Китае, странах АСЕАН и других государствах региона, говорят о необходимости наряду с дальнейшим укреплением экономического сотрудничества формировать общественное мнение в пользу создания каркаса безопасности. Иными словами, зреет идея совместной безопасности. Хотелось бы, чтобы и в Азии, по опыту Западной Европы, было создано что-то подобное НАТО.

После войны в Персидском заливе президент США Дж. Буш заявил о новом мировом порядке. Сейчас это заявление как-то забывается, а мне кажется, что этого не следует делать. Новый порядок - это ряд сложных, тяжелых обязанностей. Прежде всего это касается оставшейся единственной сверхдержавой Америки, затем - обладающих ядерным оружием пяти постоянных членов ООН, которые имеют большую политическую силу. Далее, государств "семерки", сосредоточивших большую экономическую мощь. Кроме того, есть много вопросов, по которым большая "семерка" должна советоваться с Россией и Китаем, чтобы избежать использования в Совете Безопасности ООН права вето. "Большая семерка" плюс "большая двойка" - формируется большая "девятка".

ООН - это соединение законности с принципом согласованности. Это и есть новый мировой порядок. Профессионализм современных политиков состоит в том, чтобы согласовывать и заставлять действовать по правилам. Возможно, что возникнет необходимость в некоторых изменениях хартии ООН, например, расширить состав стран - постоянных членов Совета

Безопасности. Япония надеется на сотрудничество и поддержку других стран в ее стремлении стать постоянным членом Совета Безопасности. Хотелось бы сформировать новый мировой порядок, по возможности, слаженно и организованно.

Коммунизм потерпел поражение. И теперь необходимо обратить внимание на то, чтобы капитализм стал универсальным явлением. Но возникли новые, давно назревавшие проблемы отношений между "югом" и "севером". Страны "юга" на первоначальном этапе вводят протекционистские административные меры, а потом, по мере развития, эти меры отменяют. Для развития мировой экономики необходимо видеть и понимать реальности этих стран. Бывшие социалистические страны хотят войти в мировой рынок. Для этого им необходимо признать общие правила ГАТТ и МЭФ. Но следует указать, что и члены ГАТТ должны понять необходимость предоставления льгот странам "юга", подобно тому, как в гольфе дается фора слабому игроку.

Для развития мировой экономики необходимо как проявление терпимости со стороны развитых стран, так и совместные усилия по ликвидации административных мер регулирования в странах "юга".

В странах Азии и Тихого океана высказывается обеспокоенность в связи с возможным превращением Японии в великую военную державу, усилением давления Китая на примыкающие к нему районы по мере превращения его в великую державу, развитием изоляционизма и протекционизма в США. Хочу сказать, что Япония не стоит на пути милитаризации, а ограничивается лишь силами самообороны для того, чтобы чувствовать себя уверенной. Этим же целям служит и японо-американский договор безопасности. Япония не имеет намерений обладать ядерным оружием. Мы продолжаем полагаться на американский ядерный зонтик. С другой стороны, японо-американский договор безопасности сдерживает наращивание военных усилий Японии. Более того, так как Америка, видимо, еще и наблюдает за японскими вооруженными силами, то поддержка этого договора представляется важной и с глобальной точки зрения. Ранее японо-американский договор безопасности был направлен против Советского Союза, сейчас он играет стабилизирующую роль в регионе от Огасавара до Алеутских островов и в этом его политическое значение.

Для Азии и региона Тихого океана важно, чтобы Россия, Китай, Япония и США действовали согласованно, поддерживали между собой дружественные отношения. Чтобы достичь этого необходимо продолжать сближение на основе экономического сотрудничества. Для процветания американской экономики важно согласие между Японией, США и новыми индустриальными странами. Процветание Дальнего Востока России невозможно без сотрудничества России с государствами Азии и Тихого океана. В этом контексте, думаю, что в АТР основой мира будет формирование экономических структур. В этих целях в январе был создан Азиатско-тихоокеанский форум. Цель этой организации - ускорение

экономического сближения и одновременно, поддержание мира путем прекращения гонки вооружений, путем совместной деятельности ее членов. Россия входит в состав 18 стран-членов форума. Хотелось бы, чтобы Россия сотрудничала с Японией в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В японо-российских отношениях можно выделить глобальный и двусторонний уровни. Чтобы решать имеющиеся в обеих странах проблемы необходимо расширять и углублять наши отношения. Возможно, что у российской стороны возникают сомнения, почему Япония так упорствует в вопросах об островах. Я убежден, что Сталин, оккупировав эти четыре острова, совершил ошибку, и ожидаю разрешения этой проблемы, насколько возможно, в ближайшее время на основе законности и справедливости, как об этом говорил президент Ельцин. Вчера, во время нашей беседы, президент Ельцин сказал, что он согласен с тем, чтобы этот вопрос был решен в XX веке.

Еще одна из проблем в российско-японских отношениях, которая стоит на втором плане, проблема японцев, интернированных в конце II-й мировой войны. 600 тыс. японцев было интернировано, 60 тыс. из них погибли в Сибири. Было также и нарушение договора о нейтралитете. В России, вероятно, думают, что война есть война, и здесь не о чем говорить. Но у японцев осталось чувство сожаления. Ответственные лица в России признали этот факт, однако до сих пор не высказано слов соболезнования семьям погибших. Чтобы строить отношения на основе законности и справедливости, важно признать ошибки и высказать соболезнование.

В сентябре прошлого года, за три дня до запланированного визита президента России Б.Ельцина в Японию было неожиданно объявлено об отмене визита. Из Москвы сообщили, что вина за это лежит на Японии. Это вызвало чрезвычайное недовольство у японцев. Важно чистосердечно обсуждать такие проблемы и принимать совместные меры, направленные на улучшение отношений.

Откровенно говоря, и в поведении японской стороны есть факты, которые необходимо оценивать критически. Несмотря на то, что Россия отвергла систему бывшего Советского Союза и исповедует одинаковые с нами ценности, в Японии есть еще много таких людей, которые воспринимают Россию как бывший Советский Союз. Японцам нужно ясно осознать, что мы все находимся в одной лодке, нужно, например, развивать научные связи, укреплять отношения дружбы между двумя странами.

Перевод с японского В.Жуколенко

БАЗА ДАННЫХ ПЕРСОНАЛИЙ СПЕЦИАЛИСТОВ ВЫСОКИХ ТЕХНОЛОГИЙ ЯПОНИИ- NAMES

(С) 1993

В.Титков

В настоящее время развитые страны мира включены в глобальный обмен материальными объектами, информацией и специалистами. Определяющим в этом процессе является направление потока высокой технологии (high technology). Теоретически количественно измерить объемы этих потоков через национальные границы возможно, однако практически масштабы передачи высокой технологии через три этих потока можно определить лишь качественно. Например, приток высокой технологии из стран Запада в Японию, судя по некоторым несистематизированным данным, например, статистикой обучающихся в США и Европе японских студентов и аспирантов, или обмена учеными, значительно превышает ее приток из Японии на Запад.

Отрасли высокой технологии сегодня по своей сути являются глобальными и не могут обойтись без вышеназванных контактов. Особый интерес представляет проблема систематизации, классификации и анализа количества и качества специалистов высокой технологии, являющихся "генераторами" и носителями этой технологии.

Успех Японии в развитии высокотехнологичных отраслей промышленности и науки, а также активная положительная роль государства в этом процессе, делают ее опыт важным для реформируемой науки и промышленности России. Поэтому представляет особый интерес изучение японских специалистов из высокотехнологичных отраслей (прежде всего микроэлектронной, компьютерной и др.), а также ученых, обеспечивающих их развитие. В качестве инструмента и, одновременно, объекта изучения, была выбрана база данных NAMES, куда были включены ведущие японские ученые, бизнесмены и специалисты высоких технологий.

Предметами изучения являлись: 1. Анализ источников информации; 2. Методика отбора специалистов для включения в базу данных; 3. Количественная оценка уровня компетентности специалистов (оптимальное количество параметров, характеризующих специалиста, устранение субъективности оценок экспертов и др.).

Титков Виктор Александрович, старший научный сотрудник, Научно-технический институт межотраслевой информации Миннауки России.

Анализ рынка баз данных персоналий в Японии

База данных NAMES персоналий (профессиональных биографий) японских специалистов по высоким технологиям разрабатывается с 1975 г., в то время, как и сегодня, на западном информационном рынке отсутствовали коммерческие БД этого типа. В настоящее время бум интереса к деловой информации о Японии привел к выходу на этот рынок ряда БД, разработанных в Японии и переведенных на английский язык. Но до сих пор среди них нет БД, охватывающих профессиональные биографии японских ученых, инженеров и управляющих, работающих в областях наукоемкой техники и технологии (типа "Кто-есть-кто в высоких технологиях Японии"). Это требует дополнительного анализа, ведь японские изготовители БД хорошо сознают прибыльность и перспективность продажи своих БД, в том числе БД персоналий, на Запад и в страны третьего мира.

Спрос на деловую информацию о Японии продолжает расти, и еще в конце 1980-х гг. представители японского Центра развития баз данных включали в группу наиболее перспективных базы персоналий и готовили их к продаже и использованию за рубежом. На внутреннем рынке Японии предлагалось 6-7 БД персоналий, включающих биографическую информацию по управляющим японских фирм, причем все эти базы данных были на японском языке. До сих пор таких англоязычных коммерческих БД на западном рынке нет. Поэтому мы попытались частично восполнить этот пробел, предложив свою оригинальную БД NAMES - Who's who in Japanese High Technology. Что касается БД персоналий на японском языке, то пока неясно, охватывают ли они ученых и специалистов наряду с управляющими. В любом случае пользователей БД на японском языке на Западе очень мало, причем это, как правило, крупные финансовые организации, а не промышленные компании или их объединения.

Можно высказать такое предположение: традиционные БД разрабатывались в Японии государственными или частными организациями, не заинтересованными в проникновении в страну конкурентов. И хотя сегодня правительством Японии проводится политика интернационализации, государственные органы и крупные частные фирмы не спешат помогать иностранным фирмам укрепляться на рынке Японии. Этот рынок очень велик по объему, но имеет свои уникальные особенности, касающиеся системы управления и первостепенного значения человеческого фактора.

Правительства стран Запада поощряют свои фирмы выходить на японский рынок высоких технологий и осуществлять совместные НИОКР. В ряде исследований государственных органов США, определяющих научно-техническую политику в новейших областях науки и техники, даются настоятельные рекомендации американским фирмам выходить на рынок Японии в качестве условия их выживания. Энергичные усилия в этом же направлении предпринимают и европейские государства как на

правительственном уровне, так и на уровне отдельных компаний и их консорциумов.

В условиях усиливающегося давления на Японию со стороны Запада с требованиями открыть свои рынки, становится очевидной некоторая противоречивость японской политики интернационализации в части, касающейся БД, а именно БД персоналий. В современной Японии, несмотря на ее финансовую и техническую мощь, основным ресурсом остается квалифицированная рабочая сила и, особенно, ученые и специалисты высокотехнологичных отраслей промышленности и обеспечивающих их наук. Базы данных - это ядро современного информационного общества. А базы данных персоналий - это святая святых как государственных учреждений и НИИ, так и частных японских компаний, в которых управляющий по кадровой политике - второе лицо после президента. В США и Европе им является, как правило, главный бухгалтер фирмы.

Таким образом, базы данных персоналий в Японии являются мостиком к высококвалифицированным кадрам ученых, управляющих и других специалистов, в которых остро нуждаются выходящие на японский рынок иностранные фирмы. Опыт последних показал, что наиболее эффективно вести деловые операции в Японии способны лишь сами японцы, то есть имеет место несовместимость систем управления Запада и Японии. Более того, корпоративный характер японского общества, наличие мощных финансовых и промышленных групп (кэйрецу), поделивших рынок, делают проблематичной возможность проникновения на японские рынки даже фирм с мировым именем.

Ключом к решению этой проблемы для иностранной фирмы является наём на работу специалистов с высоким социальным положением, авторитетом и связями в кэйрецу или правительственных учреждениях. Как правило, это люди, вышедшие на пенсию, которая в Японии устанавливается с 55 лет. Количество отставных правительственных чиновников и управляющих, которые получают новые посты в иностранных компаниях, постепенно возрастает. Но прием на работу такого специалиста - это лишь первое звено в построении сети личных контактов, которые остаются сутью бизнеса в Японии.

Многие японские специалисты лично заинтересованы возможностью устроиться на работу в западные компании, однако большинство, особенно высококвалифицированные специалисты рассчитывают на традиционный пожизненный наём. Крупные японские компании обеспечивают для своих постоянных сотрудников занятость до выхода на пенсию. В последнее время, особенно в динамичных секторах промышленности, выпускающих компьютеры, полупроводники, роботы, новые материалы и другие высокотехнологичные изделия, наблюдается повышенная текучесть высококвалифицированных кадров. Перестали быть редкостью переходы на другую работу, ранее "почти запрещенные" возвращения из промышленности

в академические круги (университеты) и даже переманивание ведущих специалистов в середине карьеры.

Конечно, японские компании, постоянно вкладывающие большие средства в подготовку персонала, совершенно не заинтересованы в том, чтобы делиться с иностранными фирмами своими специалистами. То же самое относится к государственным НИИ и университетам (академическим кругам).

Таким образом, можно предположить, что отсутствие на мировом рынке баз данных персоналий японских специалистов не случайно, и не может быть объяснено лишь техническими и экономическими причинами. Это результат постоянной борьбы за обладание стратегическим ресурсом - интеллектом и следствие продуманной согласованной политики правительства и деловых кругов Японии. Японцы, правда, всегда могут предложить иностранцам использовать на японском языке БД, однако это затруднительно для последних и является еще одним из методов конкурентной борьбы на рынке информации.

Невозможность получения достоверной информации о японских кадрах ставит западные и вообще иностранные фирмы в зависимость от компаний по найму (head-hunting companies). Эти компании практически монополизировали информацию о кадрах и диктуют очень высокие цены за "голову". Случаи успешного найма японских управляющих и специалистов для отделений западных фирм в Японии довольно редки.

Появление на западном рынке коммерческих БД персоналий японских специалистов и управляющих даст альтернативный источник информации для фирм, выходящих на японский рынок, и подорвет монополию фирм- "охотников за головами", предоставив всем желающим инструмент для подбора и оценки уровня квалификации потенциальных сотрудников.

Проблема оценки уровня компетентности специалистов

В настоящее время нам неизвестны какие-либо в достаточной мере отработанные методики оценки уровня компетентности специалистов. Основным критерием компетентности или квалификации специалиста является его соответствие требованиям учебных заведений, а также наличие общепринятых дипломов. В докторской диссертации В.А.Балясникова* была предложена оригинальная методика оценки технического уровня изделий (технических объектов), которая была нами использована для оценки уровня компетентности специалистов и ученых Японии в базе данных NAMES.

*В.А.Балясников. Диссертация на соискание степени доктора экономических наук "Экономико-организационные методы управления информационно-патентным обеспечением при создании новой техники". - М., 1991.

Набор показателей технического объекта оговаривается международными стандартами и/или рекомендациями международных организаций. Эти показатели вносят различный вклад в совокупный показатель технического уровня, поэтому их весомость должна учитываться при проведении НИОКР.

При определении технического уровня объекта показатели ранжируются по степени их весомости (экспертная оценка) и рассчитываются в виде весовых коэффициентов методом попарных сравнений показателей. Количество показателей должно быть ограниченным, но достоверно характеризующим технический уровень объекта (не более десяти).

При ранжировании показателей субъективная ошибка отдельного эксперта устраняется за счет обобщения мнений всех экспертов. Далее производится суммирование ранжированных показателей, и вводится совокупный показатель технического уровня объекта.

Но в случае оценки уровня компетентности специалиста оптимальное количество показателей является проблемным (их может быть несколько десятков). Принципы и методика оценки технических объектов могут быть достаточно корректно распространены на оценку уровня компетентности, поскольку набор показателей может быть формализован и отвечает логическим представлениям об объекте - субъекте исследования.

Предварительные оценки показывают, что при количестве показателей не более 10-15, совокупные показатели уровня компетентности близки. В любом случае этот показатель является всего лишь динамической количественной оценкой качественных величин. В предварительных расчетах для оценок был взят ряд выдающихся японских ученых, для которых можно найти всю информацию, характеризующую выбранными показателями (ученая степень/звание, владение патентами, международное признание, членство в обществах, участие в проектах и т.п.). Совокупные показатели их были близки. Определение уровня компетентности молодых ученых или начинающих бизнесменов затруднительно из-за отсутствия информации по ряду упомянутых показателей.

Принципиальным показателем является статичность характеристик технических объектов и динамичность показателей специалистов. Оценка последних всегда будет неполной хотя бы из-за их более ярко выраженной индивидуальности по сравнению со стандартизированными изделиями. Естественно, что расчетный совокупный показатель может служить для пользователя лишь ориентиром, характеристикой, не претендующей на определение творческого потенциала данного специалиста. Однако наличие такого показателя может оказаться незаменимым в случаях, когда бывает необходимо подобрать специалистов, соответствующих ряду требований пользователя БД (например, при анализе проблем утечки умов, оценке программ исследований и разработок, анализе тенденций в научно-технической политике Японии, прогнозировании и т.п.).

Описание базы данных NAMES ("Кто-есть-кто в высокой технологии Японии")

База данных NAMES представляет собой автоматизированную информационно-поисковую систему, включающую картотеку и специализированное программное обеспечение на основе системы управления базой данных dBASE IV с рурикатором. БД включает около 5 тыс. имен японских ученых, инженеров и управляющих, работающих в таких высокотехнологичных областях, как вычислительная техника, микроэлектроника, автоматизированное проектирование и производство, робототехника и др. Запись в БД включает как личные (фамилия, имя, наличие или отсутствие их иероглифического написания, адрес организации-работодателя, телефон, факс и др.), так и профессиональные параметры (ученая степень / звание, должность, область научных интересов, владение патентами и др.). Кроме названных полей имеется текстовое поле для дополнительной информации.

Разрабатывается программный модуль расчета обобщенной оценки уровня компетентности, для которого также зарезервировано специальное поле.

Сбор информации в картотеку ведется примерно с 1975 г.

В перспективе NAMES будет иметь модульную структуру, куда войдут тематические файлы (компьютеры, полупроводники, роботы и др.), патентный файл (рефераты патентов, владельцы которых включены в БД), статистический модуль и, возможно, организационный файл по структуре организаций, сотрудники которых входят в данную БД. Язык БД - английский, так как этот продукт принципиально ориентирован на западный рынок. Естественно, при улучшении ситуации в России можно легко адаптировать БД к отечественному рынку.

Специалисты в БД могут быть сгруппированы по ведущим фирмам, государственным НИИ, правительственным ведомствам, профессиональным обществам, ассоциациям и консорциумам Японии.

В настоящее время БД не требует знания программирования и позволяет работать в следующих режимах: запросы по примерам; редактирование записей; редактирование экрана; добавление новых записей и печать текущей записи. В режиме запросов можно вести поиск по следующим полям в записи: фамилия, организация, область научных интересов, ученая степень/звание и владение патентами.

Дополнительные возможности БД позволяют пользователю различным образом объединять и сортировать данные, проверять информацию, организовывать диалоговые режимы работы, а также вводить защиту информации.

Перспективы дальнейших разработок

В мире идет постоянная борьба за обладание интеллектом и за доступ к его источникам. Ее следствием является постоянная миграция умов через национальные границы, а это требует практической оценки потенциала ученых и специалистов разных стран. Здесь незаменимую роль должны сыграть базы персоналий ученых и специалистов разных стран. Эти БД позволяют при соответствующей глубине разработки и наполнения установить наличие или отсутствие школ и групп специалистов, определить количество и уровень компетентности специалистов в различных областях науки и техники и выявить тенденции и особенности развития, приоритеты и цели НТП разных стран.

Наша база данных NAMES может послужить прототипом БД по разным странам и полезным инструментом для исследователей и частных компаний, а также методической основой для создания аналогичных БД. Эти БД имеют хорошую коммерческую перспективу, так как специалисты высоких технологий во многом определяют успех или неудачу новых фирм с их участием.

В Российской академии наук и в промышленности есть специалисты по странам Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, которых можно привлечь к разработке таких БД, что позволит решить помимо прочего и проблему оптимального использования ученых и специалистов в нашей стране.

Мы можем оперативно использовать имеющиеся методические и фактографические материалы и заполнить имеющуюся пока на западном информационном рынке нишу без данных персоналий японских специалистов в области высоких технологий. По нашим оценкам эта ниша останется незаполненной еще максимум 2-3 года. Рынок БД персоналий японских специалистов в высокотехнологичных отраслях промышленности и науке может включать тысячи и даже десятки тысяч пользователей и достигать в денежном выражении нескольких миллионов долларов.

В наши планы входит при условии минимального финансирования разработка полномасштабной реляционной БД персоналий, программы статистического анализа и количественной оценки уровня компетентности специалиста в диалоговом режиме, независимо от содержания базы данных, а также активное зондирование западного информационного рынка с целью рекламы и формирования потребностей в таких программных продуктах.

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

БОРЬБА В ВКП(Б) И КОМИНТЕРНЕ ПО ВОПРОСАМ ПОЛИТИКИ В КИТАЕ (1926-1927)

(С) 1993

А. Григорьев

Принятая VII пленумом "Резолюция по вопросу о положении в Китае", в подготовке которой непосредственно участвовали Н. Бухарин и И. Сталин, в части, касающейся оценки расстановки сил, положения в ГМД означала пересмотр позиций VI пленума. Теперь особо подчеркивалось, что революция в Китае "существенным образом" отличается от революции 1905 г. в России, прежде всего в силу полуколониального положения Китая¹. Приближением к реальности были и указания в резолюции на слабое развитие местного капитализма, наличие "многочисленных пережитков полуфеодального порядка", слабую социальную дифференциацию². ГМД рассматривался теперь как блок не трех, а четырех классов: отмечалось, что в нем представлена и "капиталистическая буржуазия"³, признавалось, что в его правительстве реальная власть с самого начала находилась в руках правого крыла⁴. Но определение в документе этапов революции и расстановки сил на каждом из них были весьма противоречивыми, а оценки ее перспектив и задач КПК отличала серьезная левизна.

В революционном движении в Китае выделялись теперь три этапа. На первом, говорилось в документе, одной из важнейших движущих сил выступали "национальная буржуазия и буржуазная интеллигенция, искавшие опоры в рабочем классе и мелкой буржуазии". На втором - "пролетариат образует блок с крестьянством, с мелкой городской и частью капиталистической буржуазии". "В настоящий момент, - считали авторы резолюции, - движение находится на пороге к третьей стадии", когда "основной силой движения явится блок пролетариата, крестьянства и городской мелкой буржуазии, при устранении большей части крупной буржуазии", хотя, говорилось далее, это не означает, что вся буржуазия отойдет от национально-освободительной борьбы: "Помимо мелкой и средней даже некоторые слои крупной буржуазии могут еще некоторое время идти вместе с революцией. Но гегемоном движения все более и более становится пролетариат". В нынешний переходный период, когда "неизбежен отход от революции крупной буржуазии", говорилось в документе, пролетариат

Григорьев Александр Миронович, доктор исторических наук, руководитель Центра исторических и политических исследований Китая ИДВ РАН.

Окончание. Начало см.: "ИДВ", 1993, N 2.

должен "использовать" все слои буржуазии, которые еще ведут борьбу против империализма и милитаризма⁵.

В резолюции рассматривались три возможных исхода событий: поражение национальной революции под ударами объединенных сил милитаризма и империализма; победа буржуазии над пролетариатом (в борьбе за гегемонию в революции). Эта перспектива также расценивалась как поражение движения за независимость страны: в этом случае, говорилось в документе, фактическое господство в стране снова попало бы в руки империалистов⁶. Другими словами, "кемалистский вариант" для Китая считался "нежелательным" не только с точки зрения интересов и задач коммунистов, но даже с точки зрения интересов "национальной буржуазии". Позднее, в мае 1927 г. И.Сталин выдвинул тезис о том, что "кемалистская революция" в Китае вообще невозможна⁷, во многом определивший последующие оценки гоминьдановского режима в Коминтерне.

Третьей - революционной перспективой развития событий, на реализацию которой пленум ИККИ нацеливал КПК, было создание государства, которое "будет представлять демократическую диктатуру пролетариата, крестьянства и других эксплуатируемых классов", а его руководящим органом - "революционное антиимпериалистическое правительство периода перехода к некапиталистическому (социалистическому) развитию"⁸.

Средства осуществления этого курса VII пленум ИККИ видел в развертывании борьбы за гегемонию пролетариата по двум линиям: завоевание руководящего положения КПК в ГМД в создававшихся новых органах власти в районах продвижения войск НРА, и развертывание аграрной революции, задача осуществления которой выдвигалась в резолюции на первое место⁹. В то же время всемерное подчеркивание в документе значения крестьянства и аграрной проблемы, выдвижение (по предложению И.Сталина) такого радикального лозунга как национализация - в перспективе - всей земли, сочетались с весьма умеренными рекомендациями на ближайшее время: предлагалось осуществить и притом через гоминьдановские органы власти, методом реформ "сверху" пока лишь "промежуточные меры" (снижение арендной платы, упорядочение налогообложения и т.п.), которые рассматривались как переходные к более развитой фазе аграрной революции¹⁰. И.Сталин отвел выдвигавшееся в китайской комиссии пленума предложение (отнюдь не сторонника оппозиции - П.Мифа) о создании для решения этих задач Советов в деревне, ссылаясь на недостаточный уровень крестьянского движения и на неспособность малочисленной КПК контролировать их создание¹¹. Другим, не высказанным мотивом, было стремление не подрывать тыл наступающей армии, офицерство которой было тесно связано с деревенской верхушкой¹².

Важнейшим путем усиления влияния КПК в ГМД и в то же время - средством ее "приближения к крестьянству", авторы резолюции считали "проникновение" в аппарат правительства ГМД, его местные органы в

освобожденных провинциях с тем, чтобы использовать их для проведения намеченных мер¹³. Этот же путь ("проникновение") рассматривался и как средство усиления влияния КПК на армию¹⁴.

В целом, в таком подходе просматривалось стремление действовать пока главным образом через ГМД "сверху". В этом нашли отражение и учет реальной ситуации в деревне, в массовом движении и особенно в армии, и, одновременно, "старые" доктринальные установки и расчеты на то, что "сами" левые в ГМД под давлением КПК (и Коминтерна) и силой обстоятельств будут вынуждены принять радикальный, "якобинский" курс¹⁵.

Эта линия в целом лежала в основе практических действий ИККИ вплоть до июня 1927 г., хотя в ее теоретическое обрамление после переворота Чан Кайши 12 апреля 1927 г. были внесены определенные изменения.

Представители оппозиции на VII пленуме ИККИ по китайскому вопросу не выступали, сосредоточив усилия на критике теории строительства социализма в одной стране. Но учет ее возможных акций, очевидно, сказался и на резолюции по Китаю. Известный разрыв, заметный в этом документе между серьезно завышенными оценками перспектив китайской революции и возможностей КПК, с одной стороны, и весьма умеренной трактовкой ее ближайших задач - с другой, создает впечатление, что при подготовке "прогнозной" части резолюции И.Сталин и Н.Бухарин руководствовались и стремлением обезопасить свой "левый фланг" от критики оппозиции на случай, если события в Китае обернутся "кемалистским вариантом". На практике так и получилось: в ходе нового этапа борьбы лидеры большинства активно использовали ссылки на эти установки и тот факт, что оппозиция на пленуме вообще не выступала.

К марту 1927 г., когда оппозиция вновь выступила с предложениями о пересмотре политики, события в Китае вступили в критическую фазу. Уже с начала года в ГМД наметился раскол. Чан Кайши отказался двигаться на Север (на соединение с Фэн Юйсяном) и начал продвижение на Шанхай. Вокруг его ставки главкома складывался центр правых сил в ГМД. В феврале он потребовал отъезда М.Бородин и устранения коммунистов из ГМД. В подконтрольных ему районах принимались жесткие меры для ограничения массового движения. В ЦИК ГМД и его правительстве, переехавших к началу 1927 г. в Ухань, при поддержке КПК усиливались позиции левых, опиравшихся на военных, недовольных Чан Кайши. В районах контроля Уханьского правительства быстро увеличивалось число профсоюзов и крестьянских союзов, хотя в большинстве они были верхушечными и непрочными.

Профсоюзы и движение городских низов, основную массу в которых составляли непромышленные рабочие, обнаружили сильные анархические и левацкие тенденции. Само крестьянство не ставило вопроса о земле и власти в деревне, ограничиваясь традиционными требованиями ("справедливых" арендной платы, ссудного процента и налогов, наказания "плохих шэньши", мироедов и алчных чиновников), хотя в ряде мест крестьянские союзы, в

которых было сильно влияние бедноты и "голытьбы" (люмпенов) самочинно расправлялись с местными "мироедами" и богатеями, устанавливали на время свою власть¹⁶.

Рассчитывая подорвать (или хотя бы нейтрализовать) позиции Чан Кайши, руководство ИККИ, его представители в Китае и КПК взяли курс на радикализацию ЦИК и правительства ГМД в Ухане и, одновременно, попытались осуществить ряд акций против Чан Кайши в его армии и центрах, к которым она приближалась - в Нанкине и Шанхае. В прессе и устной пропаганде КПК была развернута кампания против правых, острие которой направлялось против Чан Кайши. Под давлением КПК и М.Бородина в середине марта 1927 г. на пленуме ЦИК ГМД были приняты решения, серьезно ограничивавшие единоличную власть Чана в ЦИК ГМД, его военном совете. В правительство в Ухане вошли два коммуниста. Чан Кайши, маневрируя перед решающими боями за Шанхай, заявил, что подчиняется дисциплине ГМД. Но веры ему не было. Сразу после пленума с "подачи" М.Бородина глава уханьского правительства подписал секретный приказ об аресте Чан Кайши¹⁷.

Известные шанхайские восстания, проводившиеся под лозунгом "навстречу НРА", и особенно последнее, 21 марта 1927 г. - накануне вступления в город войск Чан Кайши, своей целью ставили также создание к этому моменту органов власти, в которых, по меньшей мере, значительное влияние должно было принадлежать КПК. Ряд его организаторов и работников Дальбюро ИККИ в Шанхае рассчитывали, что эти органы власти будут создаваться "по типу Советов". Большие надежды связывались и с возвращением на пост председателя ЦИК ГМД Ван Цзинвэя. Он возвращался из Франции через Советский Союз (прибыл в Шанхай из Владивостока в начале апреля). О его пребывании в марте в Москве и переговорах до сих пор нет никаких сведений ни в доступных нам архивных материалах, ни в советских и зарубежных публикациях. Судя по всему, ему была обещана поддержка и значительные кредиты¹⁸ и получены определенные ответные заверения¹⁹.

Перед отъездом из Шанхая в Ухань 5 апреля Ван Цзинвэй опубликовал вместе с Чэнь Дусю заявление, в котором говорилось о необходимости сотрудничества с КПК и об отсутствии у обеих партий планов, направленных друг против друга. Чан Кайши после встречи с Ваном заявил, что считает необходимым, чтобы все вопросы политики ГМД, включая военные, решались под руководством Вана, как председателя ЦИК ГМД. 6 апреля информация об этих заявлениях была напечатана в "Правде". Но в Москве, судя по всему, не знали, что в это же время Чан Кайши с помощью ряда маневров нейтрализовал "ненадежные" части и принял решение о расправах с коммунистами и разоружении рабочих пикетов Шанхая. 12 апреля он начал эту акцию в Шанхае, а затем удары по КПК и левым гоминьдановцам, по профсоюзам были нанесены в других районах контроля его войск, а также в Гуандуне. 18 апреля Чан объявил о создании

своего национального правительства в Нанкине. Одновременно он выступил с заявлением, в котором наряду с выпадами против КПК, говорилось о намерении продолжить поход на север против милитаристов и стремлении сохранить отношения с СССР, предлагая тем самым Москве новые "правила игры". Ситуация с группировкой Чан Кайши оборачивалась "кемалистским вариантом".

Под контролем Уханьского правительства оставались три провинции в Центре Китая, экономическое положение которых ухудшалось из-за блокады с Востока, Юга и Запада. Все расчеты на продолжение радикального варианта движения теперь связывались с укреплением позиций левых гоминьдановцев и КПК в этих провинциях и на соединении сил Уханя в Северном Китае с войсками Фэн Юйсяна, который поначалу также, как ЦИК ГМД в Ухане, объявил Чан Кайши изменником национальной революции.

В этой обстановке в апреле-мае 1927 г. начался этап ожесточенной борьбы между большинством и оппозицией, в которой вопросы политики в Китае в платформе оппозиции вышли на первое место. В известной мере этому способствовала "завязка" полемики, возникшая в конце марта - начале апреля еще до переворота Чан Кайши.

В марте информация (хотя и весьма неполная) о назревавших столкновениях с Чан Кайши побудила оппозицию, внутри которой шли споры и о целесообразности новых выступлений, и о самой "китайской политике", прийти к промежуточному соглашению по двум вопросам: об отношении к ГМД²⁰ и лозунгу Советов. В то же время между ее лидерами по ряду вопросов по-прежнему сохранялись и значительные расхождения. Теперь в качестве главного аргумента в пользу пересмотра политики оппозиция выдвигала тезис об изначальной "нереволюционности" крупной буржуазии в Китае и, соответственно, предлагала существенно изменить (по сравнению с оценками VII пленума ИККИ) оценки характера ГМД и его правительства: предлагалось признать не только наличие в их составе (в "блоке 4-х классов") буржуазии, но и ее руководящую роль в этом блоке. (К.Радек говорил даже о господстве в национальном правительстве милитаристской "юаньшикаевской клики"). В теории платформа оппозиции представляла, в целом, смесь тактики РСДРП в революции 1905-1907 гг. с элементами тактики большевиков в период от февраля к октябрю 1917 г. На практике этот подход вновь ставил под сомнение всю линию руководства ИККИ с начала Северного похода.

Частично эту позицию изложил К.Радек 18 марта 1927 г. на дискуссию в Комакадемии. Судьба китайской революции, говорил он, решится не в Шанхае, а в Ханькоу в зависимости от исхода классовой борьбы против буржуазии внутри национально-революционного движения, которую он считал необходимым начать немедленно. Генералы Чан Кайши готовятся к решительной борьбе. В этой ситуации, говорилось далее, левый Гоминьдан и компартия должны найти достаточно храбрости и силы, чтобы "прогнать правых и взять руководство движением в свои руки"²¹. Для этого

необходимы немедленное вооружение рабочих и крестьянских отрядов в НРА, проведение аграрной революции, удовлетворение требований рабочих и, прежде всего, независимость КПК и ее борьба "за действительную гегемонию" в революции²².

Представление оппозиции о том, каким образом можно осуществить эти весьма радикальные рекомендации, было изложено в письме Л.Троцкого от 31 марта 1927 г. в Политбюро ЦК ВКП(б), в котором он обосновывал неотложную необходимость создания в Китае Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, ссылаясь на якобы достигнутый высокий уровень массового движения и угрозу "китайского бонапартизма" в связи с преимущественно военной формой революции и преобладанием в командном составе армий буржуазно-помещичьих сил. Советы, которые он рассматривал в это время как органы национально-демократической, а не социалистической революции, по Троцкому, "должны стать и станут органами борьбы за власть или органами власти на местах" и проведения радикальных аграрных преобразований²³. Они будут, писал он, на этом этапе действовать под руководством не одной партии, а блока партий, между которыми в этих советах будет развертываться борьба за низы города и деревни. Л.Троцкий не ставил прямо вопрос о выходе КПК из ГМД, но позиция его была ясна: создание советов, говорилось в письме, "поможет в короткий срок правильно поставить" и вопрос об отношениях между КПК и ГМД²⁴.

4-5 апреля 1927 г. вопросы политики в Китае были вынесены на актив МК ВКП(б), где выступали Н.Бухарин (с основным докладом), И.Сталин, а от оппозиции - К.Радек²⁵. Н.Бухарин доказывал, что в создании советов в Китае в настоящий момент нет необходимости, исходя из того, что роль органов революционно-демократической диктатуры может выполнить реорганизованный ГМД, который, по его мнению, представляет нечто среднее между партией и советами - специфическую политическую организацию, в которой растет роль левых и коммунистов²⁶. И.Сталин поддерживал такой подход с той лишь разницей, что видел в ГМД нечто среднее между партией и революционным парламентом²⁷. Курсу оппозиции на создание двоевластия (органы ГМД - советы) они противопоставляли курс на завоевание ГМД "изнутри", его радикализацию и демократизацию путем введения в состав партии и ее руководства представителей массовых организаций рабочих и крестьян, что в итоге привело бы к гегемонии КПК в ГМД²⁸. "За скобками" в этих рассуждениях оставались расчеты на "давление пролетарского государства", на договоренность с Ван Цзинвэем. К.Радек повторил в своем выступлении оценки ситуации в Китае и в ГМД, в том числе и "предупреждение" о том, что Чан Кайши готовится к решающей схватке. В ответ И.Сталин в своем выступлении говорил о том, что на общенациональном этапе революции необходимо "использовать" буржуазию, ее знания и связи, а затем - ее можно будет отбросить, как выжатый лимон. Может быть, говорил И.Сталин, Чан Кайши не симпатизирует революции, но

он направляет армию, и не может не направлять ее, против империалистов²⁹. Это было сказано перед активом столичной парторганизации за неделю до событий 12 апреля в Шанхае.

Оппозиция попыталась активно использовать эту ситуацию, видимо, рассматривая ее как наиболее благоприятный момент, а возможно, и как последний шанс для выступления. Теперь в ее "активе" были "предупреждения" о планах Чан Кайши, предложения о создании Советов, сделанные еще до переворота и, наконец, сам факт переворота, означавший, хотя и частичное, но тяжелое поражение КПК и неудачу тактики руководства ИККИ. Это поражение оппозиция попыталась представить как очевидное и концентрированное выражение ошибочности всей - и внутренней, и внешней, в том числе и "коминтерновской", политики лидеров большинства.

Основными вехами "очной" полемики, развернувшегося в апреле-мае 1927 г. первого тура последнего этапа борьбы, были Пленум ЦК ВКП(б) (13-16 апреля) и VIII пленум ИККИ (18-30 мая). Основными документами, отразившими позиции сторон, были "Тезисы по китайскому вопросу" Г.Зиновьева, направленные 14 апреля в адрес Пленума ЦК ВКП(б)³⁰, "ответ" на них - тезисы И.Сталина "Вопросы китайской революции", опубликованные в "Правде" 21 апреля 1927 г.³¹, и упоминавшаяся выше новая редакция доклада Н.Бухарина на активе МК ВКП(б), тезисы Л.Троцкого "Китайская революция и тезисы тов.Сталина", направленные 7 мая в адрес Политбюро ЦК ВКП(б) и Президиума ЦКК³². Практически основные положения и аргументы, изложенные в этих документах, повторялись в различных вариациях и с некоторыми добавлениями в выступлениях лидеров большинства Н.Бухарина (доклад и заключительное слово), И.Сталина³³ и представителей оппозиции (Л.Троцкий, В.Вуйович) на VIII пленуме ИККИ.

В выступлениях оппозиции в самой острой форме были поставлены под сомнение и подвергнуты критике и теоретические основы, и основные тактические установки политики руководства ВКП(б) и ИККИ в Китае, начиная с весны - лета 1926 г. Это определило заметное преобладание в спорах и взаимных обвинениях и в апреле-мае, и в дальнейшем обсуждения вопросов не актуального настоящего, а прошлого. При всей важности анализа прошлого для разработки политики на текущем этапе, за этим явно просматривалось стремление лидеров оппозиции "доказать", что нынешние неудачи - это результат того, что ее предложения и предупреждения не были приняты во внимание, выдвинуть в центр обсуждения вопрос "кто виноват?".

Теперь оппозиция выдвигала иные, отличавшиеся от оценок VI-го и VII-го пленумов ИККИ оценки роли буржуазии, характера ГМД, а соответственно, и характера движения, возглавлявшегося этой партией. Г.Зиновьев считал ГМД "мелкобуржуазной партией с буржуазным ядром", сравнивая ее с кемалистской партией в 1920 г., а движение, возглавляемое ею - буржуазно-демократическим по целям и по характеру³⁴. Отсюда

следовало, что поддержка действий, в том числе и военных акций национального правительства, которое, по его оценке, было "орудием в руках генералов", означало поддержку не национально-революционного, а буржуазно-националистического движения, т.е. противоречило известным решениям II Конгресса Коминтерна³⁵. Положение, при котором объединение Китая произошло бы под эгидой китайской буржуазии, выразителем интересов которой считались правые в ГМД, по Зиновьеву, было бы хуже, чем раньше: оно привело бы к соглашению китайской буржуазии, которая становится контрреволюционной, с империализмом, послужило бы упрочению капиталистической стабилизации, развязало руки Англии и приблизило бы время войны империализма против СССР³⁶.

Л.Троцкий (и К.Радек) также утверждали, что буржуазия в Китае играет контрреволюционную роль. По их мнению, гнет империализма не создает условий для единого фронта "4-х классов" в рамках ГМД, а напротив, ведет к соглашению всех слоев буржуазии с империализмом. Выводы ИККИ о том, что почву для единого фронта создает господство феодальных пережитков в Китае, он объявлял "выдумкой Бухарина" ради схемы "блока 4-х классов", считая (как и К.Радек), что в Китае господствуют капиталистические отношения³⁷. По Троцкому, китайская революция является буржуазно-демократической главным образом потому, что развитие китайского капитализма блокируется зависимостью от империализма, отсутствием таможенной автономии³⁸.

Отсюда, по мнению оппозиции, следовало, что курс лидеров большинства на сохранение единого фронта с буржуазией, трактовка ГМД как "блока 4-х классов" и концепция этапов VII пленума ИККИ, это-де "попрание всех принципов марксизма", "старая меньшевистская тактика" в революции 1905 г., только теперь вместо "царизм", писал Л.Троцкий, ставят слово "империализм"³⁹. Используя то обстоятельство, что идею ГМД как "блока 4-х классов" развивал в печати ВКП(б) и ИККИ бывший меньшевик А.Мартынов, представители оппозиции пустили в ход такие ярлыки как "школа Мартынова", "Мартынов - учитель Бухарина и Сталина". Главная ошибка, утверждал Троцкий, это подчинение КПК Гоминьдану, что, в конечном счете, вылилось в ее "подчинение дисциплине Чан Кайши"⁴⁰.

Оппозиция утверждала, что именно она предлагала "ленинский путь борьбы пролетариата с буржуазией за руководство угнетенными массами"⁴¹, а именно - подготовку КПК к выходу из ГМД, ее независимое руководство массовыми организациями и, наконец, создание Советов. В "тезисах" Г.Зиновьева говорилось, что отказ от создания советов есть отход от ленинских тезисов, принятых на II конгрессе, и утверждалось, что трудящиеся Китая, организованные вокруг советов, могли бы дать отпор наступлению "правых" и империализма, получить, выступая под этим лозунгом, широкую международную поддержку трудящихся⁴². Л.Троцкий возлагал на руководство ИККИ ответственность и за переворот Чан Кайши, обвинял его в том, что оно своей политикой вырастило китайских

"Кавеньяков"⁴³. Столь же явное пропагандистское преувеличение содержалось в "заявлении 83-х", направленном в мае в ЦК ВКП(б), в котором утверждалось, что были "все предпосылки для того, чтобы вооружить китайских рабочих" (в первую голову шанхайских и ханькоуских), "все предпосылки победы "китайского 1905 г."⁴⁴.

Отстаивая правильность политики ИККИ, И.Сталин и Н.Бухарин выдвинули несколько измененную (по сравнению с решением VII пленума ИККИ) концепцию этапов китайской революции, подчеркивая, что на первом - общенациональном - этапе буржуазия, выступая против империализма, играла революционную роль и блок с ней был вполне оправдан и отвечал положениям II Конгресса о возможности временных союзов с буржуазной демократией. И.Сталин утверждал, что политика блока означала "использование" буржуазии и включала установку на изоляцию правых в ГМД, а с начала 1927 г., особенно с начала марта - и курс на борьбу с правыми⁴⁵. Признавая, что переворот Чан Кайши означает частичное поражение революции, И.Сталин и Н.Бухарин в качестве доказательства правильности и эффективности политики ИККИ указывали на бурный рост массового движения и КПК за период северного похода, что отражало реальное положение дел. В то же время, принимая желаемое за действительное, они утверждали, что оппозиция преувеличивает степень поражения революционных сил, а главное - не понимает, что переворот Чан Кайши, свидетельствующий об отходе от революции буржуазии, одновременно означает, что революция в Китае переходит на второй, более высокий этап - этап аграрной революции, центром которой становится "очищенный от правых" "революционный ГМД в Ухане", противостоящий буржуазному ГМД правых в Нанкине и феодальным милитаристам Севера страны⁴⁶.

Выступая против предложений оппозиции о создании советов, Н.Бухарин и И.Сталин выдвигали две группы аргументов. Во-первых, защищая курс на радикальную реорганизацию и завоевание ГМД "изнутри", они утверждали, что на новом этапе перспектива превращения ГМД в рабоче-крестьянскую партию, а его правительства - в орган революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства стала еще более реальной. Н.Бухарин развивал свой тезис о том, что в условиях Китая левый ГМД - это такая готовая специфическая форма массовой организации, которая позволяет компартии завоевать его "изнутри" и "снизу"⁴⁷. И.Сталин утверждал, что левый ГМД играет в Китае "приблизительно такую же роль, какую играли Советы в 1905 г. для буржуазно-демократической революции в России"⁴⁸. Во-вторых, Н.Бухарин и особенно И.Сталин в период с апреля и до разрыва единого фронта в июле 1927 г., ссылаясь на тезисы М.Роя, развивал мысль о том, что в странах "типа Китая" Советы могут быть только Советами рабочих и крестьянских депутатов и притом лишь органами восстания и борьбы за власть при перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую. Ссылки Г.Зиновьева и Л.Троцкого на

"Основные тезисы" II Конгресса он отводил, утверждая, что положения о крестьянских Советах в этих тезисах имели в виду наименее развитые страны Востока⁴⁹. Эти весьма произвольные теоретические построения, внесенные во второй половине 1927 г. серьезную путаницу в определение руководством КПК и характера органов власти, и самой революции, в основе своей были связаны как с инерцией принятого ранее курса (с расчетами на превращение Уханя в центр "революционных якобинцев" и на завоевание КПК руководящего положения в этом центре), так со стремлением избежать преждевременных коллизий с уханьцами и на международной арене. Об этом свидетельствовали и другие аргументы И.Сталина и Н.Бухарина против создания Советов: Советы означают двоевластие, а значит - установку на борьбу за власть и свержение революционного правительства, в которое к тому же входили коммунисты; создание Советов дало бы предлог реакции внутри и вне Китая поднять кампанию по поводу "московской советизации" Китая⁵⁰. Предложения оппозиции о создании советов в свете этих соображений представлялись как играющие на руку противнику⁵¹. Поскольку Чан Кайши требовал изгнания коммунистов из ГМД, предложения о выходе (или подготовке к выходу) КПК из ГМД квалифицировались как сдача усиливающихся позиций коммунистов в этой партии, как утрата возможности использовать авторитет и знамя революционного ГМД, что также играло бы на руку врагам революции⁵².

Лидеры оппозиции считали, что курс, предлагавшийся руководством ВКП(б) и ИККИ, отказ от создания Советов чреват опасностью новых поражений⁵³. Г.Зиновьев, поддерживавший до начала полемики идею создания на Востоке рабоче-крестьянских партий, теперь говорил, что эта "установка Сталина" в отношении ГМД означает "поглощение" компартии и противоречит идеям Маркса и Ленина⁵⁴. Но предложения оппозиции - Советы, политика в отношении уханьского ГМД и его оценки были также оторваны от реальности и к тому же - весьма противоречивы. Л.Троцкий, оспаривая оценку Уханя как "революционного центра, очищенного от правых", заявлял, что такой центр еще предстоит создать (путем формирования Советов). Как революционный центр, по его мнению, левый ГМД в своем распоряжении "не имеет ничего или почти ничего"⁵⁵. Г.Зиновьев, напротив, говорил о необходимости "решительной поддержки" Уханя, утверждая при этом, что при "правильной тактике" компартии, "подлинно" левые могут полностью порвать с правыми и создать массовую революционную партию⁵⁶ типа левых эсеров. Признавая, что создание Советов будет означать двоевластие и требуя "полной независимости" КПК, лидеры оппозиции вплоть до конца июня отрицали, что они предлагают выход КПК из ГМД, хотя на практике создание Советов означало бы не только выход КПК (на что рассчитывал Троцкий), но и переход к прямой конфронтации с Уханьским ЦИК ГМД и связанными с ним военными группировками: программа Советов, которую предлагали Г.Зиновьев и

Л.Троцкий, была столь радикальна, что заведомо была неприемлема даже для самых радикальных левых в ГМД⁵⁷.

Осуществление такой программы, рассматривавшееся как внутреннее условие успеха китайской революции, сочеталось в платформе оппозиции с заявлением о том, что китайская революция может победить, только втягивая в революцию другие страны, только втягивая их в "международную революцию". При этом, утверждали лидеры оппозиции, именно переход к борьбе за Советы может обеспечить китайской революции "максимум сочувствия и поддержки у международного пролетариата"⁵⁸. Отражало ли это утверждение "доктринальную веру" в то, что борьба за Советы в Китае "втянет" мир в "международную революцию" или, по меньшей мере, будет способствовать революционизации "международного пролетариата"? Или это был продуманный ход в политической игре, рассчитанный на то, что отказ принять предложения оппозиции (а в этом ее лидеры, по крайней мере Троцкий, почти не сомневались) можно будет использовать как "доказательство" отхода лидеров большинства от идей мировой революции, сдвига "вправо" и т.п.? Во всяком случае оппозиция попыталась активно использовать переворот Чан Кайши для того, чтобы начать дискуссию по крайней мере в руководящих органах ВКП(б) и Коминтерна, по всему кругу дискуссионных проблем, "проецируя" на них вопросы политики в Китае.

В "Тезисах" Г.Зиновьева события в Китае и переворот Чан Кайши сравнивались по значению с событиями в Германии в 1923 г. и предлагалось (как в то время) провести специальное совещание ЦК с представителями местных организаций либо специальный пленум ЦК и международное совещание представителей компартий⁵⁹. Лидеры большинства приняли меры, чтобы не допустить развертывания дискуссии, ссылаясь в том числе и на то, что такая дискуссия может отрицательно сказаться на международном положении СССР и положении КПК. Под этим предлогом на апрельском (1927) пленуме ЦК ВКП(б) была заслушана лишь информация о положении в Китае, тезисы Зиновьева не обсуждались, а обмен мнениями не протоколировался⁶⁰. Со ссылкой на те же причины, в начале мая 1927 г. было принято решение Политбюро не публиковать в открытой печати статей и документов представителей оппозиции, что однако не помешало И.Сталину и Н.Бухарину в открытых публикациях уже в апреле начать критику ее основных предложений. На VIII пленум ИККИ⁶¹, обсуждавший китайский вопрос, не был допущен Г.Зиновьев, ни один из представителей оппозиции не был включен в китайскую комиссию пленума, которую возглавлял П.Тольятти. На пленарных заседаниях при обсуждении китайского вопроса от оппозиции выступали лишь Л.Троцкий и В.Вуйович.

Несмотря на замалчивание и резкое осуждение предложений оппозиции, ход событий в Китае побудил лидеров большинства внести в свои тактические установки определенные изменения, отразившие учет и давление критики "слева" и явное стремление "подстраховать" себя на будущее, на случай неблагоприятного развития событий.

В конце апреля - начале мая был взят курс на форсированную реорганизацию уханьского ГМД в рабоче-крестьянскую партию и орган революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства в духе излагавшихся выше схем Н.Бухарина и И.Сталина. Этот курс нашел отражение в ряде решений V съезда КПК, проходившего в Ухане с 28 апреля по 11 мая⁶². Одновременно КПК было рекомендовано попытаться форсировать радикальное решение аграрного вопроса не только "сверху" - через гоминьдановские органы власти, но и, где возможно, "снизу", явочным путем. В первой половине мая И.Сталин говорил уже о том, что сейчас необходимо выдвинуть лозунг немедленного захвата земли в Китае, что к этому лозунгу в ближайшее время перейдет все крестьянство Китая, полагая при этом, что если Ухань хочет победить, "он должен поддержать аграрно-крестьянскую революцию за захват помещичьих земель"⁶³. Но это был оптимистический прогноз. Даже в районах контроля уханьского правительства все более сказывалось недовольство армии и менее радикальными требованиями крестьянства и мерами властей. Лидеры ГМД в Ухане решительно противились радикализации аграрной политики. В этих условиях V съезд КПК, хотя и принял под давлением представителей ИККИ резолюцию в духе решений его VII пленума, в том числе и установку на национализацию - в перспективе - всей земли, но в качестве ближайшего требования ограничился лозунгом "политической конфискации".

Давление "слева" и стремление лидеров большинства обезопасить свой "левый" фланг еще более отчетливо отразили решения VIII пленума ИККИ.

Дискуссия на VIII пленуме, проходившая в крайне резкой форме, не внесла принципиально нового в обоснование "китайской политики", предлагавшейся сторонами после 12 апреля. Но принятая пленумом резолюция, несмотря на осуждение в ней платформы оппозиции, зафиксировала серьезный сдвиг "влево" и в позиции лидеров большинства. Наряду с установками на "более быструю реорганизацию" ГМД в широкую, "действительно выборную, действительно массовую и действительно революционно-демократическую организацию"⁶⁴, в резолюции, включающей конфискацию и национализацию земли. "Основным, - говорилось в документе, - является в настоящее время "плебейское" революционное разрешение аграрного вопроса... снизу. При этом компартия должна становиться во главе движения и руководить им". Внутри правительства ГМД КПК рекомендовалось проводить политику, которая будет способствовать "развязыванию" аграрной революции "сверху". Только на этой основе, говорилось далее, "возможно создание действительно надежных частей и реорганизация всей армии на твердой революционной основе"⁶⁵.

В телеграфной директиве ИККИ КПК по итогам пленума явно проявилось стремление подготовить "резервные позиции" на случай поражения (к этому времени руководство ИККИ располагало информацией о первых мятежах в армии Уханя). В ней говорилось о необходимости "фактического взятия земли снизу", "освежения и пополнения" верхушки

ГМД новыми лидерами, выдвинувшими в аграрной революции, предлагалось "начать теперь же организацию восьми или десяти дивизий из революционных крестьян с абсолютно надежным комсоставом", т.е. организовать "пока не поздно, свою надежную армию", а для подавления контрреволюционного офицерства - трибунал во главе с видными гоминьдановцами - не коммунистами". Директива заканчивалась словами": Если гоминьдановцы не научатся быть революционными якобинцами, они погибнут и для народа, и для революции"⁶⁶.

В качестве "военно-политической стратегии" КПК предлагалась поддержка военных действий частей Уханя, продвигавшихся в это время на север - на соединение с армией Фэн Юйсяна, и "углубление" аграрной революции в районах контроля уханьского правительства, в Гуандуне, а также ведение работы по разложению тыла и армий Чан Кайши⁶⁷. В резолюцию VIII пленума вошла позиция И.Сталина в отношении Советов (создание лишь на этапе перехода к социалистической революции). Предложениям оппозиции о подготовке КПК к выходу из ГМД противопоставлялась установка на завоевание КПК гегемонии "внутри" ГМД⁶⁸.

Считая эту резолюцию ошибочной, Л.Троцкий выдвинул свой проект (отвергнутый пленумом). В нем предлагалось: "рабочим и крестьянам не верить вождям левого ГМД, а строить свои Советы, объединяясь с солдатами; Советам вооружать рабочих и передовых крестьян; компартии обеспечивать свою самостоятельность, создать ежедневную печать, руководить созданием Советов; земли у помещиков отобрать немедленно; с изменяющими генералами и контрреволюционерами справляться на месте; немедленно упразднить реакционную бюрократию"⁶⁹. Не трудно заметить, что за исключением лозунга Советов директива ИККИ КПК практически совпадала с предложениями оппозиции.

Обе стороны утверждали, что речь идет о двух "принципиально различных линиях - "правильной" и "ошибочной". В действительности оба тактических курса были левацкими и, при всех различиях, в них было много общего, причем после переворота Чан Кайши сходство платформ усиливалось в результате новых сдвигов "влево" в установках И.Сталина и Н.Бухарина. Лидеры большинства явно переоценили возможности превращения Уханя "в центр аграрной революции", а левого ГМД - в партию "революционных якобинцев". Оппозиция фетишизировала возможности создания Советов, рассчитывая, что так же, как в России в 1905 и в период от февраля к октябрю 1917 г., они и в Китае могут стать центрами революционной власти, организации масс, базой создания революционной армии и средством разложения армий противника. Ход событий показал, что в условиях Китая не органы типа Советов могут создавать революционную армию и проводить радикальную аграрную политику, а, наоборот, лишь армия может создавать органы власти (и притом иного типа, чем советы - типа ревкомов), что радикальные преобразования в деревне эти органы могут проводить, опираясь

на средства военно-политического контроля, как правило, "сверху"⁷⁰. При всех различиях общим (и ошибочным) в позициях сторон был расчет на перевод движения на более высокий этап уже на этой стадии, связанный с переоценкой уровня массового движения, возможностей КПК, в основе которых лежало представление, что локальные акты захвата земли в отдельных районах Китая - это предвестники мощного "плебейско-крестьянского" потока, способного (как в России в 1917 г.) в короткое время захлестнуть весь Китай.

Общим для сторон после переворота Чан Кайши стали и левая оценка роли буржуазии в национально-освободительном движении, и "программный" вывод о том, что задачи национально-освободительной буржуазно-демократической по характеру революции в Китае (вскоре этот вывод был распространен и на другие страны Востока) могут быть разрешены лишь в борьбе против "контрреволюционной буржуазии". Эти выводы, впервые закрепленные в решениях VIII пленума ИККИ, а также тезис о том, что движение в Китае вступило в этап аграрной революции означали новый сдвиг "влево" в политике ИККИ и ВКП(б) на Востоке, ставший важным элементом общего поворота "влево" в политике Коминтерна в конце 1927 - начале 1928 гг.

Применительно к Китаю этот сдвиг завершило выдвижение И.Сталиным и Н.Бухариным в ходе борьбы с оппозицией в июле-августе 1927 г. - уже после разрыва уханьским ГМД единого фронта с КПК⁷¹ - концепции "трех этапов" китайской революции. Концепция появилась на свет для объяснения и оправдания прежней тактической линии, а также в качестве новой платформы КПК, начавшей в августе-сентябре 1927 г. в поисках выхода из кризиса серию вооруженных выступлений (Наньчанское восстание, "восстания осеннего уровня" и др.), кульминацией которых было восстание в Гуанчжоу ("кантонская коммуна") в декабре 1927 г.⁷²

Вплоть до конца августа - начала сентября И.Сталин и Н.Бухарин теперь еще более явно в силу инерции "логики" борьбы с оппозицией, выступали за использование авторитета ГМД - теперь "революционного ГМД", который, как они рассчитывали, КПК сможет создать вместе с небольшой группой лидеров левых, выступавшей против разрыва отношений с КПК. Именно под этим знаменем начиналось Наньчанское восстание. Но ход событий вскоре показал, что собрать сколько-нибудь значительные силы ГМД под этим лозунгом невозможно. Видимо, И.Сталин и Н.Бухарин уже в июле понимали бесперспективность этой идеи. Во всяком случае в период июльско-августовского (1927) объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) были сделаны первые шаги "идеологической подготовки" для выдвижения лозунга Советов. Необходимость такой подготовки была ясна: ведь это означало переход на позиции, которые еще недавно столь резко порицались. В конце июля (накануне Наньчанского восстания) И.Сталин поставил вопрос о возможности выдвижения лозунга Советов пока как лозунга пропаганды, ссылаясь при этом на "третий тактический принцип ленинизма" - о порядке

и способах смены лозунгов. Смысл его рассуждений на эту тему сводился к тому, что выдвижение лозунга Советов в апреле-мае было "опасным забеганием вперед", проявлением авантюризма оппозиции, а теперь этот лозунг будет понятен массам⁷³. Но при этом, выступая на пленуме (5 августа), Сталин вновь повторил свой тезис о том, что созданию крестьянских Советов в Китае должно предшествовать создание "классовых Советов рабочего класса"⁷⁴.

В этих же заметках⁷⁵, а затем в выступлении на пленуме, И.Сталин развернул концепцию трех этапов китайской революции: "кантонского" - общенационального, на котором движущими силами революции был блок рабочих, крестьян и мелкобуржуазной интеллигенции, и, наконец, третьего этапа - советской революции ("которой еще нет, но которая наступит"), когда союзниками пролетариата будут крестьянство и городская беднота⁷⁶. При этом отход от революции сначала буржуазии, а затем "мелкобуржуазной интеллигенции", а также переход нерешенных задач предыдущих этапов в "наследство" последующим представлялись не как ослабление, а, напротив, как усиление лагеря революции, как "плюс" для грядущего советского этапа, на который, как полагал И.Сталин, перейдут нерешенные аграрные и антиимпериалистические задачи двух предыдущих этапов⁷⁷. Получалось, что характер этапов определяется не их объективным содержанием, а лишь составом сил, остающихся в лагере революции. Это, а также "перегрузка" последующих этапов задачами предыдущих сближали эту схему с концепцией перманентной революции, к которой в сентябре 1927 г. фактически вновь обратился Л.Троцкий⁷⁸.

Видимо, сознавая, что такое определение задач "третьего этапа" в сочетании со сталинским определением Советов слишком напоминает платформу Троцкого, руководство ИККИ дало разъяснения в печати, что Советы в Китае будут не органами диктатуры пролетариата, а органами революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, решающими задачи антиимпериалистической и антифеодальной революций⁷⁹.

Но постановка вопроса о переходе к пропаганде лозунга Советов в документах ИККИ в конце июля - начале августа и директива, направленная КПК в первой половине сентября (по другим данным - в 20-х числах августа) о подготовке к организации Советов, на основе которой 19 сентября ЦК КПК принял соответствующее постановление, для руководства и кадров КПК означали (в соответствии с трактовкой Советов в решениях VIII пленума ИККИ и выступлениях И.Сталина), что революция в Китае, во-первых, переживает новый подъем, а во-вторых, что она перерастает в социалистическую. Так понимал концепцию трех этапов и лозунг создания Советов и новый представитель ИККИ в КПК Б.Ломинадзе, который на одном из заседаний ЦК КПК заявил, что революция "уже переросла"⁸⁰. Эти оценки, подталкивавшие и без того серьезные "левые" настроения нового эшелона руководителей КПК, сменившего прежнее руководство партии во главе с Чэнь Дусю⁸¹, стали еще одним из источников левацких установок,

под которыми осенью-зимой 1927 г. прошла волна путчистских выступлений, организованных КПК.

В начале 1928 г. на IX пленуме ИККИ была дана более реальная оценка ситуации ("спад первой революционной волны"), осуждены левацко-путчистские установки. ИККИ взял на себя и ответственность за позицию своего представителя⁸². Но возникшая в ходе борьбы с оппозицией оценка роли национальной буржуазии, определение основного содержания революции как аграрной и лозунг борьбы за советы вместе с концепцией трех этапов вошли в 1928 г. в программные документы VI Конгресса Коминтерна и VI съезда КПК, став теоретической основой лево-сектантского курса Коминтерна в Китае (и на Востоке в целом) в период от VI до VII Конгрессов. Было бы, понятно, упрощением объяснить сдвиг "влево" руководства ВКП(б) и ИККИ весной-летом 1927 г. лишь давлением оппозиции. В этом сказалась и реакция на ход событий в Китае с позиций самих лидеров большинства, которых, при всех различиях, объединяла с оппозицией и общность теоретического багажа и опыта - опыта российских революций.

Другим - "побочным" - результатом этой борьбы стало выдвижение в программных документах ВКП(б) тезиса о неизбежности империалистической интервенции против СССР, сыгравшего столь печально известную роль в повороте "влево" во внутренней политике страны, в обосновании форсированной индустриализации и коллективизации. Тезис о резком нарастании опасности войны, впервые выдвинутый в апреле 1927 г. Г.Зиновьевым, оппозиция "доказывала" ссылками на то, что поражение китайской революции в результате ошибочной политики лидеров большинства, "развяжет руки Англии" и другим державам для организации нападения на СССР⁸³, т.е. с точки зрения оппозиции, этот тезис с особой ясностью мог показать ошибочность политики И.Сталина и Н.Бухарина. Лидеры большинства, со своей стороны, использовали его для того, чтобы подчеркнуть опасность и даже преступность фракционных выступлений оппозиции перед лицом внешней угрозы, что нашло, в частности, отражение в известном заявлении И.Сталина (именно при обсуждении китайского вопроса) на VIII пленуме ИККИ о том, что "создается нечто вроде единого фронта от Чемберлена до Троцкого"⁸⁴. На июльско-августовском (1927 г.) пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), где центральными были вопросы о военной опасности и о Китае, а вывод о неизбежности близкой войны империализма против СССР вошел в резолюцию, лидеры большинства и оппозиции обвиняли друг друга в недостаточной категоричности формулировки этого тезиса в выступлениях и документах представителей сторон⁸⁵.

Борьба по вопросам китайской политики в ВКП(б) и Коминтерне имела и другие последствия. Она внесла в обсуждение связанных с Китаем проблем политики и науки приемы политического шельмования, навешивания ярлыков, затормозила, а с началом репрессий против действительных и мнимых сторонников оппозиций полностью остановила

разработку концепций либо выводов, которые ставили под сомнение даже отдельные положения сталинской схемы. Серьезное негативное влияние оказала эта борьба и на последующее развитие КПК: влияние схем Л.Троцкого и И.Сталина сказывались на позициях ряда группировок в партии и в дальнейшем. Но это уже другая тема.

-
- ¹ Коммунистический Интернационал и китайская революция: Документы и материалы. - М., 1986. - С. 91.
 - ² Там же. В этом отразилась разработка в ИККИ в этот период (особенно в выступлениях Н.Бухарина) концепции "полуфеодально-полуколониального строя" в Китае.
 - ³ Там же. - С. 93.
 - ⁴ Там же. - С. 99.
 - ⁵ Там же. - С. 92-94.
 - ⁶ Там же. - С. 94.
 - ⁷ См.: И.В.Сталин. Беседа со студентами Университета им. Сунь Ятсена. Сталин И.В. Сочинения. - М., 1948. - Т. 9. - С. 256-258.
 - ⁸ Коммунистический Интернационал и китайская революция. - С. 94.
 - ⁹ Там же. - С. 92, 95-98.
 - ¹⁰ Там же. - С. 97-98.
 - ¹¹ И.В.Сталин. Сочинения. - Т. 8. - С. 367-369.
 - ¹² Руководствуясь этими соображениями, ИККИ в конце октября 1926 г. направил в Китай директиву, в которой рекомендовал контролировать требования крестьянства с учетом реакции армии.
 - ¹³ Там же. - С. 99.
 - ¹⁴ И.В.Сталин. Сочинения. - Т. 8. - С. 363-364.
 - ¹⁵ "Кантонское правительство, - говорилось в резолюции пленума, - не сможет удержаться у власти в революции, не сможет добиться полной победы над иностранным империализмом и туземной реакцией, пока дело национального освобождения не будет отождествляться с аграрной революцией" (Коммунистический Интернационал и китайская революция. - С. 96-97).
 - ¹⁶ О массовом движении в Китае в этот период см.: Новейшая история Китая. - С. 251-264.
 - ¹⁷ Приказ был вручен коммунисту Линь Боцзюю - политкомиссару одного из основных корпусов армии Чан Кайши, командир которого был связан с уханьскими левыми. (См. Биография Линь Боцзюя. - Пекин, 1986. - С. 127 (на кит.яз.); Чжан Гогао. Мои воспоминания. - Сянган, 1972. - Т. 2. - С. 192 (на кит.яз.).
 - ¹⁸ В письме В.Молотову (от 24 июня 1927 г.) И.Сталин писал, что 3-4 млн. можно было бы теперь же послать в счет 10 млн., а вопрос о 1,5 млн. отложить (РЦХИДНИ. Специальная коллекция).
 - ¹⁹ О характере заверений Вана можно составить представление на основе высказываний руководителя шанхайской организации КПК после приезда

- Ван Цзинвэя: "Позиция Ван Цзинвэя очень хорошая, взгляды - очень стабильные, он может сотрудничать с КПК вплоть до построения социализма, он полностью одобряет указания нам со стороны Коминтерна" (Цит. по: Шанхай дасюэ сикэбао. - 1988. - N 1. - С. 112 (на кит.яз.).
- 20 "В 1926-1927 гг., - писал позднее Л.Троцкий, - у меня были постоянные столкновения с Зиновьевым по этому вопросу (об отношении к ГМД. - А.Г.). Два или три раза дело доходило до разрыва..., но поскольку это был вопрос разрыва с зиновьевцами, было общее решение, чтобы я подчинился в политике по этому вопросу общему решению...". (Leon Trotsky on China. P. 490-491.)
- 21 РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 166, д. 191, л. 29.
- 22 Там же.
- 23 Коммунистическая оппозиция. - Т. 2. - С. 224-225.
- 24 Там же. - С. 226.
- 25 Выступления И.Сталина и К.Радека не публиковались и нами пока не обнаружены. Изложение основных положений и некоторые выдержки из выступлений на активе приводились позднее в выступлениях в ходе дискуссии. Доклад Н.Бухарина в новой редакции был опубликован в "Правде" 19 и 20 апреля 1927 г. и вышел отдельной брошюрой (Основные проблемы китайской революции. - М., 1927).
- 26 РЦХИДНИ. Ф. 324, оп. 1, д. 353.
- 27 Там же, д. 350, л. 40.
- 28 Н.Бухарин. Основные проблемы китайской революции. - М., 1927. - С. 52-53.
- 29 РЦХИДНИ. Ф. 495, оп. 166, д. 191, л. 31-32.
- 30 РЦХИДНИ. Ф. 17, оп. 2, д. 284 (далее: Г.Зиновьев. Тезисы...)
- 31 И.В.Сталин. Сочинения. - Т. 9. - С. 221-230.
- 32 Л.Троцкий. Китайская революция... - С. 158-196.
- 33 И.В.Сталин. Революция в Китае и задачи Коминтерна. Сочинения. - Т. 9. - С. 282-312.
- 34 Г.Зиновьев. Тезисы по китайскому вопросу. (Письмо в Политбюро ЦК ВКП(б) от 13.04.1917. РЦХИДНИ. Ф. 17, оп. 2. - С. 49-51. Троцкий полагал, что ввиду роли буржуазии в ГМД ее следует считать буржуазной партией. (Л.Троцкий. Китайская революция... - С. 178).
- 35 Там же. - С. 42.
- 36 Там же. - С. 50.
- 37 Л.Троцкий. Китайская революция... - С. 159-160.
- 38 Там же. - С. 163.
- 39 Там же. - С. 166.
- 40 Там же. - С. 168.
- 41 Там же. - С. 168.
- 42 Г.Зиновьев. Тезисы... - С. 44-45; 55.
- 43 Л.Троцкий. Китайская революция... - С. 170.
- 44 Коммунистическая оппозиция. - Т. 3. - С. 61.
- 45 И.Сталин. Вопросы китайской революции. - С. 223-225.
- 46 И.Сталин. Вопросы китайской революции. - С. 226.
- 47 Н.Бухарин. Основные проблемы китайской революции. - С. 52.
- 48 И.Сталин. Революция в Китае и задачи Коминтерна. - С. 302.
- 49 И.Сталин. Вопросы китайской революции. - С. 228-229; его же. К вопросам

- китайской революции. Соч. - Т. 9. - С. 232-238; его же. Революция в Китае и задачи Коминтерна. - С. 296-297.
- 50 И.Сталин. Вопросы китайской революции. - С. 229. Судя по письму Л.Троцкого в Политбюро ЦК ВКП(б) от 16 апреля 1927 г. И.Сталин на апрельском пленуме ЦК ВКП(б) говорил и о том, что ЦИК ГМД не согласится на создание Советов.
- 51 Там же. Последний аргумент против создания Советов Троцкий связывал с курсом на строительство социализма в одной стране: в стремлении уйти от обвинений в "московской советизации" он усматривал проявление сдвига "вправо", "боязнь интервенции и непонимание", что остановить интервенцию и в Китае, и против СССР может лишь углубление революции и "растягивание советского фронта" (Л.Троцкий. Китайская революция... - С. 179. См. также его письмо от 17 мая 1927 г. Н.К.Крупской. Коммунистическая оппозиция. - Т. 3. - С. 58.)
- 52 И.Сталин. Вопросы китайской революции. - С. 230.
- 53 Политику завоевания ГМД "изнутри" и расчеты на использование отдельных лидеров ГМД и военных Троцкий называл свойственным И.Сталину "аппаратным подходом" к политическим проблемам, политикой "верхушечных комбинаций" (Л.Троцкий. Китайская революция... - С. 158).
- 54 Г.Зиновьев. Тезисы... - С. 53.
- 55 Л.Троцкий. Китайская революция ... - С. 177.
- 56 Г.Зиновьев. Тезисы... - С. 52.
- 57 Она включала требования национализации земли, (которое предлагалось "истолковать по-большевистски"), "подлинную аграрную революцию (а не только реформу)", т.е. полное освобождение крестьянства от арендных платежей и задолженности, национализацию ж.д., конфискацию китайской средней и мелкой промышленности и банков, 8-часовой рабочий день, "создание регулярной подлинно Красной армии..., руководимой рабочими (а не кадровым офицерством)", вооружение рабочих и т.п. (Г.Зиновьев. Тезисы... - С. 54).
- 58 Г.Зиновьев. Тезисы... - С. 55.
- 59 Там же. - С. 43. 20 апреля 1927 г. Зиновьев и Троцкий вновь обратились в Политбюро ЦК ВКП(б) с предложением провести закрытый пленум ЦК и ЦИК. - Коммунистическая оппозиция. - Т. 2. - С. 233.
- 60 РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 2, д. 284. С. 40.
- 61 Это был единственный пленум ИККИ, стенограммы которого в нашей стране не публиковались. В 1928 г. в Гамбурге на немецком языке были опубликованы (в сокращении) стенограммы основных докладов и выступлений по китайскому вопросу. Перевод этих материалов был издан в КИП в сб. Документы и материалы Коминтерна по проблемам китайской революции. - Пекин. 1990. - Т. 3.
- 62 Подробно о V съезде КПК и его решениях см.: В.И.Глунин. Коммунистическая партия Китая накануне и во время национальной революции (1921-1927 гг.). - М., 1975. - Т.т. I и II. - С. 258-269.
- 63 И.Сталин. Беседа со студентами университета им. Сунь Ятсена (13 мая 1927 г.). - И.Сталин. Соч. - Т. 9. - С. 259.
- 64 Коммунистический Интернационал и китайская революция. - С. 127.

- 65 Там же. - С. 124.
- 66 Там же. - С. 133-134.
- 67 Там же. - С. 132.
- 68 Там же. - С. 126.
- 69 Коммунистическая оппозиция. - Т. 3. - С. 73-74; Т. 4. - С. 37.
- 70 Подробно об этом см.: А.М.Григорьев. Революционное движение в Китае. - М., 1980. - С. 142-148.
- 71 О событиях этого критического периода революции 1925-1927 гг. см.: Новейшая история Китая. - С. 284-308.
- 72 О ходе этих выступлений см.: А.М.Григорьев. Революционное движение в Китае. - С. 16-48.
- 73 И.Сталин. Заметки на современные темы. И.Сталин. Сочинения. - Т. 9. - С. 348-351, 358-359.
- 74 И.В.Сталин. Сочинения. - Т. 10. - С. 67.
- 75 Там же. - С. 340-348.
- 76 И.Сталин. Международное положение и оборона СССР (Речь 1 августа). И.Сталин. Сочинения. - Т. 10. - С. 10, 14-15.
- 77 И.Сталин. Сочинения. - Т. 9. - С. 346; - Т. 10. - С. 25-26.
- 78 17 сентября 1927 г., направляя Г.Зиновьеву тезисы о новом этапе китайской революции, Троцкий подчеркивал, что "центром тяжести" документа является вопрос о замене лозунга диктатуры пролетариата и крестьянства лозунгом диктатуры пролетариата (Коммунистическая оппозиция. - Т. 4. - С. 177). Позднее Л.Троцкий писал, что уже после мая 1927 г. он считал необходимым для Китая лозунг диктатуры пролетариата в духе теории перманентной революции.
- 79 Задачи китайской революции. Правда. - 1927. - 30 сентября. (редакционная статья); На трудном перевале - от гоминьдана к Советам. Коммунистический Интернационал. - М., 1927. - N 41.
- 80 См.: А.М.Григорьев. Цит. соч. - С. 37.
- 81 Оно было обвинено в "правом уклоне" и "отказе" выполнить невыполнимые директивы VIII пленума ИККИ.
- 82 Коммунистический Интернационал и китайская революция. - С. 146-147; 149.
- 83 Г.Зиновьев. Тезисы... - С. 54.
- 84 И.В.Сталин. Сочинения. - Т. 9. - С. 311.
- 85 См.: И.В.Сталин. Сочинения. - Т. 10. - С. 46-48.

В последние годы в Китае заметно усилилось внимание к изучению истории Китайской Народной Республики. Если раньше история КНР рассматривалась практически как история КПК в эти годы, то сейчас она вычленилась в отдельное направление, хотя большинство китайских ученых, пишущих по истории КНР, являются исследователями истории КПК. В ряде вузов страны курс истории КНР введен в учебный процесс вместо курса истории КПК.

В последние годы в Китае от издания различных очерков по истории КПК стали переходить к выпуску книг, посвященных отдельным периодам истории КНР. Наиболее интересные из них - серия из четырех книг, выпущенных к 40-летию КНР Хэнаньским издательством "Жэньминь чубаньшэ" (Линь Гайхуэй "Воспеваем время движения вперед" (1949-1956); Цун Цзинь. "Период зигзагообразного развития" (1956-1966); Ван Няньи. "Время больших беспорядков" (1966-1976); Ван Хунмо "Путь реформ и открытости" (1976-1989), книга Гао Гао и Янь Цзяци "Десятилетняя история "Великой культурной революции" 1966-1976" (Тяньцзинь, 1986), сборник статей по "культурной революции", изданный в Пекине в 1987 г. под названием "Комментарии через десять лет", книга преподавателя Народного университета Чэнь Минсяня "Сорок лет нового Китая" (Пекин, 1989), сборник статей "Поздний Мао Цзедун" (Пекин, 1989) с предисловием Ли Жуя, работа Ли Кэ и Хао Шэнчжэна "Народно-освободительная армия в "великой культурной революции" (Пекин, 1989), выпущенные Хэнаньским издательством, книги молодых авторов - Се Чуньтао "Бурный водоворот "большого скачка" (1990) и Ду Фу "Историческое исследование левацкого идейного течения" (1992). Привлекает внимание "Хроника нового Китая 1949-1989" под редакцией Ляо Гайлуна, изданная в 1989 г. "Жэньминь чубаньшэ".

Для изучения истории КНР большую помощь может оказать многотомный сборник документов под названием "Рукописи Мао Цзедуна, начиная с основания государства", издание которого началось в 1987 г. К концу 1992 г. издано уже 7 томов, охватывающих период до 1958 г.

В последнее время в КНР стали появляться учебники по истории Китая, охватывающие время начиная с древности по вторую половину 80-х годов XX в. Примером подобных изданий может служить двухтомный "Краткий курс истории Китая" под редакцией профессора Нанкайского университета Вэй Хунъюня, выпущенный в свет в конце 1992 г. издательством "Высшее образование".

Усов Виктор Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИДВ РАН.

Заметно повышение интереса у китайских историков к зарубежной литературе по истории КНР. В беседе с автором данной статьи в Институте современного Китая его сотрудники отмечали, что они пока слабо знакомы с зарубежными исследованиями по истории КНР 60-70-х гг., многие работы отсутствуют в библиотеке института. Поэтому для устранения этого пробела стали переводиться и издаваться серьезные фундаментальные зарубежные работы. Здесь можно отметить в качестве примеров перевод таких книг, как двухтомник Р. Макфаркуара "The origins of the Cultural Revolution. 1. Contradictions among the People 1956-1957 (издана в 1974 г.). 2. The Great Leap Forward 1958-1960 (издана в 1983 г.)". Китайский вариант книги вышел в 1989 г. в Хэбэе; 15-й том "Кембриджской истории Китая: КНР в 1965-1982" (The Cambridge History of China. Vol. 15: The People's Republic. Part 2: The Revolution within the Revolution 1966-1982), изданный на Западе в 1991 г., уже в 1992 г. вышел на китайском языке в 2-х томах в Шанхае.

Создание Ассоциации истории Китайской Народной Республики

Идея создания Ассоциации истории КНР родилась в начале 1990 г. В июне был создан научно-исследовательский Институт современного Китая во главе с Дэн Лицюнем. После этого Ян Шанкунь, Ху Цяому, Бо Ибо и Дэн Лицюнь обратились с письмом к Цзян Цзэминю и другим членам Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, предлагая создать Ассоциацию. Эту идею поддержал и Ли Пэн, заявив, что он "в принципе согласен".

2 марта 1991 г. канцелярии ЦК КПК и Госсовета поддержали создание Ассоциации, начал работать подготовительный комитет.

В августе в Институте современного Китая было проведено рабочее совещание, посвященное созданию Ассоциации истории КНР. Дэн Лицюнь выступил с докладом, обрисовав направление работы Ассоциации, рамки ее деятельности. Было принято решение сформировать руководящую и подготовительную группы по созданию Ассоциации. Руководителем первой из них стал главный редактор журнала "Цюши" Ю Линь. В группу вошли также руководящие сотрудники Института современного Китая Чжань Ю, Лю Чжунхай, Цзя Жифэй и заместитель председателя ученого совета института Цзинь Лундэ. В подготовительную группу вошли Ван Жуаньчэнь - начальник канцелярии института и Го Течэн - работник канцелярии.

После завершения подготовительной работы в начале сентября группа обратилась к соответствующим органам Академии общественных наук Китая с предложением о регистрации Ассоциации, а затем уже в министерство внутренних дел. Получив официальное разрешение группа выполнила все формальности по регистрации Ассоциации, сформировала ее руководящие органы: секретариат, канцелярию, подобрала начальника секретариата, его

заместителя, создала научный отдел, отдел по связям, отдел информации, издательский отдел, административно-хозяйственные службы, группу научного обмена, службу по зарубежным связям, издательство и редакцию. Помимо этого был подготовлен проект Устава новой организации, проведена работа по подбору делегатов на учредительную конференцию, подбору кандидатов в постоянный комитет совета Ассоциации.

Для координации работы в области изучения и пропаганды истории КНР в декабре 1992 г. была официально создана Ассоциация истории Китайской Народной Республики. С 8 по 10 декабря в Пекине прошло первое заседание совета ассоциации. Свои поздравления по случаю ее создания направили заместитель председателя КНР Ван Чжэнь и заместитель председателя постоянного комитета ВСНП Ни Чжифу, а на церемонии открытия первого заседания присутствовал другой заместитель председателя постоянного комитета ВСНП Чэнь Мухуа. С докладом на заседании выступил заместитель руководителя руководящей группы по изучению истории КПК Дэн Лицунь: На заседании присутствовало 152 человека: ученые - специалисты по современной истории Китая, ответственные работники заинтересованных ведомств ЦК КПК, Госсовета КНР и исследовательских учреждений провинциального уровня, занимающихся изучением истории страны.

Совещание после обсуждения приняло "Устав Ассоциации истории Китайской Народной Республики" и "Положение об экономической работе и финансах". В Уставе зафиксировано, что высшие органы Ассоциации избираются на ее съездах, которые собираются раз в три года; на съезде же формируются руководящие органы Ассоциации. Совет Ассоциации, в состав которого избирается председатель, его заместитель и начальник секретариата, собирается один раз в год. Председатель может приглашать почетного председателя, советников и заместителей начальника секретариата. В Уставе зафиксировано, что Ассоциация может сокращенно называться "Ассоциацией истории современного Китая" и имеет следующий английский эквивалент: The Association of the People's Republic of China (AHPRC) либо The Association of the History of Contemporary China (AHCC).

Совещание обратилось с просьбой к Ван Чжэню стать почетным председателем ассоциации. Был сформирован постоянный комитет совета ассоциации, ее председателем стал Дэн Лицунь, заместителем - Ма Хун.

Совещание проанализировало и подвело итоги исследовательской работы по современной истории Китая за последние 10 лет, наметило планы работы на ближайшее будущее и стоящие перед ассоциацией задачи.

В выступлении Дэн Лицуня было отмечено, что в ноябре 1982 г. ЦК КПК было принято решение о создании специальной редколлегии по выпуску серии книг под общим названием "Современный Китай". Первоначально планировалось выпустить 18 книг этой серии, однако к сегодняшнему дню уже выпущено 102 тома и планируется завершить издание к 1994 г., выпустив к тому времени около 150 томов в 200 с лишним книгах. В 1983 г.

уже была подготовлена, а в 1984 г. издана книга "Реформа экономической системы в современном Китае".

К концу прошлого года Институт современного Китая подвел итоги конкурса работ по истории КНР и наградил премиями в 20 тыс. юаней авторов трёх работ: "Тибет в современном Китае" (издана в 1991), "Военная работа в армии современного Китая" (1989) и "Сельское хозяйство в современном Китае" (1992). Все эти исследования вышли в серии "Современный Китай".

Задачи Ассоциации

Одной из важнейших задач ассоциации является вовлечение новых членов. По Уставу ассоциации ее членами могут быть как коллективы, так и индивидуальные граждане.

Вторая задача - это создание собственных органов печати. Был учрежден открытый журнал "Исследование современного Китая" ("Дандай Чжунго яньцзю"), выходящий раз в два месяца. В нем помещаются материалы, отражающие различные точки зрения ученых на современную историю, важнейшие документальные исторические материалы, специальные китайские и зарубежные исследования, обзорные статьи, биографии и воспоминания.

В закрытом квартальном журнале "Исследовательские материалы по изучению истории страны" ("Гоши яньцзю цанькао цзыляо") публикуются важнейшие исторические материалы и статьи закрытого характера, точки зрения зарубежных и китайских ученых на историю КНР, дискуссионные статьи по современной истории Китая.

В ежемесячном закрытом журнале "Научные сообщения по истории государства" ("Гоши яньцзю тунсюнь") публикуются указания руководящих органов ЦК КПК, относящиеся к истории КНР, материалы по научной деятельности различных учреждений, занимающихся исследованиями этих проблем, информация о новых взглядах на историю страны, сообщения о работе местных учреждений, рецензии на работы по истории КНР.

Еще до создания ассоциации с 1983 г. в КНР начали готовить специальную серию под общим заглавием "Биографии деятелей современного Китая". В первую очередь было решено подготовить биографии 8 китайских маршалов (биография маршала Чжу Дэ уже была выпущена издательством "Чжунгун вэньсянь чубаньшэ"). К концу года было издано еще 4 книги. Серию планируется закончить в 1993 г. Будет также издана биография Чжан Вэньтяня и, возможно, Ван Цзясяна.

Канцелярией Госсовета и Институтом современного Китая была создана специальная группа для подготовки работы "Хроника важнейших акций Центрального народного правительства КНР". Уже подготовлены

макеты двух томов, охватывающие период 1949-1954 гг. Первоначально планировалось хронологически закончить эту серию смертью Чжоу Эньлая, но затем было принято решение продолжить ее дальше. Под руководством ответственного сотрудника Института современного Китая, профессора Сюй Дашэня был организован коллектив из сотрудников Института современного Китая, Центральной партийной школы, Народного университета, Кабинета по изучению истории партии для написания многотомной "Хроники Китайской Народной Республики". Ее издание намечено на 1993 г.

Ассоциация планирует принять активное участие в праздновании 100-летия со дня рождения Мао Цзэдуна, которое состоится в декабре 1993 г.

Институт современного Китая

В июле 1990 г. был создан Институт современного Китая, повседневная работа которого направляется Академией общественных наук Китая. Главным направлением работы института по решению ЦК КПК является написание истории КНР. Институт отвечает за организацию, координацию и продвижение работы министерств и ведомств по всей стране, отдельных районов по изучению истории КНР. В институте работает 80 сотрудников, из них 20 научных сотрудников, 15 младших научных сотрудников. Пять отделов института сформированы по хронологическому принципу. 1-й отдел изучает историю КНР в период с сентября 1949 г. по сентябрь 1956 г. (заведующий Тянь Цзюйцзянь); 2-й отдел - с сентября 1956 по май 1966 г. (заведующий Цзинь Лундэ); 3-й отдел - с мая 1966 по октябрь 1976 г. (Чэн Чжунюань); 4-й - с октября 1976 по декабрь 1991 г. (Ли Ютянь, Сунь Сюэвэнь); 5-й - с января 1992 г. (Чжан Цихуа, заместитель - Цзян Чжунхэй).

В Институте имеется свое издательство "Современный Китай" (директор и главный редактор - Ли Сунчэнь, заместитель - Тан Хэцзянь), методический кабинет (заведующий - Цю Дэлай) и канцелярия (начальник - Ван Жуаньчэнь, заместитель - Лю Цзяньго).

Повседневной работой руководит Комитет по делам института, в который входят Дэн Лицунь, Ма Хун, Ань Пиншэн (руководители), Дин Вэйчжи, Ма Чжунян, Лю Чжунхай, Ли Чжишэн, У Цзясюнь, Чэнь Фэйчжан, Чжэн Хуэй, Сюй Дашэнь и Чжань Ю.

Одним из главных направлений работы института на ближайшие годы является написание пятитомной "Истории Китайской Народной Республики".

В 1992 г. и в первой половине 1993 г. в институте обсуждался макет и структура книги "История КНР". Планируется первоначально написать черновой вариант 5-томной "Истории КНР" и издать ее в 1994 г., затем переработать его с учетом замечаний и издать уже в готовом варианте к 50-летию со дня основания КНР (октябрь 1999 г.).

Ставится задача до 1 июля 1993 г. написать и напечатать большую часть этой работы, а затем провести ее всестороннее обсуждение.

На учредительном совещании Ассоциации истории КНР было подчеркнуто, что обсуждение макета "Истории КНР" должно стать важнейшим направлением в ее работе в 1993 г. Кроме этого, институт несет ответственность за издание серий "Современный Китай", "Биографий выдающихся деятелей современного Китая", подготовку серии "Краткие истории отдельных местностей Китая", а также за подготовку центральными министерствами и ведомствами кратких историй министерств и ведомств в Китае.

В сотрудничестве с заинтересованными ведомствами институт провел обследование положения в стране и подготовил следующие доклады: "Доклад об обследовании ста уездов и городов", "Доклад об обследовании 100 крупных и средних предприятий", "Доклад об обследовании 100 волостных и поселковых предприятий" (в сотрудничестве с Институтом развития деревни АОН Китая).

В институте расположен секретариат научной организации всекитайского значения - Ассоциации истории КНР.

Строится научно-исследовательский корпус института.

В 1990 г. была достигнута договоренность с Комитетом образования КНР о создании в пяти китайских университетах - Пекинском, Цинхуа, Народном, Шаньдунском и Пекинском педагогическом, исследовательских групп по написанию учебных материалов по истории КНР. На базе этих материалов планируется написать совместную книгу по истории КНР для вузов страны.

Имя Василия Федоровича Братищева мало известно не только широкому кругу читателей, интересующихся историей взаимоотношений России со странами Востока, но и специалистам в данной области.

В историографии отсутствуют исследования дипломатической деятельности Братищева в целом. Упоминания о нем встречаются в работах, посвященных внешней политике России в XVIII в., а также в словарях русских писателей и исторических деятелей. Причем, характерно, что и литературная деятельность В.Братищева в этих изданиях отражена не полностью. В поле зрения составителей словарей не попал интереснейший литературный труд В.Братищева, написанный после его поездки в Китай в 1757 г.: "Осведомление или некоторое поверение Вольтеровых о Китае примечаний, собранное в краткую Братищева бытность в Пекине"¹. В сочинениях В.Ф.Братищева ярко проявилась незаурядная личность русского дипломата - человека, безусловно, очень образованного для своего времени, владевшего латинским, персидским и французским языками, интересовавшегося Вольтером, находившегося в приятельских отношениях с известным историком князем М.М.Щербатовым, оказав определенное влияние на формирование у него концепции русской истории. В частности, М.М.Щербатов, ссылаясь на опыт своего "приятеля" Братищева, "весьма искуснаго" в восточных языках, и используя этимологии при объяснении известной легенды об основании Киева тремя братьями и сестрой, выразил сомнение в славянском происхождении основателей города. "Оныя все имена, - заключил Щербатов, - более сходствуют с восточными языками, нежели с каким другим, а имянно, Кий или Кеа, на древнем персидском языке знаменует державец, владетель, господарь... Имя же брата его Хурех, что могло по повреждению учиниться Хорев, на том же древнем персидском языке знаменует участие, или участника во владениях... Шек ... может лучше от арапского, нежели от какого другого произвестися, ибо на сем языке шейх или по просторечию Ших знаменует старейшину, начальника... Также имя сестры их Лебеды или Либедя может изрядно от древнего персидского языка произвестися, на котором Лсбад знаменует верхнее одеяние или епанчу"². Необходимо отметить, что построение подобных сравнений отдельных слов и этимологий с привлечением слов из восточных языков было характерно для многих русских историков XVIII в. и являлось свидетельством возростающего в России интереса к Востоку.

Саркисова Галина Ивановна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИДВ РАН.

В 1732 г. Коллегия иностранных дел обратилась в Синод и Московскую контору с просьбой об откомандировании в ее распоряжение 5-6 учеников из Московской славяно-греко-латинской Академии для обучения восточным языкам (персидскому, турецкому, арабскому) у иноземца профессора Г.Я.Кера (1692-1740)³.

В соответствии с требованием Коллегии иностранных дел ректор Славяно-греко-латинской Академии отобрал "молодых людей по латини говорить умеющих и в обучении остропоятных", у которых отцы "были люди известные и московския жители". Кроме того, в своем представлении ректор отметил, что эти ученики "состояния и нрава добраго и подозрительства за ними во оной Академии не имелось". Среди указанных шести человек оказался и ученик школы философии Василий Братищев. В приложенном к доношению архимандрита Софрония в Святейший Синод реестре содержались краткие (более нигде не встретившиеся) биографические сведения о нем: "московской житель, церковнической сын Федора Васильева, а живет у брата в доме Щетной камиссии, канцеляриста Ивана Петрова сына Торопова"⁴. В сохранившихся архивных документах отсутствуют прямые данные о дате рождения В.Братищева. Однако в одном из указов Сенатского архива "Об увольнении от дел канцелярии советника Василия Братищева..." за 1764 г. есть косвенное свидетельство по этому вопросу. Поскольку в указанном году, по словам Братищева, ему было "лет за 50 от роду"⁵, то можно предположить, что он родился не позднее 1714 г.

Программа учебных занятий в школе профессора Кера была очень напряженной: по восемь часов ежедневно. Условия же, в которых ученикам приходилось работать, оставляли желать лучшего. По свидетельству проф. Кера, их отрывали от учебы "посторонними делами и комиссиями", "отяготили перепискою курантов, переведенных на русское", использовали как рассыльных, отчего у них "бедных... платье дерется и обувь топчется"⁶. Тщетно ученый подавал многочисленные заявления и протесты по этому поводу. Судя по всему, Коллегия иностранных дел недооценивала роли учеников как будущих специалистов-востоковедов, в том значении, которое придавал им их учитель.

В декабре 1734 г. императорским указом ученикам Василию Братищеву и Петру Чекалевскому было предписано отправиться в Персию для дальнейшего обучения персидскому языку. Интересные сведения о разнообразных и интенсивных занятиях этих студентов в Персии сохранились в реляции тогдашнего российского резидента Калушкина. 1 марта 1740 г. он сообщал, что Чекалевский и Братищев к науке "неусыпное рачение прилагают, так что не малой успех получили и чем у многих тамо гораздо нарочитых даже до самых искусных и ученых людей в знаемость пришли, которые со всякою приятностию с ними обхождение имеют, и ежели им дать потребное время, в чем крайняя нужда зависит, к большому упражнению в

науках, то, несомненно, желаемого совершенства достигнуть могут". Однако дальнейшее совершенствование требовало от студентов, по словам Калушкина, изучения арабского языка, "которой весьма в персидских письмах употребляется", постижения логики и астрономии, "ибо множайшие термины, а имянно, зодии, планеты и иныя подобныя персияня в предисловиях вводят"⁷. В связи с этим Братищев и Чекалевский начали изучать логику на арабском языке, а затем предполагалось перейти к астрономии. Высокая оценка Калушкиным работы и учебы студентов повлияла на решение Коллегии иностранных дел о повышении им жалованья и сыграла положительную роль в их дальнейшей карьере.

13 мая 1743 г. императорским указом В.Братищев был назначен резидентом в Персии, а 30 мая 1756 г. императрицей Елизаветой был подписан указ Коллегии иностранных дел о направлении советника канцелярии В.Братищева в Китай курьером.

Необходимость последнего назначения диктовалась особенностями исторического развития России в начале 50-х годов XVIII в. Они состояли в том, что экономические потребности русского Дальнего Востока выдвинули на первый план задачу приобретения для русских судов свободы плавания по Амуру. Решение этой проблемы и связывалось с направлением В.Ф.Братищева в Пекин. Данная экспедиция была организована в самый пик войны за захват маньчжурами Джунгарии и Восточного Туркестана. Разгром Цинами Джунгарии в 1757-1758 гг. оказал серьезное влияние на ухудшение русско-китайских отношений. Позиция России по поводу джунгарских беженцев и особенно одного из владетельных князей Джунгарского ханства Амурсаны (1722-1757 гг.), возглавившего антиманьчжурскую освободительную борьбу, не устраивала цинское правительство. Это обстоятельство, как мы увидим в дальнейшем, не могло не отразиться на ходе переговоров русского представителя с цинскими властями по вопросам, которые были подробно изложены в выданной Братищеву инструкции. Они состояли в следующем:

1. "домогаться у китайского богдыхана о присылке сюда посольства, взаимно которому и от ея императорскаго величества также бы посольство отправлено туда было";

2. "чтоб исходатайствовать позволение от китайскаго двора для свободного проходу российским судам по реке Амуру с хлебом и другими припасами для гарнизонов и обывателей российских же педданных в крепостях и острогах по северо-восточным берегам находящихся";

3. "чтоб стараться о поправлении произходящих не порядков в пограничных делах между обоих сторон о воздержании своевольных наездов и обид в российских границах от мунгальскаго народа чинимых и о учреждении для того с китайской стороны караулов в тех местах, где оных нет";

4. "чтоб склонить китайцов ко принятию и содержанию в Пекине российских учеников для обучения китайского и манжурского языков, так как оные напредь сего тамо содержаны были"⁸.

Экспедиция курьера В.Ф.Братищева была тщательно подготовлена Коллегией иностранных дел. В помощь ему были назначены И.В.Якобий, "яко сведущий о китайских обрядах" и бывший в Пекине в 1753 г., два толмача и трое солдат⁹. Переводчики, выделенные Коллегией иностранных дел, не понравились Братищеву. Он выразил сомнение в том, "чтоб такие люди, яко безграмотные на китайском и других тамо употребляемых языках к сей немалотрудной должности способны быть могли". В.Ф.Братищев потребовал у Коллегии иностранных дел в свое распоряжение находившегося при кяхтинской таможне "грамотного и искусного", по его мнению, переводчика Ефима Сахновского¹⁰. На это требование он сначала получил от Правительствующего Сената отказ. Однако селенгинский комендант бригадир В.В.Якобий счел возможным отпустить Е.Сахновского в Пекин в "рассуждении... недолговременной ему отлучки". Кроме того, в свиту В.Ф.Братищева вошел переводчик монгольского языка Василий Шарин¹¹.

27 января 1757 г. В.Братищев выехал из Москвы и лишь 28 мая прибыл в Селенгинск, откуда вместе с присоединившимися к нему здесь переводчиками Сахновским и Шариным, а также тремя гренадирами и секунд-майором Якобием 20 июля отправился до Кяхтинского форпоста. Только 29 августа 1757 г. курьер со своей свитой прибыл в Пекин на российский посольский двор, оказавшийся в крайне заброшенном состоянии. С согласия главы V духовной миссии в Пекине (1755-1771) архимандрита Амвросия прибывшие разместились в кельях русского монастыря. На основании сведений, полученных от иезуита патера Гобиля¹² за несколько дней до приезда Братищева, архимандрит предупредил последнего о том, что по получении в августе месяце из Правительствующего Сената "листа о зенгорцах" от 20 мая¹³ император Цяньлун¹⁴ "весьма озлобился на Россию и будучи в запальчивом стремлении повелел в грубых терминах ответной лист отправить, замышляя многолюдное войско к российским границам послать"¹⁵. Впоследствии в одном из доношений селенгинскому коменданту бригадиру В.В.Якобию Братищев сообщил о своих действиях по получении такого известия. "Всякими способами, - писал он, - чрез краткое мое тамо пребывание старался разведать, не чинится ли какое военное приготовление к нападению на российские границы, но ничего к тому достоверного и действительного не оказалось: только о том я известен, что богдыхану (императору. - Г.С.) репортами внушено о малом числе русского войска, состоящего на разных при границах форпостах"¹⁶.

30 августа Братищев дружелюбно был принят в Лифаньюане (Палате внешних сношений), где вручил привезенные им листы. В этот же день на посольский двор были присланы мастеровые люди для ремонта покоев. 3 сентября советнику канцелярии нанесли визит два чиновника низшего ранга из Цзюньцзичу (Государственного Совета) и Лифаньюаня. Они поставили

Братищева в известность, что переводы с присланных от российского Сената листов посланы к императору, который вместе со своим двором находился в это время в своей летней резиденции Жэхэ, и предложили курьеру передать через них, "что сверх содержания оных листов" повелено ему сообщить. Однако Братищев проявил настойчивость и отстоял свое право переговорить о порученных ему делах непосредственно с министрами, как того требовал порядок. В связи с этим 6 сентября в Лифаньюане курьеру сообщили распоряжение, полученное от императора о разрешении "алиха амбану с советником канцелярии о вверенных ему сверх листов делах говорить"¹⁷. 8 сентября Братищев выехал для встречи с ним и 11 сентября прибыл в летнюю императорскую ставку Жэхэ. Здесь советник канцелярии, переводчик Сахновский и толмач Шарин, а также сопровождавшие их представители цинской администрации были приняты в богдыханском дворце высокими персонами: алиха амбанем, асхань и амбанем¹⁸ и князем Хутуринга, а затем и первым министром Фугуном¹⁹. Во время этой встречи Братищев коснулся четырех вопросов, затронутых в листах Правительствующего Сената. Во-первых, он осветил проблему, которая возникла перед населением русского Дальнего Востока, особенно обитателями Охотского и Удского острогов. Она состояла в том, что снабжение эти районов съестными припасами сухим путем было невозможно. Единственным выходом в эти места был путь судами из Нерчинска через Ингоду в Амур. "Сею же, - по заключению Братищева, - судам в море проходить и с собою хлеб и другие припасы в те российские крепости и остроги, лежащие по северо-восточным берегам, возить способно". От имени Правительствующего Сената дипломат обратился с просьбой о разрешении свободного плавания русским судам по реке Амуру, протекавшему через "Китайское владение", заверив министров в том, "что от будущих на тех судах людей не токмо ни малейшей обиды, но ниже вида противного китайским подданным показано не будет"...

Вторым вопросом, вынесенным Братищевым на обсуждение, явился вопрос о пограничных делах. Об их состоянии можно было судить, исходя из того, что "через шесть лет и несколько месяцев в российские границы по Селенгинской и Нерчинской сторонам было воровских от мунгалов (монголов. - Г.С.) въездов вооруженною рукою девятнадцать, невооруженных набегов девяносто два, притом убито до смерти дватцет четыре человека". Набеги сопровождались грабежами и угоном скота. Для урегулирования возникших конфликтов Братищев от имени Правительствующего Сената предложил выделить с двух сторон комиссаров, которые учредили бы в нужных местах "крепкие караулы", "чтоб всякие своевольства впредь удержаны и сокращаемы были".

Третья проблема, выдвинутая В.Ф.Братищевым, касалась российских учеников. Он предложил возобновить доселе существовавшую практику обучения в Пекине российских учеников маньчжурскому и китайскому языкам и принять для этой цели шесть человек и "содержать их в Пекине с

тою же богдыханова величества во всем милостию, каковою прежде сего оным подобные имели честь пользоваться и дабы чрез несколько лет другими переменяемы были..."²⁰.

И последнее, что уполномочен был Братищев передать китайскому императору и его министрам, было связано с вопросом об обмене посольствами. Советчик канцелярци заявил: "...Ежели ныне от его богдыханова величества для поздравления ея императорскаго величества нарочное посольство отправится, то российскому императорскому двору весьма приятно будет и в соответствование тому немедленно и от ея императорскаго величества знатное посольство к богдыханову величеству прислано будет..."²¹

Предварительный ответ китайских министров на заявление русского курьера после краткого совещания был следующий: "О пропуске российских судов рекою Амуром дело претрудное и требует довольнаго рассуждения; для разобрания пограничных ссор и обид будет писано к главному в Урге командиру Вану Жанжуну., оной Жанжун определит от себя достойных комиссаров и пошлет их на границу и сколько чего по изследовании сыщется в российскую сторону заплатит, столько и отдадут, токмо по приезде на границу здешних комиссаров не было бы остановки в произведении следственных дел, как прошлаго года.; ученики может быть приняты будут; об отправлении отсюда в Россию посольства и подумать невозможно". Вопрос с посольстве для поздравления императрицы Елизаветы Петровны с восшествием на престол в 1741 г., с точки зрения министров, был ничуть не проще вопроса о судоходстве по Амуру. Они даже отказались доложить об этом своему императору, опасаясь его гнева и зная, что в течение столь длительного времени в этом направлении не было сделано никаких шагов. А Братищеву министры заявили: "Сие дело прошедшее, чрез пятнадцать лет, стало быть старое"²².

Русский дипломат, в свою очередь, вновь попытался убедить министров в разумности высказанных им предложений. Пропуск российских судов рекою Амуром он попытался представить как "самое легкое дело", еще раз обратив внимание китайцев на то, что российские суда "в прохождении своем сею рекою ни малейших противностей подданным богдыханова величества не покажут". В решении пограничных дел советник канцелярии также не увидел никаких препятствий. По его словам, Правительствующим Сенатом уже были посланы на границу комиссары. Остановка же в урегулировании пограничных вопросов в прошлом, 1756, году произошла, по мнению Братищева, не по вине российской стороны. Советник канцелярии напомнил, что тогда князь Хутуринга требовал, "чтоб господин бригадир Якобий ради изследования обид и воровства поехал с ним в Цурухайтуевской форпост"²³. Предложение же бригадира Якобия об отправлении на границу с обеих сторон "нарочных офицеров" князь Хутуринга не принял и прервал переговоры в Кякте по этому вопросу. Указал Братищев и на немалую гользу обсем сторонам от приема в Пскине

российских учеников, а также на удобный повод для отправления от китайского императора в Россию посольства "для поздравления ея императорскаго величества" по случаю восшествия на императорский престол, тем более, что "дружеское уведомление" об этом событии уже было подано в Лифаньюань через нарочного курьера майора Шокурова²⁴. В дальнейшей беседе, отстаивая важность такого посольства, Братищев обращал внимание сановника Фугуна на международное значение этого шага: "чтобы таким образом новый опыт ко умножению и утверждению имеющейся между обеими империями дружбы всему свету показан был". В конце концов, русский дипломат предложил компромиссное решение вопроса о посольствах: "отправление равномерных и в одно время из обоих государств посольств, которые на границе разменены будут и потом каждое в свой путь - китайской посол в Россию, а российской - в Хину следовать имеют"²⁵. Но и этот вариант не удовлетворил первого министра и был им отвергнут.

Окончательное решение по всем выдвинутым русским дипломатом вопросам зависело от китайского императора, поэтому как бы ни были аргументированы заявления Братищева, изложенные перед министрами, они вряд ли существенным образом могли повлиять на исход событий. Тем более, что в завершение беседы об этом дал понять русскому курьеру алиха амбань. В журнале советника канцелярии это описывается следующим образом: "Он, алиха амбань, видя Братищева, честнаго и кроткаго человека, советует много слов не употреблять: у богдыхана много милости и немилости, надобно время и удобный час улучшить, чтоб его величеству о российских делах доложить. Выговоря все те же слова тихо и только что переводчик слышать их мог, таким же образом, по переводе, и советник канцелярии"²⁶. Высказывание алиха амбаня приобретает особое значение с учетом еще одного обстоятельства, также отмеченного в журнале советника канцелярии: все резолюции императора "основываются по большей части на представлениях шурина и фаворита сво Фугуна, на котораго хан во всех государственных делах с совершенною доверенностию полагается, приемля его представлении со всяким удовольствием"²⁷.

Не могло не сказаться на результате переговоров и отношение к России и ее представителю самого императора Цяньлуна, который, как уже отмечалось, выражал сильное неудовольствие по поводу покровительства, оказанного русским правительством джунгарским беженцам, особенно Амурсане "и немало раскаявался, что российских куриеров пропустить в Пекин позволил". Правда, как сообщили в частных разговорах переводчику Сахновскому переводчики Фулохе и Гяньфу, сердце императора несколько смягчилось, когда он получил сведения об отсутствии в российском владении Амурсаны. По словам переводчиков Фулохе и Гяньфу, "для того имело быть приказано, чтоб из города Калгана их со всею свитою прямо в город Жехе со всякою честью провезть, где во дворце нарочно для них банкет имел быть учрежден, ибо его величество никогда российских людей не видал, а после, когда бы дела выслушаны и окончены были (может де быть в такой случай и

все бы по российскому желанию сделалось), оные курьеры оттуда, из Жехе, со многою ханскою милостию в Пекин ради исправления своих нужд отпущены были, но все сие, по причине полученнаго прежде приезда их, курьеров, из российского Сената листа о зенгорцах, отменено"²⁸.

29 сентября возвратившийся к этому времени в Пекин русский курьер вновь был приглашен в Лифаньюань для принятия ответного листа Сенату и императорских подарков. При этом В.Ф.Братищев ожидал "формального о резолюциях богдыхана на российские дела от Ледажина объявления", но таковое не последовало. Русский дипломат пришел к заключению, что этот поступок вызван или спесью "маньчжурского правления", или его стремлением уйти от объяснений довольно категоричных "ханских резолюций", о которых советник канцелярии "партикулярно" уже был информирован обер-секретарем Улоем²⁹. А резолюции состояли в следующем: в отказе русским судам свободного плавания рекою Амуром, в отказе об отправлении в Россию посольства с оговоркой, правда, еще раз пересмотреть этот вопрос, когда к богдыхану посольство придет от русской императрицы. Решение пограничных дел предусматривалось произвести только, "когда от российского Сената знатные персоны на границу пришлются"³⁰. Договоренность с цинскими властями была достигнута лишь по вопросу о принятии в Пекине российских учеников для обучения маньчжурскому и китайскому языкам на прежних условиях.

Отказ в пользовании Амуром для Российской империи был сделан "по многим причинам". Одну из них в качестве предположения высказал архимандриту Амвросию иезуит патер Гобиль, переводивший ответный лист Сенату на латинский язык: "прохождение российских судов рекою Амуром зараждающимся в ней драгоценным жемчугом недопущено, дабы в получении онаго какого помешательства или и ущерба не приключилось"³¹.

Однако ближе всего к истине о причине отказа, по мнению Братищева, оказался другой иезуит - патер Сигизмунд, "обращающейся особливим приятством" с главой русской духовной миссии в Пекине. Через А.Юматова он дал знать русскому курьеру, "что пропуск российских судов рекою Амуром не за иным чем, токмо за опасением и боязнию, как бы российские люди в таком допущении впредь китайскими землями не завладели, недозволен"³².

Таким образом, несмотря на богатый дипломатический опыт, добросовестность и преданность делу служения отечеству, Братищеву не удалось достигнуть поставленных перед ним целей. Несудачные результаты его миссии были предопределены ростом неприязни Цинского правительства к России из-за ее позиции в джунгарском вопросе.

Исследуя переговоры Братищева с цинскими дипломатами, нельзя не сказать о роли в них иезуитов, с которыми по инструкции курьеру предписывалось вступить в контакт. Этому должно было способствовать, с точки зрения Коллегии иностранных дел, знание Братищевым латинского языка, а также его посредничество в переписке находившихся в Пекине

миссионеров-иезуитов с Европой. По распоряжению Коллегии иностранных дел курьер привез в Пекин письмо Академии наук французскому супериору Антонию Гобиллю, письмо из Парижа от патера Делатура патеру Амиолю и письмо из Турина патеру да Санкт Николаю. Братищеву предписывалось при вручении корреспонденции патеру Амиолю выразить свою готовность на обратном пути забрать их письма. Советник канцелярии имел полномочия обещать иезуитам и впредь рассчитывать на российских курьеров при пересылке их корреспонденции. Однако надежды Коллегии иностранных дел на помощь римских католических патеров и иезуитов в успешном решении возложенных на Братищева задач оправдались не полностью. Как уже отмечалось, они пытались оказывать содействие русскому курьеру во время переговоров, информируя его о настроениях китайских министров и богдыхана через главу русской духовной миссии в Пекине. Однако непосредственного общения с Братищевым иностранные миссионеры избегали. Объяснение такого поведения содержится в журнале экспедиции: "21 дня сентября архимандрит Амвросий, видясь с римскими патерами, объявил от них извинение, что они не смеют с советником канцелярии свидание возиметь, опасаясь богдыхана, ибо они своими приятелями престережены чтоб, не зная ханскаго мнения, к российским куриерам не ездили, прося притом, чтоб Братищев ответные от них письма и посылку в Санктпетербургскую Академию наук чрез него, архимандрита, принял, к чему охотная услужность им, патерам, представлена"³³.

Доставленные Братищевым из Пекина в Коллегию иностранных дел четыре письма и посылка были переданы по назначению: президенту Санктпетербургской Академии наук графу К.Г.Разумовскому и один бумажный сверток - библиотекарю Академии наук надворному советнику Штелину.

Необходимо отметить, что советник канцелярии высоко оценил значение деятельности иезуитов в Пекине и общения с ним архимандрита Амвросия. Братищев отметил успешные результаты их миссионерской работы: "римские патеры, вселясь за полтараста лет доньше в Китайское государство далеко свое обращение распространили, ибо в одном Пекине до двух тысяч человек или и более последователей их закона исчисляется из Никан (китайцев. - Г.С.), но не знатных и чиновных". Успеху в этом способствовал, по словам В.Ф.Братищева, "не один духовной способ... (они преложили римские догматы на китайский язык), но и житейския вспоможения", которые миссионеры оказывали своим последователям. Отметил русский курьер и значительную роль римских патеров в развитии науки и искусства, "ибо инако без искусства и художества римские монахи в Китайское государство не приемлются"³⁴. Характерной чертой миссионерской деятельности иезуитов явилось их активное проникновение в "ханскую службу" не только в качестве живописцев, музыкантов, механиков, кузнецов, но и как профессоров и ассесоров Математической коллегии и чиновников³⁵. В одном из доношений Братищев помянул о римском патере,

который был отправлен в 1756 г. по указу императора в китайскую армию, находившуюся около Джунгарии, "ради обстоятельного описания сего владения и в смежности к нему лежащих Российской империи земель"³⁶.

Объективную оценку Братищев постарался дать и деятельности русской духовной миссии в Пекине. Он отметил, что архимандрит Амвросий Юматов "первой из своих антецессоров духовную свиту, состоящую в двух иеромонахах, одном иродиаконе и двух дьячках, в порядке и послушании содержать начал". Росту авторитета главы миссии и установлению порядка во многом способствовало, по мнению дипломата, правильное поведение архимандрита Амвросия. Он ежедневно в церкви исправлял свою должность, не допускал братию "ни до каких свар или развратностей, и ниже для послабления и каким-либо прихотям или излишностям"; не разрешал "без нужды бродить и шататься по улицам". Заботился архимандрит Амвросий о налаживании и поддержании дружественных отношений с властями и жителями китайской столицы. С целью избежания "от своевольного китайского народа ругательных посмеяний" архимандрит и вся его свита носили, по словам Братищева, маньчжурское или китайское платье³⁷.

Основываясь на отзывах современников, коснулся В.Ф.Братищев и вопроса "о характере владеющего из маньчжурской фамилии китайского хана" Цяньлуна. Русский курьер отметил в нем весьма горячий темперамент, "неслыханную" гордость и крайнюю склонность к тирании. Существенным являлся и тот факт, что император, как уже отмечалось, находился под влиянием своего шурина и фаворита Фугуна. Гипертрофированная гордость Цяньлуна, имевшего в то время 45 лет от роду и правившего уже 22 года, затмевала, по мнению Братищева, его разум и не позволяла следовать завещанию его деда императора Канси о том, чтобы "наследники и потомки его Россию всегда в сердце своем имели или с российской стороною осторожно поступали"³⁸.

Впечатления Братищева от поездки в Пекин оказались настолько многогранны и ярки, что нашли отражение не только в журнале экспедиции, но и в довольно оригинальном литературном сочинении: "Осведомление или некоторое поверение Вольтеровых о Китае примечаний, собранное в краткую Братищева бытность в Пекине". Как видно, название данной работы отражает пристальный интерес ее автора как к великому французскому просветителю, оказавшему огромное влияние на развитие русского свободомыслия в XVIII в., так и к древней китайской цивилизации. Поскольку в сохранившейся архивной копии этого произведения³⁹ находятся комментарии к нему, написанные известным китаеведом И.Россохиным, то есть основания предполагать, что "Осведомление" было создано до 1761 г., времени смерти его комментатора.

Этот труд представляет собой как бы попытку проверки Братищевым непосредственно на месте сведений о Китае, почерпнутых в сочинениях Вольтера. Несмотря на кратковременное пребывание русского курьера в Пекине (29 августа - 4 октября 1757 г.), ему удалось получить ответы не

только на вопросы, затронутые французским просветителем, но и сделать свои собственные интересные наблюдения за жизнью Пекина.

Композиционная структура сочинения целиком подчинена намеченной автором цели и основана на чередовании вопросов (построенных на высказываниях Вольтера) и ответов на них, касающихся законов, нравов, обычаев, языка, религии, летописной традиции и численности населения Китая. При этом необходимо отметить, что наряду с фактами из древней истории Китая в "Осведомлении" находятся интересные сведения о китайском обществе в 50-е годы XVIII в.⁴⁰. Последние имеют особую ценность, поскольку представляют собой непосредственное и живое восприятие жизни китайской столицы глазами иностранца.

4 октября 1757 г. В.Ф.Братищев отправился из Пекина в обратный путь и лишь 12 июля 1758 г. возвратился в Санкт-Петербург. Сразу же по возвращении, 13 июля, Братищев представил в Коллегию иностранных дел свой журнал - отчет о предпринятой им экспедиции⁴¹.

Оценивая в целом результаты поездки курьера В.Братищева в Пекин, Коллегия иностранных дел уведомила Правительствующий Сенат о том, "что от китайского двора на те представления и домогательства, которые велено было ему тамо учинить ... отказано"⁴².

Именно это обстоятельство, по всей видимости, существенным образом повлияло на его дальнейшую дипломатическую карьеру: Братищеву не нашлось места в Коллегии иностранных дел, сообщившей, "что когда случится в нем по Коллегии каковая потребность, тогда Правительствующему Сенату представлено быть имеет"⁴³.

Таким образом, по возвращении из Пекина бывший российский резидент в Персии, проживший там около 13 лет, опытный дипломат был направлен служить в Штатс-канцелярию⁴⁴, а с 6 мая 1764 г. переведен в Юстиц-канцелярию⁴⁵ в чине советника канцелярии, но уже 11 июня того же года именным императорским указом пожалован в статские советники. Однако Братищев отказался от службы в Юстиц-канцелярии и в апреле 1765 г. ушел в отставку.

Указанное событие как бы подвело итог служебной деятельности В.Ф.Братищева. Не исключено, что новые архивные материалы помогут не только пролить свет на дальнейшую судьбу этого человека, но и полнее определить его роль в истории русского востоковедения и российской дипломатии середины XVIII в.

¹ Братищев В.Ф. Осведомление или некоторое поверение Вольтеровых о Китае примечаний, собранное в краткую Братищева бытность в Пекине. - Опыт трудов Вольного Российского собрания. М. 1783. Ч. 6

² Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен. Т. 1. СПб. 1770. Т1. С. 118-120.

- 3 Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. Внутренние коллежские дела (ВКД), оп. 2/6. 1732 г., N 1168.
- 4 Там же, л. 6-7 об.
- 5 Сенатский архив, т. 14. СПб. 1910. Т14. - С. 428.
- 6 Кессельбреннер Г.Л. Хроника одной дипломатической карьеры (дипломат-востоковед С.Л.Лашкарев и его время). - М., 1987. - С. 22.
- 7 АВПРИ, ф. ВКД оп. 2/1, 1742 г., д. N 1620, л. 8 об.-9.
- 8 АВПРИ, ф. Сношения России с Китаем, оп. 62/1, 1756 г., д. N 8, л. 34.
- 9 Там же, л. 1 об.
- 10 Там же, л. 285.
- 11 Там же, 1757 г., д. N 7, л. 8, 27-27 об.
- 12 Гобиль Антуан (отец Антоний) - французский астроном, ботаник, синолог, с 1739 г. почетный член Петербургской АН. (Академия наук СССР. Персональный состав 1724-1917. - М., 1974. С. 246; Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. - М., 1977. С. 304).
- 13 В "листе о зенгерцах" излагалась позиция русской стороны по вопросу о джунгарских беглецах: Россия не считала их перебежчиками по той причине, что они не были до бегства подданными Китая, а потому и выдачу Амурсаны можно требовать "не по силе трактата, но на основании одной только между государствами продолжающейся дружбы". (Беспозванных Е.Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений. - М., 1983. - С. 105).
- 14 Цяньлун (1736-1796) - девиз правления императора Хун ли (посмертное имя - Гаоцзун Чуньхуанди).
- 15 АВПРИ, ф. Сношения России с Китаем, оп. 62/1, 1758-1759 гг., д. N 8, л. 5 об.-6.
- 16 Там же, 1757 г., д. N 7, л. 66-66 об.
- 17 Там же, л. 10-10 об. Алиха амбань (маньчж.) - глава министерства, приказа.
- 18 Асхань и амбань (маньчж.) - член Государственной канцелярии.
- 19 К данному имени в Журнале В.Ф.Братицева имеется следующий комментарий: "Фу - первая syllaba имени, гун - переводят графом". (АВПРИ, ф. Сношения России с Китаем, оп. 62/1, 1758-1759 гг., д. N 8, л. 22).
- 20 Там же, л. 17-19 об.
- 21 Там же, л. 20.
- 22 Там же, л. 21-21 об., 26 об.
- 23 Там же, л. 22, 24.
- 24 Там же, л. 24 об.
- 25 Там же, л. 33 об.-34, 35.
- 26 Там же, л. 25 об.
- 27 Там же, л. 48 об.
- 28 Там же, л. 37-38 об.
- 29 Там же, л. 43 об.-44.
- 30 Там же, л. 29 об.
- 31 Там же, л. 45 об.
- 32 Там же, л. 46.
- 33 Там же, л. 41.
- 34 Там же, л. 51 об.-52 об.

- 35 Там же, л. 52 об.
- 36 Там же, 1957 г., д. N 7, л. 66 об.
- 37 Там же, 1758-1759 гг., д. N 8, л. 50 об.-51.
- 38 Там же, л. 50.
- 39 Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф.199.
Портфели Г.Ф.Миллера, оп. 1, д. 349, ч. 2, N 5.
- 40 Подробнее см.: Саркисова Г.И. Вольтер о Китае и становление русского китаеведения.
// И не распалась связь времен. К 100-летию со дня рождения П.Е.Скачкова. - М.,
1993. - С. 100-135.
- 41 АВПРИ, ф. Сношения России с Китаем, оп. 62/1, 1758-1759, д. N 8, л. 3.
- 42 Там же, ф. Внутренние коллежские дела, оп. 2/1, 1758 г., д. N 422, л. 18 об.
- 43 Там же, ф. Сношения России с Китаем, оп. 62/1, 1758-1759 гг., д. N 8, л. 105.
- 44 Штатс-контор коллегия - одна из финансовых коллегий России в XVIII в.
Заведовала государственными расходами, выделяла по указанию Сената
определенные суммы правительственным учреждениям и должностным лицам.
- 45 Юстиц-коллегия - центральное государственное учреждение в России в
XVIII в. Контролировала местные суды и была высшим апелляционным судом по уголовным
и гражданским делам.

ИЗ ПЕРЕПИСКИ АКАДЕМИКА Н.И.КОНРАДА

(С) 1993

Р.Вяткин

Впервые мне довелось слушать выступления академика Николая Иосифовича Конрада (1891-1970), одного из основателей отечественного японоведения, выдающегося китаевода и востоковеда в конце войны, а затем и в первые послевоенные годы на заседаниях Московской группы Института Востоковедения. В этой группе в 1943 г. временно, на военный период, объединились московские и ленинградские востоковеды. На ее заседаниях, проходивших на Волхонке, 14, заслушивались отдельные доклады, научные сообщения, проходил обмен мнениями по актуальным проблемам востоковедения. В обсуждениях принимали участие такие знатоки Востока, как арабист акад. И.Ю.Крачковский, китаевед акад. В.М.Алексеев, тюрколог акад. В.А.Гордлевский, японовед, тогда еще член-корр. Н.И.Конрад, историк акад. В.В.Струве, а также большая группа востоковедов следующего поколения - А.А.Грубер, В.И.Беляев, А.Ф.Миллер, Б.Н.Заходер, А.В.Симоновская и многие другие.

Я тогда преподавал китайский язык в Военном институте иностранных языков и лишь недавно прибыл с Дальнего Востока. Присутствие на заседаниях московской группы и возможность услышать ведущих востоковедов страны означали для меня приобщение к научной жизни, расширявшее мой кругозор рядового, к тому же провинциального китаевода. На общем фоне этих - всегда интересных - заседаний, меня особенно впечатляли выступления Николая Иосифовича Конрада. Они всегда отличались каким-то особым изяществом, широтой проблем по истории восточных культур, связи цивилизаций Востока и Запада и других аспектов обсуждаемых тем. Его выступления были своеобразным фейерверком ума и знаний, они были как правило не длинны, но предельно ясны и логичны.

Несколько позднее, когда я уже работал во вновь созданном Институте китаеведения АН СССР, у меня наладился более тесный контакт с Николаем Иосифовичем, появилась возможность обсуждать наиболее важные исследования китайской культуры и истории, которые мы в молодом Институте намечали осуществить. Именно к этим годам относятся представленные ниже отрывки из писем Н.И.Конрада в мой адрес. В пятидесятые годы Николай Иосифович был, в частности, занят

Вяткин Рудольф Всеволодович, кандидат исторических наук, видный исследователь истории древнего Китая.

редактированием и подготовкой к печати исследования Юлиана Константиновича Шуцкого "Китайская классическая "Книга перемен", увидевшего свет в 1960 г., исследования и перевода Виктора Морицовича Штейна трактата "Гаунь-цзы", напечатанного в 1959 г.

В шестидесятые годы я работал заведующим сектором публикации памятников в Институте китаеведения. Тогда же приступил к изучению и переводу на русский язык знаменитого памятника "Исторические записки" историка Сыма Цяня (145-87 до н.э.). В то время я часто беседовал с Н.И.Конрадом, советовался с ним по поводу этой новой для меня и большой работе. Затем представил на его суд свой первый подготовленный том исследования и перевода. Одновременно информировал Николая Иосифовича о научных планах и имеющихся возможностях, о своих зарубежных поездках и встречах с иностранными востоковедами. Его всегда интересовал широкий круг вопросов, изучение проблем истории, истории культуры, литературоведения, лингвистики. Я посылал Николаю Иосифовичу наши публикации. Сохранившиеся в моем архиве письма Николая Иосифовича отражают его благожелательность и глубокую заинтересованность в работах коллег, в том числе и тех, кто подобно мне, в ту пору делал свои первые шаги в области изучения памятников древнекитайской письменности. Письма отражают щедрость его души, готовность поделиться своими знаниями и опытом, ибо его помыслы были направлены на развитие отечественной науки о Востоке, в частности, нашего китаеведения.

Довелось мне несколько раз побывать у Николая Иосифовича и дома, в его квартире на Ленинском проспекте, где гостей всегда радушно встречала его супруга - Наталия Исаевна Фельдман, тоже японистка. С понятной робостью входил я первый раз в святая святых ученого - в его кабинет. Вдоль стен возвышались, доходя до самого потолка, огромные шкафы, заполненные томами в переплетках, в восточных обложках с застежками, фолианты на японском, китайском и западных языках. Я понимал, что передо мною - те источники, которые питали энциклопедические знания хозяина. Потом приходил он сам и завязывалась беседа о разных китаеведных делах. Уходил я из этого дома всегда обогащенный новыми мыслями, новыми подходами к нашим, казалось, повседневному научным работам.

Из писем Н.И.Конрада - Р.В.Вяткину

5 июня 1958 г. "...Спасибо за теплые слова по адресу моей работы. Сегодня вечером уезжаю в Ленинград заканчивать дело с работой Ю.К.Шуцкого и В.М.Штейна. Надеюсь, что дело будет закончено совсем к июлю¹. Что касается редактуры, то разве Вы не знаете, что я еще месяца два назад закончил просмотр и проверку перевода, передавал по частям (по мере просмотра) свои замечания автору (Штейну) и кроме того имел с ним дружескую беседу по всем вопросам работы... Вообще, я теперь знаю Гуан-цзы! Без этой работы, не будучи вынужден принятыми на себя обязательствами, я никогда не проштудировал бы этот замечательный текст

целиком. Спасибо Виктору Морицовичу. Автор принял все мои предложения по корректированию перевода и ряд замечаний по существу и теперь работает над окончательным оформлением работы. Таким образом, дорогой Рудольф Всеволодович, свою миссию я выполнил и теперь спрашивайте у автора. Такая мощь экономической мысли! Ничего похожего в Древней Греции и вообще в древнем мире не было. Еще одно доказательство величия древней китайской мысли, далеко отстоящей в этой области от Древней Греции и античного Рима..."

Из письма от 16 июля 1960 г. "...Итак теперь ИНАЗ?² Наряду с ИНАФ? А как же быть с арабами? Они ведь и в Азии и в Африке. Как эта география бестактна! Никто не считается с тем, что она больше покоряется схеме... То, что Вы посвящаете себя Сыма Цяню - это хорошо, надо, наконец, разобраться в этом сложном и противоречивом явлении. Пора, пора освободиться от взглядов и оценок, навязанных традицией! И тем более от взглядов Шаванна, который всецело был во власти традиций китайской исторической науки, не обладал при этом теми реалиями, которыми обладали китайские представители традиции. Пора сказать новое. А сказать есть что! Особенно по части общей исторической концепции Сыма Цяня, т.е. о его понимании исторического процесса..., о его творчестве, творческом вмешательстве в изложение исторических явлений - одновременно безудержно фальсифицирующем историю со стороны реального содержания и по-настоящему раскрывающем ее суть со стороны ее образов. Ничего подобного этому понятию не было в Европейской древности... Вспоминается в некоторых общих чертах Тацит, иногда Геродот, иногда Фукидид, иногда Тит Ливий. Но в своем комплексе "Шицзи" - неповторимо. Работа над "Шицзи" может удивительно чудесно изменить наше представление об исторической науке в Древности, в Мировой Древности, конечно поздней, т.е. когда во всей своей широте и красочности развернулся процесс синкретизма верований, представлений о существе истории общества, о судьбах народов... Вообще, Рудольф Всеволодович, нам всем нужно, наконец, приняться за раскрытие Китая. А это можно сделать только взглянув на него свежим научно вооруженным глазом. И не сводить дело к одной филологии! Тут мы менее сильны чем китайские специалисты по Сыма Цяню... Но, несмотря на то, что мы не так сильны, как они, но можем и должны быть современными и в филологии. Желая Вам самого большого удовлетворения в начатой работе³. Ваш Н.Конрад".

Из письма от 19 сентября 1962 г.⁴ "...Вернувшись в Москву с Рижского взморья... нашел у себя на столе Вашу книжку "Музеи и достопримечательности Китая". Сердечно благодарю за доброе внимание. Книжку я тут же прочитал. И вместе с Вами как бы проделал экскурсию не по музеям и достопримечательным местам, по культуре этой страны, и даже не по культуре, а по истории культуры. По-видимому и для Вас это было историческим путешествием, путешествием по истории Китая, это чувствуется даже в заключительных Ваших словах. Есть и еще одна черта в

Ваших работах, которая мне особенно нравится. У нас, как Вы знаете, многие китаеведы относятся к категории "механических китаистов". Такими я называю тех наших коллег, которым глубоко безразлично, то, о чем они пишут. Безразлично - суждение, т.е. по существу, у Вас же несомненная любовь к народу, создавшему такую историю и такую культуру, живое ощущение того, что Вы видели перед собой. Все это сделано очень сдержанно, но достаточно аккуратно для тех, кто умеет читать. Большой привет. Ваш Н.Конрад".

Из письма от 26 декабря 1964 г. "...А у меня к Вам просьба! Я написал небольшую работу, которую озаглавил "Полибий и Сыма Цянь"⁵. Мне очень хотелось бы, чтобы Вы ее посмотрели. И к кому же как не к Вам, автору такой хорошей статьи о Сыма Цяне, которую я только что прочитал⁶, мне и обращаться? Помимо Вас из востоковедов-китаистов я обращаюсь еще также к С.Л.Тихвинскому. Как только получу Ваше доброе согласие, сейчас же доставлю Вам эту статью. Ваш Н.Конрад".

Из письма от 28 апреля 1966 г. "Рудольф Всеволодович! Ваши слова о сборнике моих статей очень меня вдохновили. Благодарю Вас за них. Поверьте, я писал все это не для себя. Передо мной всегда стояло наше общее дело и мне хотелось что-то сделать для него."

Из письма от 29 апреля 1967 г. "...Сейчас, когда пишу эти строки - светит солнце и из окна видно зеленеющее дерево. Как-то очень хорошо! Спасибо и за теплые слова о моей речи. Я видел Вас в зале и был очень тронут тем, что Вы пробыли на этом заседании до конца и так терпеливо выслушали мое уж очень длинное выступление о том, что я "понятым не бываю", равнодушным к тому над чем работаю, что я всегда вкладываю в свою работу самое живое чувство, это кажется так и есть. Праздничный привет Вам! Ваш Н.Конрад".

Из письма от 7 июля 1968 г. "...Сегодня получил "Вопросы истории и историографии Китая". Благодарю⁷. Вообще этот сборник большей частью своих статей (о сяньби и тоба, о монголах, о маньчжурах) напоминает китаистам, что большую часть истории Китая следует рассматривать в свете иноземных завоеваний. Ну а о Сыма Цяне - можно только порадоваться сколько различных оценок сделано его труда! И как Вы тщательно их собрали и осветили. Никогда не думал, что в нелегкое время так много им занимаются японцы... Ну и знаете Вы литературу об этом памятнике! Как никто. Только если будете писать на эту тему с какой-либо иной теорией, усиленно прошу: бросьте Вы эти разговоры о "материализме" и "идеализме" Сыма Цяня. Думаю, что если бы спросить его самого об этом, он просто не понял бы самих этих слов! Да и вообще никто в его время... Не те мерки тогда были действительны! Надо же историкам хоть чуть быть историками в этих делах. С самыми лучшими пожеланиями. Н.Конрад."

И последняя весточка была уже от Наталии Исаевны Фельдман - супруги Николая Иосифовича. В конце декабря 1969 г., передавая мне его новогоднее поздравление, она писала: "К сожалению Николай Иосифович

болен, у него тяжелый гипертонический криз и сейчас он лежит и ему не позволяют ни читать, ни писать. Так что Ваше поздравление я ему читала вслух..." Вскоре жизнь этого прекрасного человека и ученого оборвалась.

Отрывки из писем Н.И.Конрада, хранящихся в моем домашнем архиве, отдельные мысли из них, надеюсь, имеют отношение к некоторым и сегодняшним общим вопросам и как-то дополнительно освещают многогранность и глубину личности и мыслей этого выдающегося ученого.

-
- ¹ Н.И.Конрад был редактором книги Ю.К.Шуцкого "Китайская классическая "Книга Перемен". - М., 1960; и книги В.М.Штейна "Гуань-цзы". - М., 1959, последняя часть письма касается именно монографии Штейна.
 - ² Реплика связана с переименованием Института Востоковедения в Институт народов Азии АН СССР.
 - ³ Вторая часть письма связана с тем, что с конца 50-х годов я приступил к комментированному переводу на русский язык выдающегося труда китайского историографа II-I вв. до н.э. Сыма Цяня - "Исторические записки" (Шицзи). К 1987 г. было опубликовано пять томов, шестой том издан в 1992 году.
 - ⁴ Это письмо - реакция на посланную Николаю Иосифовичу мою книжку "Музеи и достопримечательности Китая" /М., 1962/, написанную в результате моей научной командировки в КНР в 1959-1960 гг.
 - ⁵ Статья Н.И.Конрада "Полибий и Сыма Цянь" была впервые опубликована в журнале "Вестник Древней истории". - 1965. - N 4. - С. 3-25.
 - ⁶ Имеется в виду статья "Исторические записки" и их изучение". Журнал "Народы Азии и Африки". - 1964. - N 6. - С. 138-147.
 - ⁷ См. "Вопросы истории и историографии Китая". Сборник статей. - М., 1968.

СЛОВАРЬ КИТАЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ И КУЛЬТУРЫ

Философские категории - окна в мир духовной культуры Китая

Утверждение, вынесенное в заглавие вводной статьи, справедливо для философии и культуры Китая, хотя в отношении культуры почти любой другой страны оно было бы более чем спорным.

О том, что философия играла в Китае универсальную роль, свидетельствует отсутствие там до контакта с европейцами термина "философия". Хотя само это явление зародилось даже раньше, чем в античной Греции, где понятие "философия" было осмыслено в V-III вв. до н.э., а уже в александрийскую эпоху (III в. до н.э.) четко противопоставлено науке. В Китае же то, что в нашем понимании является философией, считалось наукой как таковой: данные понятия обозначались одним иероглифом сюэ - "учение", "научение", "доктрина". По мнению философа-китаеведа А.И.Кобзева, это отражает синкретическое единство науки и философии в Китае; американский синолог Н.Сивин полагает, что там сложилось уникальное единство науки и культуры. На уровне "книжной" культуры оба "единства" выражались в применении философских категорий (наиболее общих понятий) и доктрин для обоснования практических решений в области политики, социальных отношений, военного дела, сельского хозяйства, астрономии, медицины и даже "боевых искусств". В разных пластах народной культуры те же категории рассматривались как выражение священной традиции и наполнялись содержанием, соответствующим народному мировосприятию. Взаимодействие "книжной" и народной культуры затушевывало грани между собственно философией - специфической областью интеллектуальной практики и общекультурным мировоззрением, мировосприятием, которые при всех исторических, социальных и установочно-ценностных различиях сохраняли некую общую основу.

Определяющей чертой китайской философии и науки английский синолог Дж.Нидэм называет "организмический натурализм", или "организмический материализм". А.И.Кобзев полагает, что здесь уместнее понятие "натурализм", так как термин "материализм" коррелятивен идеализму и вне этой корреляции теряет научный смысл. Китайская же философия вообще не выработала понятия идеального как такового. Для нас

Продолжение. Начало см. "ПДВ". N 1, 1993 г.

л
и
с,
м
и
го
пя

самым существенным представляется уточнение, предложенное Дж.Нидомом - "организмический".

Организмическими принято называть теории, которые так или иначе исходят из представления об объектах исследования как о неких организмах. Эти представления отнюдь не сводятся к буквальному сопоставлению объектов с живым телом, хотя такие сравнения и характерны для организмических доктрин. Их определяющая черта - акцент на факторах организованности и цельности в структуре реальности.

В XX в. получили известную популярность такие организмические концепции, как гештальт-психология, организмальная биология, холизм, организмический индетерминизм и другие. Но корни этих теорий можно проследить в воззрениях Аристотеля на живую природу, Платона - на общество. "Организмичность" можно признать доминирующей тенденцией в сфере философии и науки на Западе в античную эпоху. Но уже в средние века она начала явно уступать позиции механицизму, идущему от античного атомызма. Понятийный аппарат механики стал категориальной базой естественных наук и взял в жесткую рамку общую картину мира почти независимо от форм ее философской конкретизации.

Во второй половине I тысячелетия до н.э. в античной и китайской культуре можно наблюдать множество типологически схожих элементов. Однако те из них, которые в западной философии и науке возобладали, в Китае оказались второстепенными либо вовсе прекратили существование. И наоборот: многое из того, что на Западе было отброшено на обочину философской и научной мысли, развивалось и совершенствовалось в Китае. В частности, китайская цивилизация сохранила "организмичность" в качестве ведущей философской и научной тенденции.

Чувство "единотелесности" с окружающим миром присуще, по-видимому, всем народам на определенном этапе развития культуры. Это чувство осмыслялось в мифах о происхождении человека и мира из одного начала, даже из одного материала, об участии человека в космических и земных природных процессах. Для организмического мировосприятия естественна идея гомоморфизма - единообразия "логанизмов" Вселенной, социума и человека. Эта идея обнаруживается в различных культурах. Но только в Китае и сопредельных ему странах она стала господствовать на уровне теоретического мышления в своем предельном выражении. Западные концепции организмического типа тоже допускают взгляд на тело человека или общество как образ космоса. Но - примечательное отличие - пространство, заданное геометрией Евклида. Часть его подразумевает включение в целое - одно "тело" заключено в другом. В китайской же традиции человек воспринимается не как часть, а скорее как некая грань целостного вселенского организма. По меткому сравнению канадского специалиста по китайской медицине П.Будона, микрокосм - человек и макрокосм - Вселенная предстают сторонами кольца Мёбиуса. Его хрестоматийная модель - склеенная с концов противоположными

поверхностями бумажная лента: при этом лицевая сторона становится "изнанкой".

Специфичность китайской философии можно отчасти объяснить тем, что в Китае I тыс. до н.э. вспышка философской рефлексии выхватила из процесса развития культуры ту фазу, когда ощущение "единотелесности" со средой еще не преодолено тягой рационального сознания к объективации окружающего мира, к самоотчуждению от него. Для "консервации" основанных на организмическом мировосприятии форм и способов мышления и тем более их развития в особом русле было необходимо уникальное стечение исторических обстоятельств. Например, совпадение определенной фазы развития интеллектуальной практики и появления таких социально-политических и экономических институтов, которые были заинтересованы в закреплении этой фазы и оказались весьма жизнеспособными, просуществовав, с известными модификациями, более двух тысячелетий. Отсюда отношение почти к любому проявлению традиции как к священной ценности и жесткая канонизация форм ее выражения.

Духовная и интеллектуальная стороны этой традиции равно опирались на организмическое мировоззрение. Практически все течения китайской классической философии рассматривали "единотелесность" человека и общества с миром как норму либо идеал, но акцентируя разные аспекты "единотелесности" - понятия и ти ("единое тело"), да ти ("великое тело") в этом смысле применяли и даосские, и конфуцианские мыслители. Поиски путей и средств к восстановлению и соблюдению такой нормы (к достижению идеала) стали "сверхзадачей" философии в Китае. Характерный для нее прагматизм получал общекосмическое, даже надкосмическое звучание, ничуть не отрываясь от чисто человеческой почвы. Как подчеркивает историк китайской философии Е.А.Торчинов, рассуждения о "метафизических" предметах китайские мыслители вели лишь для выхода в сферу этики и политики, а также аксиологии - учения о ценностях и ценностных установках.

Издавна отмечаемая исследователями "этизированность" китайской философии означает не просто преобладание этической проблематики, но тягу к универсализации этики - ей придается как социальный, так и гносеологический (относящийся к сфере познания), и онтологический (фундаментальные принципы бытия) смысл. Понятия, выражающие, казалось бы, собственно онтологические принципы, складываются в моральные конструкции; этические формулы опираются на представления о бытии и устройстве мира. Таким образом, почти исключительно секулярная китайская философия, даже в рамках философско-религиозных систем ухитрявшаяся в очень малой степени быть "служанкой теологии", в некоторых важных вопросах сближалась с европейской религиозно-теологической мыслью.

Содержание категорий китайской философии свидетельствует об ее своеобразной "антропологичности" - человек стоит либо в центре умопостроений, либо по крайней мере "имеется в виду". Одна сторона этой

особенности связана с онтологизацией этики, другая - с психофизиологическим измерением онтологических категорий, ярчайшим проявлением "организмического натурализма". Живая и неживая природа мыслятся не просто структурно схожими и подчиняющимися единым законам. Они представляются состоящими из одних и тех же субстанций, которые обеспечивают функционирование Вселенной, а также тела и сознания, выступающих в виде некоего психосоматического целого. Субстанции обуславливающие духовные, психические и телесные функции, различаются не сущностно, а "стадиально": они могут превращаться друг в друга в диапазоне, который, по нашим понятиям, охватывает и чисто духовные, и сугубо материальные явления.

Но каким образом практически любая философская категория позволяет разглядеть "почти всю" китайскую философию, да еще в динамике ее исторического развития? Меньший масштаб не дал бы оснований считать эти категории "окнами" в пространство духовной цивилизации, не существующее без исторического измерения.

Дело прежде всего в том, что категории китайской философии принципиально неоднозначны. В Европе, где философская традиция поддерживалась разноязычными народами, мыслители использовали тяготеющие к однозначности специальные слова греческого и латинского происхождения. Причем обычно новые идеи приводили к рождению новых терминов. В Китае же слова старого литературно-письменного языка взвывая, ставшие философскими категориями (а в первых канонических текстах бывшие в большинстве обычными лексическими единицами), сохраняли исходную многозначность, присущую незаимствованным словам любого языка, выражающим наиболее общие понятия. В то же время сакральный статус традиции обуславливал довольно жесткое ограничение круга философских понятий: вынужденные подкреплять свои идеи непрерывным авторитетом мудрецов древности, философы были склонны представлять новые учения как "правильное" прочтение старых. Поэтому несколько десятков устоявшихся терминов, охваченных системными связями и стабильными сочетаниями, для выражения новых идей должны были обрести новыми связями и сочетаниями. Они и обеспечивают многофункциональность китайских категорий, вытекающую из "организмического" способа мышления. В результате, с одной стороны, совокупное содержание философской категории отражает процесс формирования системы структурных связей внутри китайской философии - между ее отдельными пластами, течениями, доктринами и историческими этапами; с другой - тот или иной термин в разных, а нередко в одних и тех же текстах может обозначать различные явления. Некоторые современные исследователи даже сравнивают китайские философские понятия с математическими переменными.

Вместе с тем те или иные категории многофункциональны в разной степени и играли неодинаковые роли в философии и культуре Китая.

Естественно, что в первую очередь словарь знакомит читателя с самыми фундаментальными понятиями. Представить здесь глоссы о категориях китайской философии в том виде, в каком они даны в словаре "Философская и общественно-политическая мысль Китая", невозможно. Зависимость содержания той или иной категории от коррелятивной связи с другими философскими понятиями вынуждает применять в любой статье много китайских терминов. Тот, кто будет пользоваться словарем, сможет познакомиться с их значениями в соответствующих глоссах. Но читатель журнала сумеет отыскать эту информацию лишь в специальной научной литературе. Поэтому здесь статьи о категориях даны в сокращенном и адаптированном виде. В них используются в основном те китайские термины, контекстуальное значение которых легко объяснить, либо те, содержание которых уже известно по опубликованным в той же рубрике статьям. По этой причине пришлось, в частности, максимально сократить статью о категории Дао, с которой коррелируют практически все остальные категории китайской философии. Дао общепризнана важнейшей из них, с нее и следует начать освещение категориального ряда, но это крайне сложно без понятий-коррелятов.

Категории классической китайской философии и сама эта философия ныне представляют не просто абстрактный "научный интерес". Заключая в себе характеристические черты целой цивилизации, они притягивают надеждой получить ключи к загадке того экономического и социального взлета, которым в последние десятилетия поразили мир так называемые страны конфуцианской культуры - Восточной и Юго-Восточной Азии. Захватывает воображение и нарисованная выдающимся историком науки Дж.Нидэмом картина "экуменической" (вселенской), "целиком организмической" науки будущего, в которой сольются характеристики западной и восточноазиатской научной традиций. Уже сейчас без знания основ китайской философии становится невозможно изучать и осваивать тонкости самобытных систем терапии и психотренинга, созданных в Восточной Азии. По утверждению специалиста по математической физике, члена-корреспондента С.Н.Курдюмова, обращение ученых-естественников к традиционной науке Востока дает возможность обогатить естественнонаучный метод постижения мира за счет опыта прошлых поколений, установить связь новых научных понятий со всем, что знает человек о поведении сложных систем. Таких, какими являются человек, общество, Вселенная.

(С) 1993

А.Юркевич

ДАО. "Путь" (возможные контекстуальные значения - подход, график, функция, метод, закономерность, принцип, класс, учение, теория, правда, мораль, абсолют). Одна из важнейших категорий китайской философии. Этимология иероглифа дао восходит к идее главенства

(графический элемент "голова" - шоу) в движении-поведении (элемент "движение"-син). Ближайшая коррелятивная категория - дэ ("благодать-добродетель"). В современном языке бином даодэ означает мораль, нравственность. Термином дао передавались буддийские понятия марга и пада. Эквивалентами дао часто признаются Логос и Брахман. Иероглиф дао входит в обозначение даосизма (дао цзя, дао цзяо) и неоконфуцианства (дао сюэ). В различных философских системах дао определялось по-разному, поэтому конфуцианский мыслитель Хань Юй (VIII-IX вв.) назвал его, как и дэ, "пустой позицией", не имеющей точно фиксированного смысла.

В классическом "Каноне исторических писаний" ("Книга истории", "Шу цзин", VIII-IV вв. до н.э.) термин дао имеет абстрактные значения "поведение, продвижение, путь государя и неба" и соотнесен с дэ - также абстрактным обозначением социальной и космической гармонии. С возникновением китайской философии центральным для нее стал вопрос о соотношении "человеческого" и "небесного", т.е. общеприродного, дао. (В узком смысле "небесное дао" означало ход времени или движение звезд с запада на восток в противоположность движению солнца с востока на запад).

Конфуций (VI-V вв. до н.э.) сосредоточился на "человеческих" ипостасях дао, которые взаимосвязаны, но могут проявляться и независимо друг от друга. Он конкретизировал дао в различных наборах этизированных понятий: "сыновняя почтительность и братская любовь" (сяо ти), "верность и великодушие" (чжун шу), "золотое правило" морали, "гуманность" (жэнь), "знание" (чжи) и "мужество" (юнь) и т.п. В "Лунь юе" ("Беседы и суждения") - сборнике записанных учениками Конфуция его высказываний, дао - это благой ход общественных событий и человеческой жизни, зависящий как от предопределения, так и от отдельной личности. Его носителем выступает индивид, государство, все человечество (Поднебесная). В силу различия носителей различны и их дао: прямое и кривое, большое и малое, присущее благородному мужу (цзюнь цзы) и ничтожному человеку (сяо жэнь). Поднебесная может вообще утрачивать дао. В идеале единое дао должно быть познано. Его утверждение в мире исчерпывает смысл человеческого существования; при отсутствии дао в Поднебесной следует "скрываться", отказываться от службы.

Последователи Конфуция и представители других школ универсализировали концепцию двух главных видов дао и дэ, различая также дао порядка и смуты, древнее и современное, правильное и ложное, гуманное и негуманное, всеобщее и индивидуальное дао (например, в трактатах "Мэн-цзы", IV-III вв. н.э.; "Хань Фэй-цзы", III в. до н.э.). Ближайшие ученики Конфуция придали высшей ипостаси дао (великое - да, всепроникающее - да дао) универсальный онтологический смысл. В трактате "Чжун юнь" ("Срединность и постоянство", VI-II вв. до н.э.) дао "благородного мужа" или "совершенномудрого" определяется как исходящая из индивида общекосмическая сила - "упрочивающаяся на небе и земле", "материализующаяся в навах и духах", приводящая к благодати.

"Подлинность" ("искренность" - чэн) составляет "небесное", а ее осуществление - "человеческое" дао. Обретший предельную "подлинность" способен образовать триединство с Небом и Землей.

Дао в "Чжун юнэ" означает следование самому себе, или своей "индивидуальной природе", предопределяемой Небом. Совершенствование и дао, от которого нельзя ни на миг отойти, есть обучение (цзяо). "Гармония" (хэ) составляет всепроникающее дао Поднебесной, конкретизирующееся в пяти видах отношений: между правителем и подданным, отцом и детьми, мужем и женой, старшими и младшими братьями, друзьями и товарищами. Осуществляется это дао посредством "знания", "гуманности" и "мужества" - тройкой всепроникающей "великой благодати" (да дэ) Поднебесной. На обыденном уровне познание и осуществление дао доступно даже глупым и ничемным, но в своем предельном выражении оно содержит нечто непознаваемое и неосуществимое даже для "совершенномудрых".

В конфуцианском трактате "Мэн-цзы" (IV-III в. до н.э.) "подлинность" определяется как "небесное" дао, а "помышление" ("забота" - сы) о ней - как "человеческое дао". Дао "совершенномудрых" сводится к "сыновней почтительности и братской любви". В целом дао представляет собой соединение человека и "гуманности". Небесное дао предопределено, но кое в чем зависит от "индивидуальной природы", хотя в целом попытки воздействия на дао и "предопределение" бесполезны.

Сюнь-цзя (IV-III в. до н.э.) с одной стороны, гиперболизировал всеобъемлемость дао, объявив всю "тьму вещей" одним его "боком", с другой стороны, назвал "совершенномудрого" "пределом" дао. Постоянное в своей телесной сущности (ти) дао бесконечно изменчиво, поэтому неопределимо по одной из своих сторон. Посредством великого дао изменяются (бянь), трансформируются (хуа) и формируются все вещи. Следование дао предполагает обуздание страстей, индивидуальное накопление "благодати" (дэ), его предварительное выявление и познание. Последнее "осуществляется сердцем", исполненным пустоты, сосредоточенности и покоя.

Оппозиционная конфуцианской теории дао была развита в даосизме. Ее главная особенность - упор на "небесную", а не "человеческую" ипостась дао. Если конфуцианцы исходили из его словесно-понятийной выразимости и даже самовыразимости, активно используя такие значения дао, как "высказывание, изречение, учение", то основоположники даосизма заявляли о словесно-понятийной невыразимости высшего дао ("Дао дэ цзин" - "Канон дао и дэ", IV в. до н.э.).

В раннем даосизме на первый план выдвинулись парные категории дао и дэ, которым посвящен главный даосский трактат "Дао дэ цзин". В нем дао представлено в двух основных ипостасях: 1) одинокое, отдельное от всего, постоянное, бездеятельное, пребывающее в покое, недоступное восприятию и словесно-понятийному выражению, безымянное, порождающее "отсутствие-небытие", дающее начало Небу и Земле; 2) всеохватное, всепроникающее, подобно воде; изменяющееся вместе с миром, действующее, доступное

"прохождению", восприятию и познанию, выразимое в "имени-понятии", знаке и символе, порождающее "наличие-бытие", являющееся предком "тьмы вещей".

Кроме того, противопоставлены друг другу справедливое-"небесное" и порочное - "человеческое" дао, а также признается возможность отступления от дао и вообще его отсутствия в Поднебесной. В качестве "начала", "материи", "предка", "корня", "корневища" дао генетически предшествует всему в мире. Оно описывается как недифференцированное единство, "таинственное тождество" (сюань тун), содержащее в себе все вещи и символы (сян) в состоянии "пневмы" (ци) и "смени" (цзин), т.е. "вещь", проявляющаяся в виде безвещного (безобъективного) и бесформенного символа, который в этом аспекте пустотно-всеобъемлющ и равен всепроникающему "отсутствию-небытию". С другой стороны, "отсутствие-небытие", и следовательно дао, трактуется как деятельное проявление ("функция"-юн) "наличия-бытия". Генетическое превосходство "отсутствия-небытия" над "наличием-бытием" снимается в тезисе об их взаимопорождении. Таким образом, дао в "Дао дэ цзине" представляет собой генетическую и организующую функцию единства "наличия-бытия" и "отсутствия-небытия", субъекта и объекта. Главная закономерность дао - обратность; возвращение (фань, фу, гуй), т.е. движение по кругу (чжоу син), характерное для неба, которое мыслилось круглым. Как следующее лишь своему естеству (цзы жань), дао противопоставит опасной искусственности "орудий" и вредоносной сверхъестественности духов, определяя вместе с тем возможность и того, и другого. "Благодать" (дэ) определяется в "Дао дэ цзине" как первая ступень деградации дао, на которой формируется рожденная дао вещь. Полнота "благодати" означает "предельность смени" (цзин).

В "Чжуан-цзы" усилена тенденция к сближению дао с "отсутствием-небытием", высшей формой которого является "отсутствие (даже следов) отсутствия" (у у). Следствием этого явился расходящийся с "Дао дэ цзином" и ставший затем популярным тезис, согласно которому дао, не будучи вещью среди вещей, делает вещи вещами. В "Чжуан-цзы" усилены представления о непознаваемости дао: "Завершение, при котором неведомо, почему так, называется дао". Вместе с тем максимально акцентирована вездесущность дао, которое не только "проходит сквозь тьму вещей", образует пространство и время, (юй чжоу), но и присутствует в разбое, даже в кале и моче.

Близкая к даосизму школа Сун Цзяня-Инь Вэня (трактаты "Гуань-цзы"; "Инь Вэнь-цзы", IV-III в. до н.э.) толковала дао как естественное состояние "семенной", "тончайшей", "эссенциальной", "подобной духу" (цзин, лин) "пневмы" (ци), ничем не дифференцированной, а потому "пустотно-небытийной" (сюй у). В даосском в своей основе трактате "Хуайнань-цзы" (II в. до н.э.) "отсутствие-небытие" представлено в качестве "телесной сущности" дао. Обнаруживающееся в виде "хаоса",

"бесформенного", "единого" дао здесь определяется как "стягивающее пространство и время" и нелокализованно находящееся между ними.

Представители школы военной мысли (бин цзя) также положили концепцию дао в основу своего учения. В "Сунь-цзы" (V-III в. до н.э.) дао определяется как первый из устоев военного искусства, состоящий в единстве волевых помыслов народа и верхов. Поскольку война рассматривается как "путь дао коварства", дао связывается с идеей эгоистичной самостийности и индивидуальной хитрости, которая была развита в позднем даосизме ("Инь фу цзин", I в.).

Представитель оппозиционного конфуцианству легизма Хань Фэй (III в. до н.э.) развил намеченную Сюнь-цзы и важнейшую для последующих философских, особенно неоконфуцианских, построений, системную связь понятий дао и "принцип" (ли, структурообразующее начало): "Дао есть то, что делает тьму вещей таковой, что определяет тьму принципов. Принципы суть формирующая вещи культура (вэнь). Дао - то, благодаря чему формируется тьма вещей".

Базовой для развития китайской философской мысли стала трактовка дао в комментирующей части "Чжоу и" ("И цзин", "Канон перемен"; основной корпус - VIII-VII вв до н.э., комментирующая часть - V-III вв. до н.э.). Здесь фигурирует как двоичная модель дао Неба и Земли, "благородного мужа" и "ничтожного человека", так и троичная модель - дао Неба, Земли, человека. "Небесное" дао утверждается силами инь и ян, "земное" - "мягкостью" и "твердостью", "человеческое" - "гуманностью" и "долгом-справедливостью". Главное выражение дао - "перемены" (и), трансформации по принципу "то инь - то ян". Поэтому атрибутом дао является "обратность и возвратность" (фань фу). Дао в качестве "перемен" означает "порождение порождения" (шэн шэн), или "оживотворение жизни", что соответствует даосскому определению и пониманию порождения или жизни как "великой благодати Неба и Земли".

В дальнейшем историческом развитии двух главных концепций дао - конфуцианской и даосской - прослеживаются противоположные тенденции. В первой - все большая связь с "наличием-бытием", универсализация и объективизация, движение от онтологизированной этики к "моральной метафизике" (современное неоконфуцианство). Во второй - все большая связь с "отсутствием-небытием", конкретизация и субъективизация, вплоть до соединения дао с идеей индивидуального эгоистического прорыва "на небо", т.е. "пути" как хитроумной лазейки, на чем часто основывались поиски личного бессмертия в позднем даосизме.

(С) 1993

А.Кобзев

ДЭ. "Добродетель", "благодать" (качество, дарование, достоинство, достояние, доблесть, моральная сила, закономерность). Манифестация дао.

Иногда отождествлялась с тапа и virtus, использовалась для передачи буддийского гуна. В самом общем смысле обозначает основное качество, обуславливающее наилучший способ существования каждого отдельного существа или вещи, т.е. индивидуальной "благодати", поэтому часто определяется посредством омонима дэ - "достижение, давление". Поскольку специфику человека китайские мыслители конфуцианского толка обычно усматривали в способности придерживаться этических норм, его дэ в основном понималось как "добродетель", хотя могло обозначать, подобно греческому arete, чисто телесные достоинства. Будучи индивидуальным качеством, дэ - относительно (в отличие от всеобщего и потому абсолютного дао), поэтому "благодать" для одних может негативно оцениваться другими. Дэ - собирательный образ всего множества разнонаправленных сил, способных приходиться в столкновение друг с другом, поэтому гармонирующая их универсальная "благодать" часто выделяется посредством специальных эпитетов: "предельная", "великая", "таинственная", "сиятельная" и т.п. То, что для конкретного индивида является его "частной" или "отдельной благодатью", например, незаконное обогащение, с точки зрения "общей благодати" оценивается как "нечестивая", "темная", "развратная" или "плохая благодать". Как "внутреннее", органичное и естественное качество дэ составляет основную оппозицию с "внешней" физической силой, насилием, наказаниями и законом ("Лунь юй", "Дао дэ цзин", "Гуань-цзы", "Чжуан-цзы", "Хань Фэй-цзы"). Сочетание у дэ - "пять благодатей" со времен Цзоу Яня (III в. до н.э.) синонимично у син - "пяти элементам".

Согласно высказываниям Конфуция в "Лунь юе", "благодать" изреченна, более того - родит дар слова, состоит в "верности", "благонадежности" и "долге-справедливости", противостоит прельщающей внешности (цветовому образу - сэ) и "почвенной закоренелости" (ту). "Благодатью" следует отвечать на "благодать", а не на вражду. В отношениях же между дэ "благодать" "благородного мужа" (цзюнь цзы) доминирует над "благодатью" "ничтожного человека" (сяо жэнь), как ветер - над травой. Идеальная гармония между дэ правителя и подданных выражается главным тезисом конфуцианского трактата "Да сюэ" ("Великое учение", V-III вв. до н.э.) об общественном благоустройстве как "выявлении сиятельной благодати в Поднебесной", которое предполагает предварительное духовное и телесное самосовершенствование личности.

В "Чжуан-цзы" предельное всемогущество дао проявляется в естественном детерминизме "благодати": "Знать, что тут ничего не поделаешь, и спокойно принимать это как предопределение есть предел благодати". Дэ "проникает в небо и землю", подразделяется на восемь разновидностей: левое и правое, нравственную норму и "долг-справедливость", долю и различие, соперничество и борьбу. Три благодати конкретной личности - высокорослость, дородство, красота, а "предельная благодать сердца" - бесстрашие.

Восходящие к "Лунь юю" и "Чжуан-цзы" соответственно конфуцианская и даосская трактовка дэ развивались в русле эволюции концепций дао.

(С) 1993

А.Кобзев

ЦИ. "Пневма" (эфир, атмосфера, газ, воздух, дыхание, дух, нрав, темперамент, энергия, жизненная сила, материя). Одна из основополагающих и наиболее специфичных категорий китайской философии, выражающая идею континуальной, динамической, пространственно-временной, духовно-материальной и витально-энергетической субстанции. Этимологическое значение - "пар над варящимся рисом". Стандартную терминологическую оппозицию ци составляет ли ("принцип"). Предельно общее понятие ци конкретизируется на трех главных уровнях: космологическом, антропологическом и психологическом. В первом случае ци - универсальная субстанция Вселенной; во втором - связанный с кровообращением наполнитель человеческого тела (аналог "жизненных" или "животных духов" европейской философии), способный утончаться до состояния "семенной души" (цзин) и "духа" (шэнь); в третьем - проявление психического центра, "сердца" (синь), управляемое волей и управляющее чувствами. Общепризнанным в китайской философии было представление о ци как бескачественном первовеществе, из которого состояла Вселенная в исходной фазе своего развития, называемой "хаосом" (хунь дунь), "Великим пределом" (Тай ци), "Великим единым" (Тай и), "Великим началом" (Тай чу) или "Великой пустотой" (Тай сюй). Начальные формы дифференциации этого вещества - инь ян и "пять элементов" (у син).

Философской категорией термин ци стал в IV в. до н.э. в таких классических памятниках, как "Гуань-цзы", "Мэн-цзы", "Чжуан-цзы" и других. Хронологически первым, видимо, можно считать упоминание ци в "Го юй" (V в. до н.э.), где оно отнесено к VIII в. до н.э.: Бо Янфу, сановник царства Чжурю, объяснил землетрясение нарушением порядка взаимодействия ци Неба и Земли. Единым субстанциальным началом, "пронизывающим тьму вещей", ци предстает в "Дао дэ цзине" (IV в. до н.э.). Положение о преобразовании ци в конкретные объекты вследствие сгущения и разрежения, ставшее общепринятым в китайской классической философии, впервые прозвучало в "Чжуан-цзы", где указанные процессы применительно к ци осмыслились как синонимы жизни и смерти. Там же обозначена связь сгущения и разрежения, подъема и опускания "пневменных" субстанций с психоэмоциональной сферой. В "Цзо чжуани" (IV в. до н.э.) человеческие эмоции и "вкусы" (горечь, сладость и т.п.) объявляются порождением, а "воля" - воплощением ци.

В "Си цы чжуани" ("Комментарии привязанных слов" - приложении к основному корпусу "И цзина", IV в. до н.э.) ци соединено с понятием цзин

("семя"), выражающем в "Дао дэ цзинь" порождающую потенцию дао: "осеменная (утонченная) пневма (цзин ци) образует вещи" благодаря тому, что "мужское и женское (начала) связывают семя". Содержащиеся в "Си цы чжуани" высказывания о цзин как обозначении разумного начала корреспондируют с пассажами из "Гуань-цзы", где цзин ци фактически отождествляется с "духом" (шэнь) как психическим началом. В "Мэн-цзы" представлено положение о единении телесного и духовного ("мысленного"-и) ци в "сосредоточенности на долге", рассматривавшейся как выражение безбрежности мировой "пневмы".

В даосском трактате "Хэ Гуань-цзы" (IV в. до н.э.) или конфуцианцем Дун Чжуншу (II в. до н.э.) введено понятие "изначальная пневма" (юань ци), из которой "образуются Небо и Земля". Дун Чжуншу отождествил "изначальную пневму" с качествами, полученными человеком от родителей и с общемировой субстанцией. В "Хуайнань-цзы" (II в. до н.э.) ци рассматривается в космологическом и антропологическом плане как одно из порождающих начал наряду с "духом" и "семенем", и одновременно объединяющее их - "то, что выполняет все сущее".

Ван Чун (I в.) интерпретировал воплощенное в ци духовное начало - шэнь ци как "утончение" цзин ци, а сгущение и разрежение "пневмы" сравнил с образованием льда и его таянием: человек порождается "духовной пневмой" (сгущение) и возвращается в нее со смертью (разрежение). Понятие шэнь ци у Ван Чуна может быть истолковано как синоним "изначальной пневмы", в которой "отсутствует разделение (на мутное и чистое)". Ван Су (III в.) отождествил "изначальную пневму" с "Великим единым" (Тай чу) космогенеза. Один из основоположников неоконфуцианства Чжан Цзай (XI в.) связал ци с понятием у цзи ("беспредельное") и "Великая пустота" (Тай ской), акцентировав неуничтожимость "пневмы", сгущение и разрежение которой реализуется в мировых трансформациях (бянь хуа), образующих "преходящие" "формы" (син) и "образы" (сян).

Ван Янмин (XI - начало XVI в.) трактовал ци, "дух" и "семя" как "одну вещь": "распространяющаяся активность - это пневма, сгущенное скопление - это семя, а чудесное (утонченное) применение - это дух". Выражение этого единства Ван Янмина находил в "благомыслии" (лян чжи) - врожденном интуитивном "знании блага". Ван Чуаньшань (XVII в.) усматривал в концентрации и рассеивании ци причины "видимости" или "невидимости" чего-либо, позволяющих говорить о "бытии-наличии", "форме", либо о "небытии-отсутствии", "несоформленности". Янь Фу (XIX в.) объяснял западное понятие эфир как "имя самого чистого ци".

Традиционные концепции ци в настоящее время играют большую роль в теории китайской медицины.

КИТАЙСКИЕ ГОДЫ ПЕРЛ БАК

(С) 1993

Б.Гиленсон

Стали классикой строки Киплинга: "Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись". Литературная и общественная деятельность Перл Бак (1892-1973) служила опровержением этих слов, была направлена на то, чтобы "возводить мосты" взаимопонимания между Востоком и Западом, азиатским и европейским менталитетом. Понятие "мост" было, вообще, едва ли не "ключевым" в ее жизненной философии. В одном из последних романов она приводит формулу древнекитайской мудрости: "Мы все едины под небом". Уникальность ее жизненной и писательской судьбы коренилась в том, что она принадлежала обоим мирам, восточному и западному. Американка по рождению, она первую половину жизни провела в Китае, вторую - на родине, была исключительно плодовита, опубликовав около сотни книг в самых разных жанрах: художественном, публицистическом, историческом. Ее наследие обширно и неравноценно, да и изучено далеко не в полной мере.

Но совершенно очевидно, что ее литературный вклад связан прежде всего с освоением китайской тематики. На закате своей долгой и плодотворной жизни она признавалась: "Мне было бы трудно определить, какая часть мира в большей степени является моей... Я предана Азии так же, как моей родине"¹. Она обычно называла Китай своей "второй родиной".

Ее судьба складывалась из резких контрастов. Третий гражданин США, удостоенный Нобелевской премии по литературе (1938), она не была по достоинству оценена у себя на родине, хотя и получала самые престижные награды. И все же ей приходилось выслушивать брюзжание "высоколобой" академической критики, которая намеренно снижала ее "рейтинг", не желала ставить Перл Бак на достойное место в списках ведущих американских писателей. Не признавала оптимистический настрой ее книг (в то время как в моде был пессимизм), ее несколько "старомодную" повествовательную технику и то, что она много писала о Китае и других странах Азии, а потому считалась "не совсем американской"². Неоднозначно относились к ней и в Китае. А между тем она имела широчайшую аудиторию читателей... и за пределами США, пожалуй, даже большую, чем на родине. Ее книги печатались на десятках языков, что сделало ее, наряду с Марком Твенем,

Гиленсон Борис Александрович, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой литературы Орехово-Зуевского пединститута.

Перл Бак

одним из самых читаемых в мире американских авторов. Исключительно популярна была Перл Бак и в нашей стране³. Однако после войны не было издано ни одного ее произведения. Гуманистический пафос ее книг, а главное – осуждение всех форм тоталитаризма пришлись не по вкусу нашим критикам тех лет⁴. Вот уже несколько десятилетий творчество Перл Бак остается "белым пятном" для читателей, да и для многих литературоведов. И это в то самое время, когда в мире не только продолжают быть популярными ее произведения, но и сохраняют свою актуальность горячие выступления против фашизма, расизма, в защиту гражданских свобод и прав личности. Уникальное знание как Востока, особенно Китая, так и Запада, интерес не только к литературной, но и общественно-политической, этической, философской проблематике, – все это придавало ее воззрениям масштабность, позволявшую рассматривать происходившие в мире события под широким углом зрения.

Годы становления

Перл Бак (ее настоящая фамилия была Сайденстриккер) родилась 26 июня 1892 года в США в местечке Хиллсборо в штате Западная Виргиния. Еще ребенком она была увезена в Китай, где провела с небольшими перерывами почти сорок лет. Ее родители Абсолом и Кэролайн (урожденная Сталтинг) занимались в Китае миссионерской деятельностью. Семья была обеспеченной, культурной, мать ревниво заботилась о воспитании детей. Будущую писательницу окружал причудливый, экзотический мир: необычная архитектура, буддийские храмы, статуи богов, пестрые народные празднества, разноликие человеческие типажи – от бедняков и нищих на улицах китайских городов до ученых старцев и бандитов, скрывавшихся в горах и терроризировавших местное население. С детства Перл Бак приходилось общаться с простолюдинами, ремесленниками, мелкими торговцами, теми, кому позднее суждено было стать героями ее книг. Повзрослев, свободно владея китайским языком, она проявляла неизменную пытливость и коммуникабельность, способность быстро находить контакты с разными людьми, что давало бесценный запас впечатлений. Ее няня-китаянка была подлинным кладезем бесчисленных восходящих к фольклору сказаний и баек. Позднее Перл Бак говорила, что они стали первыми источниками ее творчества. Но сильнее волшебных сказок увлекали ее рассказы о живых людях. О них она слышала от отца, возвращавшегося из своих миссионерских вояжей. С ранних лет в Перл крепло желание заняться писательством, словом передавать виденное и услышанное. Манеру устного рассказа она впитала в себя с детства.

Жизнь в Китае, безусловно, сказалась на характере ее образования. Она была неутомимым читателем, однако, ей нечасто удавалось доставать книги современных авторов. Круг ее чтения в основном касался англоязычной

Вручение Нобелевской премии Перл Бак

классики; одним из ее любимцев был Диккенс, которого она ежегодно перечитывала. Кроме того, благодаря свосму учителю мистеру Куну она приобщалась как к древнекитайской словесности, так и к конфуцианской философии. Перл Бак училась сначала в школе при миссии, потом в частной школе в Шанхае, наконец, в 17 лет уехала в Америку, где в 1914 г. с отличием окончила Рендольф-Мейконский женский колледж. Ей предложили там же ассистентскую преподавательскую работу, однако вскоре ей пришлось вернуться в Китай, чтобы ухаживать за тяжело заболевшей матерью. В 1917 г. Перл выходит замуж за приехавшего в Китай американца Джона Лоссига Бака (фамилию которого она берет), специалиста в области агротехники. Он, в частности, инструктировал местное население о новейших методах земледелия. Вместе с мужем Перл Бак отправляется в северные районы Китая, где проводит более четырех лет (1917-1921) и непосредственно соприкасается с трудом, бытом, традициями, всем жизненным укладом крестьян. Этим людям довелось позднее стать героями ее прославленных романов, прежде всего "Земли". Само же общение с ними укрепляло искреннюю любовь писательницы к китайскому народу. После пребывания в Северном Китае Перл Бак в 1921 г. переехала в Нанкин, где Джон Бак стал преподавать в местном университете; там же начала педагогическую работу и Перл Бак - вела занятия по английской литературе. Преподавала она и в других университетах.

Смерть матери в 1921 г. побудила Перл Бак заняться разысканиями историко-генеалогического характера, связанными с ее семьей, - она писала биографию Кэрлайн Сталтинг, но не намеревалась печатать рукопись, а хотела лишь ознакомить детей с жизнью матери, ее благородным обликом. Рукопись была издана только в 1936 г.

Шли 20-е годы XX века. Это был огромной значимости период китайской истории, когда свершались быстрые социальные перемены революционного характера, трансформировалась страна, ломался, казалось бы, устоявшийся уклад жизни. После падения монархии (1911 г.) у власти находился глава Гоминьдана Сун Ятсен. С созданием в 1921 г. компартии появилась новая, все более крепнущая сила, вступившая в конфликт с Гоминьданом. Работая над семейной хроникой и романами, Перл Бак ощущала потребность проникнуть в смысл происходившего.

В середине 1920-х годов появились первые публикации Перл Бак - статьи и очерки, в частности, в американских журналах "Форум", "Нейшн", "Эйша". В 1925 г. она уезжает в США для продолжения образования и для того, чтобы поправить здоровье дочери Кэрл, родившейся с серьезной патологией. Однако, выслушав вердикт врачей о неизлечимости заболевания, вынуждена была поместить ее в специальную клинику. Это был тяжелейший удар по ее материнскому сердцу. В дальнейшем она воспитывала приемных детей, а участь инвалидов детства всегда находила у нее живейшее участие.

В 1927 г. Перл Бак защищает диссертацию об английских эссеистах XIX века в Корнеллском университете. Уже тогда она проявила себя человеком не только многообразно одаренным, но и наделенным завидной творческой волей. Не имея экономического образования, она пишет реферат на тему: "Китай и Запад", где касается проблем внешней торговли. Как участник конкурса выходит победителем и получает премию в 200 долларов, оказавшуюся весьма кстати в ее затруднительном материальном положении. Но это было больше, чем скромное поощрение. "Премия дала мне веру в себя как в писателя"⁵, - заметила она позднее. В дальнейшем Перл Бак не раз демонстрировала универсальность своих интересов, выходя за рамки словесности в сферу политики, истории, социологии, культурологии.

Художественный дебют Перл Бак относится к 1925 г., когда в журнале "Эйша" она напечатала рассказ "Говорит китаянка". После публикации она получила предложение переделать его в роман. Но тогда не была еще готова к написанию произведения крупной эпической формы и напечатала лишь еще один рассказ, продолжение первого. Только пять лет спустя оба они были переработаны в роман "Восточный ветер, западный ветер", увидевший свет в США в 1930 г.

Этот первый роман, облеченный в эпистолярную форму, строился как своеобразный монолог главной героини китаянки Квей лан, посылающей письма своей подруге, иностранке, побывавшей в Китае. Темой романа, принципиально важной для Перл Бак, стало столкновение двух культур, двух традиций, мироощущений, укладов - китайского и европейского. Несмотря на очевидные недостатки, "заданность" характеров, первый роман Перл Бак свидетельствовал о ее несомненных достоинствах: наблюдательности, объективности, прирожденном даре рассказчика.

Между тем в жизни Перл Бак происходили драматические события. Во время революционных выступлений в Нанкине в 1927 г., подавленных гоминьдановцами, возникли беспорядки, дома иностранцев подверглись разграблению. Не избежала этой участи и Перл Бак, пережившая вместе с мужем смертельную опасность. Погибли многие вещи, а главное рукопись еще одного романа, которую так и не удалось восстановить. На американском военном корабле Перл Бак переехала в Японию, где провела около года в маленьком домике в горной местности. В то время как многие ее соотечественники решили навсегда покинуть Китай, Перл Бак не последовала их примеру. Проникнутая глубинной симпатией к народу, она желала "находиться в гуще событий и увидеть, во что все это выльется"⁶.

Время шедевров

В Японии Перл Бак приступила к написанию романа "Земля", которому суждено было сыграть счастливую роль в ее литературной карьере. Замысел его давно вынашивался. Как позднее свидетельствовала

писательница, поначалу у нее не было ни сюжета, ни плана. Только мужчина, женщина и их дети стояли у нее перед глазами. Люди-земледельцы, подобные им, составляли четыре пятых населения огромной страны, но они были лишены голоса и обязаны были лишь трудиться и платить налоги. Их третировала высокоученая элита. Перл Бак относилась к ним с огромной симпатией. Она писала, что "крестьянин мог не уметь читать, но зато говорил богатым языком, жил в сложном мире взаимоотношений, определенных древними традициями, был умен в практической жизни, находчив в борьбе за существование, обладал глубоким чувством собственного достоинства"⁷.

Роман "Земля", вышедший в 1931 г. и имевший сенсационный успех, кстати, совершенно неожиданный для его автора, знаменовал начало самого плодотворного этапа в творчестве Перл Бак. Он охватывает почти целое десятилетие, 30-е годы, когда писательницей были созданы ее лучшие романы и книги публицистического характера, посвященные Китаю. Они принесли ей мировую известность.

Роман "Земля" - своеобразная семейная крестьянская сага, в центре которой два психологически убедительно очерченных образа: крестьянин Ван Лун и его жена О-лан. Постепенное возвышение трудолюбивого и прижимистого Ван Луна контрастирует с упадком усадьбы семейства Хванов, проматывающего состояние в роскоши и безделье. Для Ван Луна земля - смысл и цель существования, его кормилица, все его усилия направлены на расширение надела и приумножение достатка. Повествование выстраивается как цепь эпизодов и сцен: упорный труд в поле, где бок о бок с ним неутомимая О-лан, эпидемии и наводнения, неурожай, рождение детей, старение и смерть О-лан, появление в доме наложниц по имени Лотос и Цветок Груши. Роман пленял читателей описанием сельскохозяйственных работ; различных церемоний и обрядов таких, как свадьба, похороны, празднование нового года, приготовление пищи и т.д. Перл Бак наглядно и зримо изображала, что происходило в далекой, малоизвестной многим стране.

"Земля" принадлежала к тому жанру, который критики называют "роман-река". Он передает неторопливое течение жизни, монотонность крестьянского быта, строго хронологически прослеживает судьбу поколения через историю одной крестьянской семьи. Эпический характер произведения подчеркивался предельной объективностью повествователя. Как заметил один из критиков, если бы мы не знали имени автора, то вряд ли сумели определить, кто его писал, мужчина или женщина, радикал или, напротив, консерватор. При этом объективность вовсе не означала бесстрастия. Писательница демонстрировала глубокое понимание своих героев, их чаяний.

Сама форма романа была столь же незамысловатой, как и бытие земледельца, одного из миллионов "забытых людей". На его страницах менялись времена года, циклы сельскохозяйственных работ. Земля определяла привычки, стиль жизни, мироощущение крестьянина. Позднее Перл Бак писала: "Тот, кто живет в этой огромной стране, где время

измеряется столетиями, а ландшафты отличаются таким разнообразием, какое только встречается на земле, - тот не может не испытать ощущения вечности"⁸. Это выражение "ощущение вечности" помогает понять пафос романа "Земля".

Вырастая из специфически китайского материала, обладая особым этническим колоритом, роман сохранял свою художественную универсальность, будучи обращен к общечеловеческим ценностям и проблемам: жизнь и смерть, семья, труд, взаимоотношения родителей и детей. Глубокая значимость того, о чем повествовала Перл Бак, подчеркивалась соединением народного сказа с библейской интонацией.

Роману суждено было стать одним из самых громких бестселлеров в американской литературной истории. В этой роли он пребывал 22 месяца, причем в первые 12 разошлось рекордное число экземпляров - около миллиона восьмисот тысяч. Роман перевели более чем на три десятка языков, не считая "пиратских" изданий. Он был удостоен весьма престижной Пулитцеровской премии как "лучший роман года". Это сразу же выдвинуло писательницу в первые ряды. Она была избрана в Национальную Академию литературы и искусства (1936 г.).

"Земля" поразила своей новизной, для миллионов читателей стала открытием неведомого им мира. По словам критика Джеймса Грея, Перл Бак помогла узнать Китай благодаря манере, исполненной "здорового смысла, сочувствию к героям и проникновению в материал"⁹. Мнение многих рецензентов выразил Карл Ван Дорен, когда утверждал, что писательница сделала китайцев настолько близкими и понятными, словно речь шла о ближайших соседях. Вообще критики не скупилась на лестные эпитеты и отзывы о романистке.

Несколько иной была реакция в самом Китае. Официальные круги были явно раздражены тем, что картины бедствий и лишений, выпавших на долю тружеников земли, создавали неблагоприятный "имидж" их страны. Когда Голливуд, осуществлявший экранизацию романа (имевшую широкий успех), проводил съемки на натуре в Китае, власти настаивали, например, на том, чтобы крестьяне, особенно женщины, были празднично одеты, чтобы в поле трудились не вола (как это было в действительности), а тракторы (которых тогда почти не было у крестьян) и т.д. Некоторые китайские критики и интеллектуалы были уязвлены тем, что героями всемирно знаменитого произведения оказались простые люди, а не элитная верхушка. Они не поняли того, что, по словам Перл Бак, им "следовало бы гордиться простыми людьми, ибо именно они составляют славу и силу Китая". Впрочем, у Перл Бак нашлись авторитетные сторонники, среди которых были известный философ Ли Ютан и его племянник, молодой литератор и переводчик. В письме к Перл Бак, обращаясь за разрешением перевести роман "Земля", он писал ей, что этот роман "содержит больше правды чем некоторые сочинения знаменитых иностранных профессоров, пишущих о жизни китайских крестьян"¹⁰.

Успех "Земли" окрылил писательницу, побудил ее продолжить эту семейную сагу. У нее созрел замысел трилогии, которая позднее получила название "Дом земли". Второй роман трилогии "Сыновья" (1933 г.) повествовал о втором поколении Ван Луна, о его детях. Первый сын - Ван Старший желает лишь богатства и жизненных удовольствий; второй - Ван Средний - расчетливый бизнесмен, озабоченный прибылью. Наиболее обстоятельно разработана сюжетная линия младшего из братьев, прозванного Ваном Тигром, который избирает военную стезю, набирает собственную дружину, превращается в полководца регионального масштаба, каковых было немало в Китае в начале века. Человек решительный и жестокий, Ван Тигр в качестве командира своего отряда ведет схватки за сферы влияния с такого же рода местными воеводами, пока не становится полновластным хозяином на завоеванной территории, где правит безраздельно - казнит, милует, собирает налоги. Однако его сын Юань, которого он желал бы воспитать профессиональным военным, не хочет идти по стопам отца. Конфликт отца и сына обрел в романе определенный социальный смысл, по-своему символизируя столкновение старого и нового в китайском обществе.

Дальнейшему пути сына Вана Тигра посвящена заключительная часть трилогии - роман "Разделенный дом" (1935). После ссоры с отцом Юань уезжает в дом своего деда, но не находит общего языка с дядьями. Его влечет сельская жизнь, но он ее представляет в розовом, романтическом свете, весьма далеком от суровых жизненных реальностей. Юань ненадолго присоединяется к революционерам, его хватают и заключают в тюрьму. С большим трудом, с помощью взятки его удается освободить из заключения и отправить за океан в США. Там он в течение шести лет учится, получает образование, степень доктора. Вернувшись на родину вместе с началом нового революционного брожения, находит отца умирающим, а его армию разбитой. Видит он и новые власти, пораженные коррупцией. Они оторваны от народа и зависимы от иностранного капитала. Перед Юанем страна в состоянии кризиса, разброда, да и сам герой не может четко определить свою позицию. Он лишь приходит к выводу, что следует принимать Китай и народ такими, какие они есть. Заключительная часть трилогии несла в себе приметы живой современности, но в художественном отношении заметно уступала первым двум.

Завершив трилогию, Перл Бак публикует свой роман "Мать" (1934 г.), тоже ставший широко известным. На этот раз предмет ее внимания - не семья, а отдельная личность, женщина-крестьянка. Простая, добрая, она всю жизнь проводит в поле, подчинив всю себя борьбе за существование, стойко перенося удары судьбы, потерю близких. В этом романе, как и в трилогии, вновь художественно воплощалась мысль о цикличности жизни, о смене поколений. При этом фигура главной героини обретала символические масштабы всеобщей матери, любящей и страдающей. Притчевая манера повествования подчеркивала философский пафос произведения.

В этих четырех "китайских" романах Перл Бак вырисовывался образ далекой и малоизвестной миллионам людей на Западе страны: скромные хижины трудолюбивых крестьян, тихие дворики, чайные домики, звуки гонгов и голоса корабельников на улицах, жалобы обездоленных и победные клики бунтовщиков, фигуры бандитов и алчных помещиков. Правда, китайский колорит книг вызывал у ряда критиков на ее родине сомнения относительно того, правомерно ли считать ее американским литератором. Для некоторых она была китайской писательницей, родившейся в Америке и писавшей по-английски...

В середине 30-х годов в жизни Перл Бак происходят важные перемены. В 1934 г. она покидает Китай, переселяется в США, покупает усадьбу в штате Пенсильвания, которая становится ее "новым домом". В следующем году она разводится с Джоном Баком и выходит замуж за Роберта Уолша, президента издательской фирмы Джона Дея, человека, близкого ей по литературным и общественным интересам, активно помогавшего в публикации ее произведений. Вскоре усадьба наполняется детскими голосами: супруги берут на воспитание детей-сирот. В конце 30-х годов их было уже пятеро. Писательница делит время между работой за письменным столом и многообразными семейными обязанностями, воспитанием подрастающего поколения. Она также увлечена садоводством, прекрасно музицирует, неожиданно обнаруживает дарование скульптора. С помощью секретаря успеваеt отвечать на множество читательских писем.

В ее творчество входит новая тематика, оно "американизируется". Но Китай, ее вторая родина, и шире - Азия по-прежнему остаются источниками сюжетов и идей, питающих художественную фантазию Перл Бак.

Нобелевский лауреат

Присуждение в 1938 г. Перл Бак Нобелевской премии по литературе стало для писательницы и ее многочисленных поклонников радостной неожиданностью. Правда, не было недостатка в недоброжелателях и завистниках. Среди тех, кто ее активно поддержал, был Синклер Льюис, первый американец - Нобелевский лауреат, отметивший, что писательница дала "новый образ Востока в живых человеческих характерах"¹¹. Знаменитый сатирик ободрил ее и посоветовал "ни в коем случае не принижать своих заслуг" и, в то же время, больше заботиться о художественной отделке произведений. Секретарь Нобелевского Комитета Андерс Остерлинг, объясняя выбор, сделанный Шведской Академией, подчеркивал, что "ее романы о жизни китайских крестьян заняли прочное место в силу таких достоинств, как верность действительности, богатство деталей и редкое проникновение, с каким писательница описывает регион, малознакомый и почти не доступный для западных читателей"¹². Особо

выделил он две биографические книги о ее родителях, выпущенные Перл Бак в середине 30-х годов.

В первой книге "Ссылка" (1936 г.) предстает многогранный образ матери писательницы, урожденной Кэролайн Сталтинг, предки которой, голландцы, спасаясь от религиозных преследований, нашли убежище в США. Кэролайн была натурой одаренной, незаурядной и в то же время словно сотканной из противоречий; с одной стороны, живая, веселая, образованная, музыкальная, она щедро одаряла любовью близких, особенно детей; с другой, - это был человек строгой пуританской закалки, решивший посвятить жизнь Богу. Природное жизнелюбие конфликтовало в ней с почти фанатичной религиозностью. Уже после приезда в Китай, где она также занималась миссионерской деятельностью, углубилось несходство характеров супругов, что омрачало их семейную жизнь. Тем не менее, Кэролайн стремилась быть для мужа опорой и, в частности, помогала ему в переводе Нового завета на китайский язык. Ее жизнь была далеко не безмятежной. Во время "боксерского" восстания ихэтуаней 1900 г. семье пришлось спастись от повстанцев, угрожавших их жизни. В другой раз при отлучке мужа по миссионерским делам толпа хулиганов собралась у дома Кэролайн, угрожая расправиться с ней и детьми: они были единственными "белыми" среди обитателей квартала. Кэролайн спокойно вместе с детьми подошла к воротам, отворила их, вежливо пригласила "гостей" выпить чаю. Толпа была поражена ее хладнокровием и оставила в покое.

Вторая биографическая книга Перл Бак "Сражающийся ангел" (1936 г.) - об отце Абсоломе Сайденстриккере, умершем в 1931 году (в книге он назван Эндрю) - была художественно более яркой и цельной, чем первая, и лишена налета сентиментальности. К тому же писательница проявила объективность и взвешенность в художественной характеристике такой неординарной, сложной личности, какой был ее отец.

Абсолом был одним из семи сыновей фермера из Западной Вирджинии. Шестеро из них сделали священниками. Абсолом с детства боролся с бедностью и нуждой. Учился он отлично, получил университетский диплом, затем закончил пресвитерианскую семинарию. Приехав в Китай для миссионерской работы, начал изучать язык, которым занимался с редким упорством по восемь часов в день. Абсолома вообще отличали воля и одержимость в работе. Все, находившееся за ее пределами, имело для него второстепенное значение.

Обычно он отправлялся в какой-то городок или деревушку, занимал место в чайном домике, поджидал, пока вокруг него не соберутся люди, и начинал рассказывать о себе и расспрашивать окружающих об их делах, затем приступал к проповеди. Раздавал или продавал слушателям религиозную литературу. Спустя некоторое время снова появлялся в этом месте. Не все подобные визиты заканчивались благополучно: случалось его и обворовывали, и забрасывали камнями, и осыпали проклятьями. Но это отнюдь не охлаждало его пыла. Бессеребреник, он стремился быть отцом для

своей китайской паствы, но, к сожалению, это не всегда распространялось на его собственных детей...

По мысли Перл Бак, отец принадлежал к уникальному поколению людей, одержимых, ищущих приключений, которые, не стань миссионерами под влиянием возникшей в юности любви к Богу, с успехом могли бы сделаться капитанами кораблей, золотонскаателями, землепроходцами. "Среди них не было ни одного робкого. Они шли по улицам китайских городов, убежденные в своем праве вершить выбранное ими дело"¹³.

Завершив эти две книги, Перл Бак в краткой заметке поделилась опытом работы в новом для нее биографическом жанре. Она, в частности, писала: "Разница между написанием художественного произведения и биографии аналогична разнице между свободным путешествием в горах и прогулкой по саду, окруженному оградой"¹⁴. В беллетристике писатель волен выбирать характеры по своему желанию, при создании же жизнеописания возникают ограничения, поскольку изображается человек с определенным характером, совершивший определенные поступки, живший в определенное время. "Беллетристика - живопись, а биография - фотография. Беллетристика - созидание, а биография - аранжировка"¹⁵. Заметим, что в этих и некоторых других суждениях Перл Бак сказались известная ограниченность ее эстетики, она декларировала принцип буквальной верности жизни, "фотографической" точности.

В канун получения Нобелевской премии Перл Бак публикует ставший широкоизвестным роман "Гордое сердце" (1937 г.), содержащий, как и многие ее произведения, автобиографические мотивы. В центре его - Сюзен Гейлорд, женщина волевая, наделанная художественным талантом, которая не может примирить свои творческие устремления скульптора с тягой к семейному очагу, желанием личного счастья.

Последовавшее спустя год присуждение романистке Нобелевской премии было ее звездным часом. Тем ее недоброжелателям, которые утверждали, будто награда дана не по эстетическим, а политическим мотивам, убедительно ответил критик Оскар Карджилл: "Для мыслящих американцев... премия стала, в итоге, убедительным напоминанием, что чистая эстетика - это еще не самое главное в литературе... Перл Бак обладает такой универсальностью и широчайшей популярностью, какую нечасто встретишь"¹⁶.

В Нобелевской речи, произнесенной по традиции 10 декабря, писательница тепло говорила о "народе Китая, с которым жила одной жизнью в течение многих лет"¹⁷. Тогда же ею была прочитана и Нобелевская лекция, адресованная членам Шведской Академии. В лекции, озаглавленной "Китайский роман", она нарисовала широкую картину развития этого жанра. Охарактеризовав эстетику китайского классического романа, который вобрал в себя традиции фольклора и народного сказа, отражал чаяния и интересы трудового люда, но был недооценен учеными педантами, сторонниками "чистой" изящной словесности, Перл Бак говорила о том, что его

:художественные особенности определили свособразие ее собственной писательской методологии. "Издатели и литературные агенты, - вспоминала юна позднее, - уверяли меня, что мне никогда не добиться успеха, если я буду писать о народе Китая. Я думала об этом в тот день, когда стояла перед королем Швеции, принимая от него Нобелевскую премию"¹⁸.

Вообще убеждение в непреходящей ценности народного искусства составляет пафос ряда ее выступлений, в частности, докладов, прочитанных в Пекинском университете (1932 г.), женском колледже Рендольф-Мейкон (США / 1933 г.). Исходя из стилистики устного народного сказа, Перл Бак декларировала такие свои принципы, как предельная объективность, раскрытие характеров через поступки и высказывания, отказ от авторского комментария, ориентация не на элитарную, а на массовую аудиторию.

Американские годы Перл Бак

Нобелевская премия застала писательницу на середине жизненного пути. Впереди было еще три с половиной десятилетия интенсивного творческого труда, рождение разнообразных замыслов и книг (они пока не изучены в полной мере). Но как нередко случалось с Нобелевскими лауреатами, Перл Бак уже не довелось повторить триумфа, выпавшего на долю "китайских" романов. Правда, с конца 30-х годов географические и тематические горизонты ее творчества расширились, писательницу заинтересовала Америка, ее люди, проблемы. И все же Китай до конца жизни остался в сфере ее художественного внимания.

Об этом напомнил роман "Патриот" (1939 г.) с его широким историческим фоном. В нем воссозданы революционные события в Шанхае на исходе 20-х годов, приход к власти Чан Кайши, начавшееся преследование организации "Национальное братство патриотов", оформление союза гоминьдановцев с денежной элитой общества, первая фаза японо-китайской войны. В центре романа - драматическая судьба Ай-лана, молодого человека, сына банкира, участника студенческого революционного движения. Он вовлечен в бурные события, поддерживает поначалу гоминьдановцев, затем в них разочаровывается, уезжает за границу, откуда возвращается в Китай, чтобы помочь соотечественникам в борьбе с японской агрессией. Роман включал актуальный материал по истории Китая, в нем содержались критические оценки как гоминьдановцев, так и коммунистов.

Перл Бак пробует свои силы и в драматургии, пишет пьесу "Полет в Китай". Отзываясь на феминистские проблемы, ратуя за женское равноправие, выпускает том публицистики - "О мужчинах и женщинах" (1941 г.).

В годы второй мировой войны Перл Бак своим творчеством служит делу демократии¹⁹. Она не щадит усилий в стремлении помочь Объединенным Нациям: выступает с серией радиопередач на Китай,

участвует в работе организации "Объединенная помощь Китаю". В 1941 г. основывает Ассоциацию "Запад-Восток" с целью добиться большего взаимопонимания народов двух полушарий, содействовать тому, чтобы Америка поняла Азию, а Азия - Америку. Среди ее многочисленных и остро злободневных выступлений военного времени очерк "Задание завтра", в котором развернута конкретная программа противодействия подрывной японской пропаганде, разыгрывавшей "цветную карту", стремившейся посеять рознь между "азиатами" и "белыми". Писательница не уставала напоминать: народы Азии сражаются не только с японской агрессией, но и с колониализмом и империализмом. Одолеть японских милитаристов можно лишь тогда, когда Запад провозгласит своей целью установление подлинной демократии "не только для одних белых".

В эти годы публицистика Перл Бак тесно связана с художественным творчеством. Живое дыхание современности ощутимо в одном из ее лучших романов "Драконово семя" (1942), завершеном как раз накануне событий на Пирл Харбор. В центре романа - жизнь крестьянина Ли Тана и его сыновей, включившихся в борьбу против японской оккупации, начало партизанского движения на занятой врагом территории. Дальнейшая судьба семьи Ли Тана стала темой романа "Обещание" (1943), действие которого происходит в 1942-43 гг. на Бирманском фронте.

На рубеже 40-50-х годов в обстановке "холодной войны" и маккартизма Перл Бак сохраняла верность своим гуманистическим убеждениям. Она была противником коммунизма и не раз высказывалась о его враждебности индивидуальной свободе, нетерпимости к инакомыслию. Это не мешало ей критически оценивать некоторые стороны жизни в США, осуждать расизм, считать ошибкой непризнание Китая, где к власти пришли коммунисты.

После 1945 г. творчество Перл Бак заметно "американизируется". Она даже выпускает несколько романов под псевдонимом Джон Седжес. Но в начале 50-х годов на обложках ее книг вновь появляется знакомое миллионам имя: Перл Бак. Несмотря на возраст, ее творческая продуктивность даже возрастает. Она выпускает по две-три книги в год, причем работает в самых разных жанрах - от историко-социологических трудов до книжек для самых маленьких читателей. Ее волнуют такие актуальные проблемы, как атомная угроза, расовое неравенство, взаимоотношения европейцев и азиатов. Если ее и можно в чем-то упрекнуть, то, пожалуй, в недостаточно основательной стилистической отделке своих сочинений.

Заметное место в творчестве Перл Бак занимали китайские сюжеты. Она редактирует альбом современных мастеров резьбы по дереву, публикует исследование "Элементы демократии в традиционной культуре Китая", а также популярный биографический очерк о Сун Ятсене²⁰. Неутомимый писательский труд дополняется гуманитарной деятельностью. Предметом ее особых забот стали дети-сироты азиатско-американского происхождения;

отцами многих из них были американские солдаты и моряки, служившие на Востоке. Для этих детей под ее эгидой был создан специальный приют "Уэлком хауз". Она мечтала о том, чтобы, став взрослыми, они сделались живым "мостом" между Востоком и Западом.

Уже при жизни Перл Бак воспринималась как фигура классическая. Один из критиков назвал ее "императрицей американской литературы". Эта красивая, волевая, высокоталантливая женщина, достигшая высот славы, писатель, общественный деятель, гуманист, была блестящим, неповторимым явлением. К ее голосу прислушивались в мире. Первая ее биография была написана в 1944 г. ее младшей сестрой Корнелией Спенсер. "Анализируя ее интересы, - писала она, - ее творчество, всю ее активную жизнь, видишь, что они одушевлены неизменным единством... Все, что она творит, призвано служить установлению контактов между людьми, справедливости для всех... Она пишет так, чтобы каждый мог стать ее читателем, потому что стремится быть писателем для народа"²¹.

Это и определило особый статус Перл Бак в литературе. Прирожденный рассказчик, она хотела, чтобы ее книги "доставляли удовольствие", "развлекали", "увлекали"²². Но она жила в бурное, политизированное время, и это не могло не сказаться на ее творчестве. Как дочь миссионеров она унаследовала от родителей проповеднический пыл. С годами он отчетливо возобладали вопреки ее собственным декларациям в пользу "объективного" искусства²³. Она была "ангажированным" писателем, в лучшем значении этого слова, поэтому, о чем бы она ни писала, все это, в конце концов, подчинялось одной сверхзадаче: защите человека, демократии, свободы и социальной справедливости.

¹ Buck Pearl and Romulo Carlos. Friend to Friend. N.Y., 1958. P. 126.

² Литература о Перл Бак не столь велика по сравнению с литературой о таких ее современниках, как Хемингуэй, Фолкнер, Т.Вулф и др. См.: Zinn, L. The Works of Pearl S. Buck: A Bibliography. // Bulletin of Bibliography. 36 1979. P. 194-208.

³ В 30-е годы в СССР вышли переводы ее романов "Земля", "Сыновья", "Мать", а в годы войны - "Траконово семя". О ней писали С.Третьяков, М.Левидов, А.Старцев, А.Елистратова и др.

⁴ См., например: Сергеева Н. Банкротство одного "знатока" Китая // Новое время. 1950. N 11; - ее же: "Нет, революцию не экспортируют" // Сов. женщина. 1956. N 5.

⁵ Harris, F.T. Pearl S. Buck. A Biography. N.Y. 1969. P. 127.

⁶ Ibidem. P. 130.

⁷ Block, I. Y. The lives of Pearl Buck. N.Y., 1973. P. 90.

⁸ Doyle, A. Paul. Pearl S. Buck. Twayne Publ. Boston. 1980. P. 32.

⁹ Ibid.

¹⁰ Harris, F.T. Op.cit. P. 140.

- 11 Doyle, A.Paul. Op.cit. P. 82.
- 12 Ibid. P. 81.
- 13 Buck P. The Fighting Angel. N.Y. 1936. P. 75.
- 14 Harris6 F.T. Op.cit. P. 203.
- 15 Ibid. P. 204.
- 16 Doyle6 A.Paul. Op.cit. P. 83.
- 17 Harris6 F.T. Op.cit. P. 217.
- 18 Ibid. P. 239.
- 19 См. наши публикации. - Новое время. - 1992. N 28. Там же. - 1993. - N 14.
- 20 См.рецензию Б.Занегина // Советское китаеведение. - 1958. - N 3.
- 21 Spencer, C. The Exile,s Daughter. A. Biography of Pearl S.. Buck. N.Y., 1944. P. 194.
- 22 Так, "Сыновья" были переведены на 16 языков, "Гордое сердце" - на 12, "Ссылка" и "Сражающийся ангел" - на 10 языков каждый. Ранние произведения Перл Бак продолжали издаваться и после войны. Число изданий "Земли" перевалило за полсотни.
- 23 Rizzon. B. Pearl S. Buck. The Final Chapter. 1979.

АРХИВ В. ПЕРЕЛЕШИНА БУДЕТ ПЕРЕДАН В РОССИЮ

Валерий Перелешин

После продолжительной и тяжелой болезни 7 ноября 1992 года в Рио-де-Жанейро (Бразилия) умер Валерий Перелешин (Валерий Францевич Салатко-Петрище). Имя этого талантливого поэта и переводчика уже было хорошо известно в Харбине 30-х годов: там на страницах литературно-художественного журнала "Рубеж" он публиковал свои первые поэтические произведения; издал четыре книги стихотворений. В. Перелешин родился в Иркутске в 1913 году. В Харбин попал в детском возрасте, там же получил образование - окончил гимназию Христианского союза молодых людей и Юридический факультет. Печататься начал с четырнадцатилетнего возраста. Помимо четырех поэтических сборников ("В пути", 1937; "Добрый улей", 1939; "Звезда над морем", 1941; "Жертва", 1944),

Перелешин издал в Харбине перевод поэмы С.Т. Кольриджа "Сказание Старого Моряка" (1940). Активно участвовал в литературно-художественном объединении "Чураевка", был редактором газеты одноименного названия. Принимал участие во многих литературных сборниках и альманахах Харбина, а позже и Шанхая, куда после недолгого пребывания в Пекине и Тяньцзине, он переехал в середине 30-х годов.

В 1953 году судьба забросила его в Бразилию. Там он после почти четырнадцатилетнего перерыва вновь возвращается к литературной

деятельности - ведь поэзия была его призванием. Здесь он издал более 10 книг - сборников стихотворений, воспоминаний и переводов ("Южный дом", 1968; "Качель", 1971; "Ариэль", 1976; "Три Родины", 1987). Прекрасные переводы В.Перелешина с китайского языка, которым он владел в совершенстве, вошли в сборники "Стихи на всере", 1970; "Ли Сао", 1975. Переводил он и с других языков - английского, португальского.

В.Перелешиним написано много, но, как известно, не количество определяет поэта, а сила поэтического взлета и мастерство. А.Перелешина отличает и то, и другое; самой совершенной поэтической форме - сонету отдал он строки подлинного вдохновенья. Листая страницы всего написанного поэтом, убеждаешься в неповторимости одаренной человеческой личности, ее бесконечной сложности и противоречивости.

Жизненный путь поэта был сложным, и ему были свойственны и мятежность, и желчная раздражительность, и восторг, и разочарование.

В лирике Перелешина есть много такого, что выделяет его творчество среди других поэтов русской диаспоры. Одна из граней его творчества - Китай, который, по утверждению поэта, был его второй родиной. В этой стране В.Перелешин вырос, получил образование и прожил половину своей жизни.

Неповторимые реалии китайской жизни, бывшие для многих путешественников и литераторов лишь мимолетным экзотическим символом, для поэта становятся емким образом, полным философского смысла - изогнутый китайский мостик, восточный лотос, памятные места, связанные с древней историей, где в соснах таятся "шорохи столетий", где "похороненные ханы во сне сраженья видят и пиры"...

Китай представлен в творчестве Перелешина еще и в его превосходных переводах классической поэзии. Великолепно владея языком, хорошо зная реалии Востока, образ мысли китайцев, он переводил поэтические строки с оригинала - явление уникальное для профессионального литератора.

Влюбленный в Китай, где В.Перелешин провел первую половину своей мятущейся жизни, согретый теплом южной, напоенной солнцем Бразилии, которая стала его последним пристанищем, он все же помнил далекую страну своих предков: "Все страны вселенной я сердцем широким люблю, но только, Россия, одну тебя больше Китая..." ("Ностальгия").

В России творчество Валерия Перелешина еще мало исследовано, широкому читателю оно почти незнакомо, но хочется надеяться, что в русской поэзии оно займет достойное место, тем более, что для изучения жизни и творчества поэта сейчас имеются все предпосылки - после кончины В.Перелешина его архив, рукописи и письма возвращаются в Россию и будут находиться в Отделе рукописей Института мировой литературы.

Так же недостаточно известны в нашей стране переводы Валерия Перелешина с китайского. Пока практически доступен лишь поэтический перевод знаменитого философского памятника китайской культуры,

созданного в IV-III вв. до н.э. - "Дао де цзин" ("ПДВ", 1990, N 3) и некоторые поэтические переводы из сборника "Стихи на всере" (газ. "Голос Родины", 1991, N 44). Стихотворные переводы В.Перелешина несомненно свидетельствуют о его заметном вкладе в дело постижения европейцами древней китайской культуры.

Предлагаем вниманию читателей стихи Валерия Перелешина, посвященные Китаю, из сборника "Жертва" (Харбин, 1944).

(С) 1993

Е.Кириллова, В.Слободчиков

Валерий Перелешин

Ностальгия

На скудные доли я сердце мое не дроблю,
Россия, Россия, отчизна моя золотая:
Все страны вселенной я сердцем широким люблю,
Но только, Россия, одну тебя больше Китая.
 У мачехи ласковой - в желтой я вырос стране,
 И желтые кроткие люди мне братьями стали;
 Здесь неповторимые сказки мерещились мне
 И летние звезды в ночи для меня расцветали.
Лишь осенью поздней, в начальные дни октября,
Как северный ветер заплачет - родной и щемящий, -
Когда на закате костром полыхает заря,
На север смотрю я - все дольше и чаще, и чаще.
 Оттуда - из этой родной и забытой земли -
 Забытой, как сон, но во веки веков незабвенной -
 Ни звука, ни слова - и осенью лишь журавли
 На медленных крыльях приносят привет драгоценный.

Чжунхай

Все лето будут лотосы цвести
И озеро притихнет, зеленея,
И все отдам я странные пути
За твой изгиб, прибрежная аллея.
 Отсюда так прекрасны вдальке
 Минувших лет немые очевидцы -
 И сонный павильон на островке,
 И древняя ладья императрицы.
И лотосы! Из-за ветвей сосны
Смотрю, с холма спускаясь по тропинке,

Как розовые звезды, зажжены
В воде широколистые кувшинки...
Из всех садов я полюбил Чжунхай
За синие расширенные дали:
Не это ли Господень тихий рай
Для лучших душ, что риз не запятнали?
Те прожили, не ведая о зле -
Иль, ведая, противились паденью...
Здесь кажется и мне, что по земле
Легко пройти невоплощенной тенью.
И эта кружевная тишина -
Моя обставанная награда,
Затем, что лучше я не видел сна,
Чем лотосы среди большого сада.

Хуцинь

Чтоб накопить истому грустную,
Я выхожу в ночную синь,
Едва заслыша неискусную
И безутешную хуцинь.
Простая скрипка деревянная
И варварский ее смычок, -
Но это боль и нежность странная,
Свисток разлуки и дымок.
И больше: грусть начальной осени,
Сверчки и пламя хризантем,
И листопад, и в смутной просини -
Холма сиреневатый шлем.
Кто дальний, на плечо округлое
Хуцинь послушную склоня,
Рукою хрупкою и смуглою
Волнует скрипку - и меня?
Так сердце легкое изменится:
Я слез невидимых напьюсь
И с музой, благодарной пленницей,
Чужой печалью поделюсь.

Вид на Пекин из Би-юнь-сы

Стою, как путник давний и бездомный,
У мраморного белого столба,

И город предо мной лежит огромный,
Как целый мир, как море, как судьба.
 Так высоко стою, так величаво
 Вознесся храм Лазурных Облаков,
 Так высоко, что умолкает слава
 И только ветра слышен вечный зов.

О, если бы, прервав полет невольный,
Сюда придти, как голубь в свой ковчег,
Впервые под сосною белоствольной
Вздохнуть и успокоиться навек!

 Да, если бы, как трепетная птица
 Здесь обрести прибежище в грозу,
 Так спрятаться, врасти и притаиться,
 Чтоб смерть забыла - и прошла внизу!

Я тих, но быть могу еще неслышной.
Я дело сделал. Я ненужный мавр.
О, как я рад, как счастлив я, Всевышний,
Что нет хоть здесь ни лавров, ни литавр!

Китай

Это небо - как синий киворий,
Осенявший утерянный рай,
Это милое желтое море -
Золотой и голодный Китай.
 Я люблю эти пестрые стены,
 Эти дворики, сосны, цветы.
 Ах, не всем же, не всем же измены:
 Сердце, верным останься хоть ты!
Сердце мудрое, где не случится,
Как святыню ты станешь беречь
Этих девушек кроткие лица,
Этих юношей мирную речь.
 И родные озера, озера!
 Словно на материнскую грудь
 К ним я, данник беды и позора,
 Приходил тишины зачерпнуть...
Словно дом после долгих блужданий
В этом странном и шумном раю
Через несколько существований,
Мой Китай, я тебя узнаю!

Дж.Фэйрбэнк. Китай: новый взгляд на историю
Fairbank J.K. China: a new history. - Cambridge, 1992. - 519 p.

Перед нами последняя книга крупнейшего американского исследователя истории Китая Джона Кинга Фэйрбэнка. Книга была завершена за два дня до кончины, постигшей его 14 сентября 1991 года. Поэтому ее можно рассматривать как венец шести десятилетий поистине титанического труда.

Работа носит в высшей степени концептуальный характер. Прокламируемый "новый взгляд на историю" действительно свидетельствует о попытке рассмотреть историю Китая под новым для автора и читателя углом зрения.

Дж.К.Фэйрбэнк по праву занимал уникальное место в западной синологии, место патриарха, или, по выражению видного германского китаеведа Оскара Веггеля, Нестора американской историографии о Китае. Трудно назвать другого исследователя, который сделал бы столь много для изучения китайской истории на Западе и пользовался столь высоким авторитетом и влиянием. Тем более поразительно, что он сохранил способность кардинальным образом корректировать свою точку зрения, причем не только на отдельные аспекты китайской истории, что вполне естественно и обязательно для историка ввиду новых открытий, публикаций неизвестных источников, но и на глубинные факторы, лежащие в основе исторического процесса.

Собственно, пересмотр концептуального подхода начался раньше, в середине 80-х годов. До этого момента Дж.Фэйрбэнк, исследовавший преимущественно историю Китая в XIX столетии, и в особенности историю европейского проникновения в приморские районы Китая (см., например, "Trade and Diplomacy on the China Coast: The Opening of the Treaty Ports, 1842-1854". Harvard, 1953), исходил, как и большинство его учеников и последователей из того, что вся современная эволюция страны в основном представляет собой ответ на вызов Запада. Позже он все более приходит к убеждению, что в Китае, несмотря на западные влияния, мало что меняется по существу, многие традиционные институты лишь перелицовываются, регенерируются под иными вывесками.

Исторический путь Китая Фэйрбэнк в своем исследовании расчленяет на четыре этапа, далеко не равных по временной протяженности, но сопоставимых по занимаемому месту в книге: первый - от палеолита до XVI века, который рассматривается под знаком возвышения и упадка имперской автократии, второй - конец существования императорского Китая, третий - Китайская республика и четвертый - КНР. Освещены эти этапы, естественно,

с разной степенью детализации и глубины. Если древность и средневековые представлены сравнительно беглым обзором, то новое и новейшее время рассмотрены более глубоко и во многих случаях - оригинально.

Один из самых больных вопросов, который, по словам автора, преследует сегодня всех патриотов Китая (и в их числе, естественно, самого Фэйрбэнка), это исторические причины отсталости. Почему Китай, далеко опережавший средневековую Европу, в новое время оказался позади? Парадоксальный ответ на этот вопрос Фэйрбэнк усматривает в том, что достигнутое Китаем раннее совершенство - не только в области искусств и технологий, но также и в учреждении институтов автократического государства, позднее стало тормозом в его развитии, источником его отсталости.

Эта трактовка и разворачивается на протяжении всего исследования. Наибольшего расцвета Китай достигает при Сунах. В книге обстоятельно рассматриваются основные слагаемые процветания сунского общества: рост населения и городов, промышленности и торговли, книгопечатания и образования, совершенствование экзаменационной системы, становление неоконфуцианства и формирование "общества шэньши". На этом фоне особенно поражает, что именно в апогее развития Китай становится добычей иноплеменных захватчиков из внутренних регионов Азии. Загадка еще более усугубляется тем, что завоевание Китая началось еще до создания династии Сун и продолжалось три с половиной столетия. Объяснение этому феномену Фэйрбэнк усматривает в том презрении, которое питали к военным конфуцианцы, ставившие их в социальной иерархии еще ниже торговцев, за пределами четырех признаваемых социальных классов. Так, одно из блестящих достоинств древнего Китая - его разумный пацифизм - обернулось глубочайшей слабостью - неспособностью избежать нашествия степных орд. Пришельцы, однако, стали интегральной частью китайского политического устройства, укрепив унаследованный от древних политический контроль над культурной и хозяйственной жизнью.

В самодостаточном росте Минской империи, в ее относительно мирном существовании и благосостоянии Фэйрбэнк видит пример, достойный восхищения, особенно если оценивать его на фоне бесчисленных неурядиц, вызванных глобальными технологическим развитием и ростом в конце XX века. Путь современного технического и экономического развития почти сознательно, по Фэйрбэнку, был отвергнут Минским Китаем, поскольку его блестящая способность к морской экспансии подавлялась консервативным неоконфуцианством. Антикоммерциализм и ксенофобия одержали верх, и Китай сошел с мировой арены.

Цинский Китай Фэйрбэнк оценивает как завершение периода высокой цивилизации, начавшегося восемь столетиями ранее при Северных Сунах. При Цинах китайская социально-политическая система абсорбировала некитайский, внутриазиатский ингредиент военного контроля. Этот симбиоз подтвердил и усовершенствовал неоконфуцианский порядок. Аграрно-

скотоводчески-бюрократический стиль общественно-политической жизни существенным образом отличался от индустриально-военно-предпринимательского стиля западных наций. В то время, когда Европа на волне Просвещения вступала в совершенно новую фазу мировой истории, Китай на протяжении XIX века мог лишь использовать старую матрицу имперской автократии и общества шэньши. Эти различия мешали установлению равноправных отношений неоконфуцианского Китая с Западом.

Фэйрбэнк считает устаревшими представления о том, что Китай оставался пассивным и неизменным, когда прогрессивный Запад покорял мир. Драма состояла в том, что материальный рост сопровождался политическим распадом. Уже в конце Минов и при Цинах автократическое государство лишь теоретически осуществляло господство над всеми сферами жизни, фактически же оно лишь в незначительной степени влияло на динамичный рост экономики и общества. Всемогущее централизованное государство, монополизировавшее теоретически конечную власть, не вторгалось на локальный уровень.

Многие факторы, стимулировавшие промышленную революцию в Европе, были неизвестны Китаю, однако при Минах и в начале Цинской династии внутренняя торговля и влияние класса торговцев достигли впечатляющих масштабов. Причины, по которым в позднецинское время индустриализация столь сильно отстала от материального роста, полагает Фэйрбэнк, лежали не столько в экономике, сколько в общественных отношениях, в политике и культуре.

Фэйрбэнк исследует постулируемый им парадокс "роста без развития". Суть его в том, что в Китае, в отличие от Европы, торговля не создала условий для индустриализации, которая, в свою очередь, стимулировала бы рост науки, техники, промышленности, транспорта, связи, социальные изменения, словом, все, что подразумевается понятием "развитие". В книге анализируются столь различные аспекты этого парадокса, как взрывной рост населения, падение производительности сельскохозяйственного труда, угнетенное положение женщин, симбиоз купца и чиновника и недостаточность правовой защиты частных инвестиций. Все они вкупе с конфуцианским отрицанием прибыли и ксенофобией обывателя привели к тому, что Китай не сумел ответить на натиск западной торговли и культуры.

XIX век в Китае, по мнению Фэйрбэнка, показал ложность представлений о сходстве доиндустриальных обществ Китая и Европы. За внешней похожестью лежали фундаментальные различия в социальной структуре, культуре и идеях, которые и выявились в XIX веке.

Запоздалая модернизация оказалась, по мнению Фэйрбэнка, губительной для Китая. Если бы император Цяньлун, пишет он, в 1793 г. принял переданное лордом Макартни предложение Георга III присоединиться к мировой торговле наций-государств, модернизация Китая могла бы быть

сопоставимой с японской. Медлительность реакции обернулась столетием неравноправных договоров

Ссылаясь на новейшие исследования, Фэйрбэнк приходит к отрицанию "тезиса Гобсона-Ленина" о том, что главное зло, которое принес с собой империализм в Китай на стыке веков, состояло в разрушении отечественного ремесла вследствие притока импортных товаров и в обнищании казны в связи с наступлением иностранного финансового капитала. Фактически, утверждает Фэйрбэнк, экономическая ситуация не была столь однозначно негативной: внешняя торговля, импорт инвестиций и технологии подчас стимулировали национальный рост и технологический прогресс. Но сегодня историки более склонны подчеркивать вызванные иностранным империализмом развал общества и психологическую деморализацию. И в этом смысле, по мнению Фэйрбэнка, длительное иностранное вторжение в Китай было неопикуемой катастрофой. Такие нововведения, как христианские миссии, западное образование, иностранные капиталовложения играли двойственную роль. Будучи, с западной точки зрения, прогрессивными, в долгосрочной перспективе, они, в то же время, подрывали современное благосостояние Китая. На кон были поставлены весь образ жизни, цивилизация.

Когда Китай в начале XX века был вынужден ответить на вызов морских держав, он смог это сделать лишь путем смены династии. Аграрно-бюрократическая структура была коммерциализирована. Тем самым завершился процесс, начавшийся еще при Минах. Но это не обеспечивало развитие, для которого необходимо было все содержание неоконфуцианства заменить современным научным знанием.

Национализм нашел выражение в формировании нации-государства. Однако поиски нового единства власти выражались в легко узнаваемых традиционных формах. И реформисты, и революционеры полагали, что экономический рост должен происходить под государственным контролем, в некотором обликии "социализма".

Изложение новейшей истории в книге в общем следует сложившимся в американской историографии стандартам. Пронгрыш гоминьдановцами гражданской войны коммунистам Фэйрбэнк объясняет их низкой компетенцией не только в военном искусстве, но и в гражданских делах, прежде всего - в управлении экономикой, что вело к товарному дефициту, инфляции, коррупции, голоду и спекуляции в сельских районах. Гоминьдановское правительство, оторванное от основной массы китайского народа, пренебрегло широко распространенными требованиями установления в стране гражданского мира. Будучи насквозь милитаризованным, оно не видело иных способов решения стоявших перед страной проблем, кроме военных. Последняя поддержка имущего класса была утрачена в результате денежной реформы 1948 года.

При коммунистах марксизм-ленинизм, по Фэйрбэнку, заместил собой в качестве всеобъемлющего и абсолютного учения неоконфуцианство. Точно

так же, как в императорские времена, строится при коммунистах и иерархия власти. Фэйрбэнк видит в неудачных попытках Мао стимулировать здоровую самокритику среди кадровых работников и добиться самообеспечения в финансировании развития на местах сходство с политикой минимализма минского императора Хунъю. Последний для обеспечения порядка на местах использовал систему принудительного труда "лицзя" и систему круговой поруки "баоцзя", а первый - для тех же целей - самоуправляющиеся уличные комитеты и всесильную "рабочую единицу - "даньвэй".

История КНР излагается применительно к принятой сегодня в этой стране периодизации: создание нового государства (1949-1953), переход к "социалистическому" (коллективизированному) сельскому хозяйству и индустриализации советского типа (1954-1957), большой скачок (1958-1960), культурная революция (1966-1976) и реформы Дэн Сяопина (1978-1988). Оценивая последний период, Фэйрбэнк пишет, что рассматривать приходится не столько жизнедеятельность народа, сколько усилия, предпринимаемые его правителями, т.е. наблюдать всадника, который должен тратить немалые усилия, чтобы только усидеть в седле, а не лошадь, которая мчится в неведомом направлении, почти неспособная умирить скачку. Проблема, по замечанию Фэйрбэнка, заключается не в том, что китайское государство слишком могущественно, а в том, настолько ли оно могущественно, как того требует современность. Когда миллиард людей принимается за индустриализацию, перед правителями стоит задача обеспечить соответствующий рост политической системы.

В демократическом движении, возникшем в конце десятилетия реформ, правящая элита усмотрела угрозу своей монополии на власть и решила уничтожить это движение прежде, чем оно положит конец ее собственному всевластию.

Фэйрбэнк расценивает Тяньаньмэньские события как банкротство того наследия, которое оставил после себя неоконфуцианский истеблишмент. Конфуцианская самодисциплина могла формировать превосходные кадры для гражданской и военной служб, но она воспрещала рассуждения по поводу источника и легитимности автократии. Тем самым всемерно избегали самого скромного и вполне доступного плюрализма, без которого немислимо гражданское общество.

Наследники китайской автократии испытали особое беспокойство в связи с тем, что плюрализм был требованием китайских современных интеллектуалов. Но плюрализм - неизбежный спутник растущей специализации и неперемнная принадлежность независимой экспертизы. Многие в Китае и за его пределами, отмечает Фэйрбэнк, полагают, что экономический рост Китая не пойдет достаточно далеко, если он не будет сопровождаться большей мерой участия народа в политике. Как экономический, так и политический рост в равной мере необходимы для модернизации.

На западный взгляд, в Китае идет борьба между монополией и конкуренцией, причем последняя привлекает увеличением производительности. Но, на взгляд китайцев, эту борьбу можно выразить скорее моральными категориями, обличающими материализм и жадность в сфере экономики, постоянную смуту, создаваемую свободным обменом идеями, и эгоизм групп с различными интересами, сталкивающихся в системе представительной демократии.

Можно рассматривать, заключает Фэйрбэнк, движение Китая к гражданскому обществу как историческую тенденцию, не настаивая, однако, на том, что оно должно привести к западному типу демократии со свободными выборами, представительным правительством и гарантированными законом правами человека. Напротив, китайский тип демократии мог бы, например, предполагать выборы внутри статусных групп, представительство, осуществляемое путем достижения консенсуса, при индивидуальных правах, понимаемых более узко, чем на Западе. Фэйрбэнк предостерегает от попыток рекомендовать Китаю следовать путем западных демократий, по меньшей мере до той поры, пока им не удастся найти более эффективные способы обуздания собственной коррупции, насилия, производства наркотиков и оружия и обеспечить соблюдение общественной морали.

Монография такого типа, какую представляет собой последняя книга Фэйрбэнка, неизбежно открыта для критики. Прежде всего потому, что сколь бы ни был универсален и даже энциклопедичен в своих познаниях автор и сколь бы широко он ни пользовался трудами своих коллег по тем проблемам, которые известны ему менее (и то, и другое в равной мере присуще маститому ученому), все равно исследование не может быть равноценным. Что и видно из сказанного выше. Но главное даже не в этом. Стремление провести сквозь рассмотрение многовековой истории Китая одну генеральную идею - в данном случае идею определяющего значения конфуцианской традиции - обедняет ее.

Но это - объективные трудности, которые до конца преодолеть мало кому удавалось. При всем этом, не только отдавая долг памяти Дж.К.Фэйрбэнка, но и исходя из интересов собственных исследований, мы должны быть признательны за появление очень интересной работы, многие мысли и выводы которой, несомненно, послужат стимулом для формирования все новых подходов к изучению истории Китая и размышлений о его настоящем и будущем.

(C) 1993

Я.Бергер, доктор исторических наук

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

Б.В.ПОСПЕЛОВУ - 70 ЛЕТ

В сентябре 1993 года исполнилось 70 лет доктору исторических наук ПОСПЕЛОВУ БОРИСУ ВАСИЛЬЕВИЧУ, главному научному сотруднику Института Дальнего Востока Российской Академии Наук.

После завершения учебы в Московском институте востоковедения и окончания аспирантуры в этом институте, с 1953 г. Борис Васильевич целиком посвящает себя научной и научно-организационной деятельности.

С января 1969 г. Борис Васильевич работает в Институте Дальнего Востока. Здесь полностью раскрылись особенности научного метода и аналитические способности ученого. Основной сферой научных интересов Бориса Васильевича являются различные течения общественной мысли и культуры Японии, Китая и Кореи, анализ социальных структур, внутривосточных процессов, международных отношений этих стран. Принципом, отличающим всю научную деятельность Бориса Васильевича, является признание единства всех сфер национальной жизни как основного компонента общецивилизационного процесса.

Всего Борисом Васильевичем Поспеловым опубликовано более 100 работ общим объемом 200 печ.л. Его труды получили широкое признание, в стране и за рубежом.

Свое 70-летие Борис Васильевич встречает полный творческих замыслов. В настоящее время он работает над проблемой интеллектуальных и нравственных аспектов потенциала мира в Азиатско-Тихоокеанском регионе. За вклад в востоковедение в мае 1993 года Борису Васильевичу Поспелову присвоено почетное звание "Заслуженного деятеля науки Российской Федерации".

Желаем Борису Васильевичу крепкого здоровья, новых успехов и нового вклада в российскую востоковедческую науку.

* * *

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Сдано в набор 14.06.93 г. Подписано к печати 16.08.93 г. Формат бумаги 70x100 1/16.

Офсетная печать. Усл.печ.л. 15,6. Усл.кр.-отт84,0тыс. Уч.-изд.л.160 . Бум. л. 6,0

Тираж5304 экз. Зак.183

Отпечатано в Московской типографии №2 ВО "Наука", 121099 Москва Г-99, Шубинский пер., 6.